

Эмиль Анит
**АЛАЯ
ЧАЛМА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Цена 38 коп.

Эмиль Аюит

АЛАЯ ЧАЛМА

Повесть

С крымско-татарского перевел автор

Москва

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1976

С
А62

Рисунки В. Самойлова

Амит Э.

А62 Алая чалма. Повесть. Пер. с крымско-тат. автор. Рис. В. Самойлова. М., «Дет. лит.», 1976.

127 с. с ил.

Алая чалма — это награда, которую получают подпаски за хорошую работу. Герой повести — мальчишка, еще только мечтает о такой награде. Но в жизнь ребят, веселую и, казалось бы, беззаботную, постепенно входят интересные дела и заботы взрослого мира.

А 70803—019
М101(03)76 349—76

С

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

МИРАБЫ

Если вам когда-нибудь в летнюю пору доведется побывать в Ертешаре, вас непременно приманит к себе прохладная тень трех исполинских чинаров. Эти старые-престарые деревья возвышаются над приземистыми глинобитными домами и над кряжистыми урючинами, ветви которых нависают над плоскими крышами,

и над серебристыми тополями, слывущими среди прочих деревьев великанами, и над водонапорной башней, сооруженной здесь совсем недавно. Издалека эти чинары похожи на синюю лохматую тучу, неподвижно парящую над Ертешаром. Их ветви изогнуты, корявы, в глубоких морщинах. Они вознесли над хаузом — квадратным искусственным водоемом — шатер из густых многоярусных крон и оберегают воду от жгучих лучей солнца. Среди листвы и в многочисленных дуплах живут птицы, и здесь никогда не умолкает их гвалт. А ночью на всю залитую луной окрестность рассыпаются соловьиные трели...

Эти могучие деревья когда-то в старину посадил Саттар-мираб. Было это, наверное, во времена Тимурленга, а может, и еще раньше. Так говорят в округе. Дедушка Анвара тоже часто рассказывал внуку о Саттаре-мирабе, своем предке. Давным-давно человека нет, а имя его помнят, потому что оставил память о себе — эти чинары. Недаром говорят в народе: «Если ты ничего не можешь сделать для бессмертия, то хотя бы дерево посади».

Сказывают, что Саттар-мираб был первым человеком, выставившим в безводной степи деревья. Потому-то его и прозвали «мирабом» — искусным поливальщиком. А затем, из уважения к нему, Саттару, многих новорожденных называли его именем. Вот каким он стал знаменитым. И дедушку Анвара тоже зовут Саттар-бобб.

Анвар теперь догадывается, о чем шепчутся чинары между собой. Они, должно быть, как люди, вспоминают свое детство, то время, когда еще были тоненькими и слабыми, как те прутики, из которых мальчишки делают свистульки.

Помнят они и Саттара-мираба, который привез их из поймы Зеравшана. Хлебнули лиха саженцы на новом месте. Слабые их корни не могли добраться через твердую как камень землю до влаги. А вокруг на пятьдесят верст — ни колодца, ни речушки. Воду привозили в Ертешар в бурдюках — плотных кожаных мешках — из Зеравшана. Дорога к реке была нелегкой, поэтому за водой отправлялись только храбрецы. Те, кто побывал у Зеравшана, рассказывали потом такое, что людям с трудом верилось. А храбрецы джигиты говорили, будто там, где они были, течет проворная горная река. И что вода в ней прозрачна, как слезы красавицы, холодна, как лед, сладка, как шербет. А главное, ее так много, что не убывает, сколько бы ни пил. И хватило бы той воды не только утолить жажду жителям пустыни, но и напоить весь их скот, оросить землю,

которая отблагодарила бы людей за доброту вкусным хлебом, белым хлопком. Но свирепый правитель, живущий на далекой Бухарской земле, куда Зеравшан мчит свои воды, не позволяет никому прокопать и маленького арыка от той реки — боится, что не хватит влаги его садам, которые можно сравнить разве только с райскими.

Люди верили и не верили: разве может быть, что где-то течет река, когда они по утрам слизывают с камней росу, чтобы утолить жажду; что где-то цветут и плодоносят сады, когда они ни разу еще не видели зелени, кроме жухлой травы да верблюжьей колючки. Раскаленный ветер самým подхватывал пригоршнями песок и зло швырял на затерявшийся в безводной пустыне кишлак, будто собирался похоронить его вместе с людьми. И похоронил бы. Но с ним заспорил Саттар-мираб...

Предок Анвара с чудинкой был. Так говорит дедушка. Люди больше золота берегли каждый глоток воды. А Саттар-мираб посадил ростки чинаров-поглубже в землю и на каждый корешок по целому бурдюку воды не поскупился. Соорудил навес из рогожи, чтобы солнце не испепелило его питомцев. И каждую неделю на верблюде отправлялся к Зеравшану за водой.

Большинство сельчан затею его чудачеством сочли. А некоторые откровенно посмеиваться стали: мол, рехнулся человек, не иначе. А Саттар-мираб помалкивал себе, трудился. И сам знал, что не за легкое дело взялся. Спор затеял с самумом да с беспощадным солнцем. Хочет, чтобы в его кишлаке выросли деревья. Усталым путникам будет где отдохнуть, сил поднакопить в дороге...

Видно, упрямым человеком был Саттар-мираб, решил потягаться с самой природой. А что из этого вышло, судите сами...

Много с тех пор утекло по арыкам воды. Давным-давно прогнали с земли эмиров, и беков, и баев. И вода нынче в Ертешар не в бурдюках прибывает, а по каналу. Кишлак весь нынче в зелени красуется. Во дворах у колхозников вьется по жердочкам виноградник. Фруктовые деревья от тяжести плодов ветки клонят. Вокруг раскинулись хлопковые поля. И все это потому, что пришла в степь вода. А кто первый начал поливать эту землю? Предок Анвара, Саттар-мираб. Все в округе это знают. Анвар гордится этим. И даже жалеет, что его не назвали Саттаром. Люди поглядывают на могучие чинары и вспоминают старика добрым словом. Ведь мираб и ныне

самый уважаемый человек. А Саттар был первым мирабом на этой земле.

Старший брат Анвара, Карим-ака, тоже мираб. И не какой-нибудь, а с образованием. Он в прошлом году в Самарканде специальный техникум окончил. Прямо язык сломаешь, пока выразишь название того техникума — гидромелиоративный. И теперь ему в районе все арыки доверяют.

Нелегкая работа у мирабов. Не всякий на нее способен. День ли, ночь ли — вода по арыкам бежит. Значит, и мирабам не до отдыха. Еще ни разу не случилось, чтобы Карим-ака пришел с работы засветло.

Вот и сейчас давно стемнело, а Карима-ака все нет и нет. Мать отослала Анвара спать, сама сидит в большой комнате, дожидается старшего сына. А до сна ли Анвару! Он представляет, как брат, может быть, стоит сейчас по колено в воде и кетменем поправляет размытые берега. Стараются, чтобы ни капли воды не убежало зря. Вода ведь норовиста бывает — того и гляди, прорвет запруду и затопит рядки с хлопчатником.

Окно распахнуто настежь. В фиолетовом проеме мерцают звезды. В комнату влетает ветерок, пахнувший полынью, и приносит прохладу. В саду среди клевера однотонно свиристят цикады, нагоняют сон.

Брат задерживается. Значит, что-то случилось. Анвар всегда дожидается его прихода. Едва слышит голос брата в соседней комнате, выходит и просит ему тоже налить чаю. За ужином Карим-ака обычно рассказывает, что за день произошло — как он и его подручный с трудом одолели воду, или как ловили огромного сома, заплывшего в арык невесть откуда, или о том, какие вести прислал дед, угнавший колхозные отары на горные пастбища — джайляу. Но сегодня, судя по всему, Анвар не дождет брата. Веки слипаются, руки и ноги тяжелеют — не шевельнуть. Видно, сильно устал...

И не один Анвар умаялся сегодня. Все измучились. Но куда ни шло, если бы хоть толк был. А то ведь пользы ни на йоту... Ребята разошлись с пришкольного участка в сумерки и ели волокни ноги.

В этом году ребята на своем участке впервые посеяли хлопок. И вот их хлопчатник погибает от жажды. На глазах засыхает. Мало того, что их участку воды не достается вволю, а тут еще и солнце его обходит стороной. Густая орешина

распростерла над крошечным полем крону, заслоняет хлопчатник от солнца. С какой стороны ни приноврится солнце пригревать землю — тень прячется за деревом. Так и кружит по участку весь день, не дает расти кустикам. А неспроста бывалые люди говорят, что хлопчатник — дитя солнца и воды. Если досыта напьется да вдоволь понежится в горячих солнечных лучах, тогда и жди богатого урожая. А тут — ни воды, ни солнца...

Недавно ребята ходили к председателю. Вся ватага во главе с Энвером, приятелем Анвара, протиснулась в кабинет. Просили дать другой участок, где было бы побольше солнца и чтобы вблизи протекал арык. Куда там! Председатель нахмурился, заерзал на стуле, побарабанил по столу пальцами и говорит: «Вот что, джигиты, покажите сначала, на что вы способны. Тогда и будет вам другой участок. А нет — и участка вам нет. Вот так. Ступайте, не теряйте времени». И выпроводил ребят из кабинета. Так ушли они ни с чем.

Вдруг Анвар вспомнил Саттара-мираба, как он в бурдюках привозил воду из Зеравшана, чтобы поливать свои чинары. А какая разница — бурдюк или ведро? Ведро даже лучше! И предложил поливать хлопок из колодца. Но легко сказать — попробуй-ка сделать. Друзья засомневались, будет ли толк. Тогда Анвар им рассказал про своего знаменитого предка. Ребята его выслушали, а потом вопросительно посмотрели на Энвера — ждали, что скажет он.

Энвер в кишлаке самый сильный среди сверстников. Из одноклассов его еще никто не смог побороть. Ребята его уважают. Анвар и Энвер еще ни разу между собой серьезно не ссорились. То ли потому, что у них имена почти одинаковые, то ли из-за того, что оба видят друг в дружке равного. Энвер на полголовы выше друга, шире в плечах и, конечно, гораздо сильнее, зато Анвар его превосходит в ловкости. Никто лучше Анвара не лазит по деревьям, не умеет так здорово пере скакивать с ветки на ветку. А главное, когда в Ертешар приходит футбольная команда из Шелксовхоза, никто надежнее Анвара не стоит в воротах. Шелксовхозцам надо отдать должное, они играют лучше ертешарцев и по воротам соперников бьют гораздо чаще. Но Анвар прыгает и ловит мяч на лету или падает и прикрывает его собой... В конце концов игра обычно заканчивается с равным счетом.

Словом, Анвар и Энвер дружат давно.

Но не жди, что Энвер тебя поддержит в споре только по-

тому, что он твой друг. Он всегда держит сторону того, кто прав. Поэтому и Анвар, несколько волнуясь, посмотрел на Энвера.

— Давайте попробуем,— сказал Энвер.

Гремя ведрами, ребята качали из колодца воду, носили на участок. А девочки поливали каждый кустик кружками. Но вот скрипнула дверь конюшни, и из нее высунулся сонный Мамадали-отá. В рыжей жидкой его бородачке запутались соринки. Увидел ребят и с сердитой бранью бросился к колодцу. Подобрал с земли длинную хворостину. Все кинулись врассыпную. Только Шариф замешкался и не успел снять ведро с крючка; конюх огрел его хворостинкой пониже спины. Шариф завопил и, держась за мягкое место, сиганул прочь.

— Шайтаны! — кричал колхозный конюх, размахивая хворостинкой. — Какой олух вас надоумил поле из колодца поливать? Вы моих лошадей без воды оставите! Гоняй потом их к самому болоту, да? И будут ли они тухлую воду пить? Лошадь — чистое животное, даже из грязного ведра пить не станет!..

Короче говоря, Мамадали-ота запретил брать воду из колодца. Вроде не эмир и не бек, а нисколько не лучше. Попробуй докажи упряму, что не только лошади пить хотят, — у хлопка тоже в горле пересохло. Листочки завяли, стебельки к земле припадают. Могут и не выпрямиться больше...

Сквозь закрытую дверь донеслись приглушенные голоса. Анвар понимал, что это разговаривают Карим-ака и мать, но никак не мог отогнать сон. Он почувствовал себя так, будто нырнул глубоко-глубоко в воду и изо всех сил барахтается, чтобы вынырнуть на поверхность. И наконец проснулся.

Послышался смешок Гульнárки. Она весело о чем-то рассказывала. Наверное, только что возвратилась от подруги. Еще совсем недавно мать и Карим-ака не позволяли ей приходить домой так поздно. А недавно она окончила школу... «Эх, поскорее бы и мне школу окончить», — вздохнул Анвар. — Еще целых шесть лет... Осенью пойду в пятый...»

Сквозь щели в дверях пробивается свет. Лучики солнца упираются в пол, длинными стрелами и золотистыми ленточками тянутся к постели Анвара. Анвар всегда спит на полу на тонкой подстилке. Так прохладнее и утром легче расставаться с постелью.

Карим-ака ужинает. Слышно, как он в глубокой глиняной миске — касе помешивает ложкой, чтобы еда остыла, и старается в чем-то убедить мать. Анвар прислушался к его голосу.

— Надо думать, как нам быть... В колхозе людей не хватает. И воды, как назло, в этом году убавилось. В горах зимой мало снега выпало... Будь у меня под рукой сейчас человек десять — пятнадцать, я бы раздобыл воду. Поднял бы ее из болота и направил на хлопковое поле.

— Как бы ты поднял ее, сынок? Ведь там глубокая низина. А вода-то непокорна бывает,— неуверенно возразила мать.

— Все можно обдумать... Для несведущих эта низина — простое болото. А по мне, там настоящее водохранилище. С тех пор как в наши края провели канал и мы стали орошать поля, в той низине постепенно собиралась вода. Не всю воду, которую мы пускаем на поля, выпивают растения. Много воды уходит в почву, где-то глубоко-глубоко она прокладывает себе дорогу и вдруг пробивается прозрачным ключом. Вот поэтому наше местечко и называют «Ерешар», что значит «Проби-вающий землю»... В нашей низине накопились грунтовые воды. Теперь надо их использовать.

— Как это сделаешь, сынок, когда вода из болота убегает по оврагу?

— Поперек оврага надо дамбу поставить. Уровень воды поднимется. И тогда она побежит, куда ей прикажут. Жаль, заняться этим некому. Были бы умелые и сильные руки... Эх, а пока вода впустую уходит. Даром пропадает! В то время, как каждая ее капля дороже золота!

Анвар знал, о каком болоте говорит Карим-ака. Оно не-подалеку от кишлака. В низине, за яблоневым садом. Если напрячь слух, то и сейчас можно услышать, как в нем веселят-ся лягушки. Там иногда в камышовых зарослях ночуют дикие утки и гуси. Только эти осторожные птицы людей близко к себе не подпускают. Может быть, в середине болота они даже гнезятся. Но туда сквозь заросли не добраться ни на лодке, ни вброд... И правда это настоящее водохранилище!

Анвар старался не пропустить ни одного слова Карима-ака. Ему сделалось досадно, что сам не смекнул про дамбу. А они, пустоголовые, принялись носить воду из колодца!..

Анвар не заметил, как уснул.

А летом ночи коротки. Первыми обычно просыпаются во-

робьи. Чирикнул под окном один, ему откликнулся из гранатовых кустов второй, потом третий. А уже целая стайка этих хлопотливых птах, перескакивая с ветки на ветку, стала, видно, обсуждать свои планы на день... От их гвалта Анвар и проснулся.

Рассветало медленно. Слишком медленно. Наконец, блеклый солнечный луч влетел в окно и раздробился о висящее на стене зеркало. Радужные зайчики разбежались по комнате.

Анвар отбросил простыню и вскочил. Быстро натянул брюки. На ходу напялил рубашку, выскочил во двор.

В не нагретом еще воздухе запах росной травы и пыли. У соседей раскудахтались куры. Наверно, уже снесли яички. Мать в сарае доила корову. Анвар, ступая на цыпочках, бесшумно прошмыгнул мимо нее к калитке. Ничто не зашуршало у него под ногой. Не так-то просто — ходить без шороха. Он этому научился у индейцев Фенимора Купера. Не позаимствуй Анвар их опыт, мать сейчас заставила бы его обуться и надеть тубетейку. Как будто тубетейкой прикроешься от солнца. И пришлось бы целый час дожидаться, пока она приготовит завтрак.

Когда Анвар приблизился к болоту, утренняя сырость окутала тело. Над головой закружилась стая назойливой мошкары. Пришлось Анвару самого себя шлепать по щекам, по рукам, по ногам. А квакушки квакали на все лады, прямо из себя выходили. Человеку надо серьезно подумать, а они мешают. Рассердился на них Анвар, запустил в камыши плоской галькой. Лягушки враз смолкли.

Анвар обошел болото. Остановился у края оврага. По ржавому дну сочилась вода, чуть-чуть раскачивала стебельки осоки. Возвести дамбу было удобнее всего здесь.

Спустя полчаса Анвар, запыхавшись, прибежал на пришкольный участок. Под орешинной он застал гурьбу мальчишек, которые шумно спорили, стараясь перекрычать друг друга. Громче всех голос Шарифа-Крикуна.

Анвар никто не заметил. Он остановился в сторонке, силясь понять, о чем спор. С трудом уразумел. Оказывается, Шариф предложил двери конюшни подпереть снаружи бревном и, как бы вредный старикан конюх ни бесновался, оставшись в ловушке, вычерпать из колодца воду до капли. Кто-то кричал, что надо заодно спилить и орешину.

— Нельзя орешину трогать! — возразил Шариф. — Брига-

да недодаст государству орехов, а мне отец за это уши открутит! Вчера от Мамадали-ота мне одному попало. Хотите, чтобы опять?.. Запереть зловредного старикана в конюшне — и дело с концом!..

Ребята перебивали друг друга, махали руками. Энвер стоял прислонясь к орешине, заложив ногу за ногу, — ждал, когда все успокоится. В этой позе он действительно походил на композитора. Полгода назад он придумал мотив к одному из стихотворений из учебника, и две девочки эту песенку исполнили на школьном вечере. Лолка со сцены так и объявила: «Музыку к песне написал молодой композитор, ученик нашей школы Энвер!» Вот и стали после этого его называть Композитором. В слове этом ничего унижительного нет, наоборот даже. А Энверу не нравилось. Он даже отказался к другому стихотворению придумать мотив, как учительница ни просила. И ребята мало-помалу забыли его кличку...

— Тогда лучше вернуть участок колхозу — и дело с концом!.. — старался перекричать всех Шариф-Крикун. — Я вас еще весной предупреждал — не послушались!..

Да, у Шарифа-Крикуна теперь язык длинный, может горланить сколько угодно. Весной его отец, колхозный бригадир, предлагал школе не участок под хлопок, а сад. Но ребятам показалось интереснее самим засеять землю и снять осенью урожай. Тогда тоже долго спорили. Шариф предпочитал сад, потому что в саду собирай фрукты, ешь их до отвала, и больше ничего. А вырастить хлопок даже взрослым не просто...

— Если не хотите обидеть старикана, который меня огрел прутом, наш участок засохнет! Пройдет день-два, и ростки превратятся в труху! Вы тогда убедитесь, что я был опять прав.

— Нет, Крикун, ты неправ! — сказал Анвар и выступил вперед. — Участок можно спасти по-другому. Были бы умелые и сильные руки!

Энвер, не меняя позы, сказал:

— Руки есть. Что ты предлагаешь?

Ребята обступили Анвара. В бригаде не терпели проволок. Особенно теперь, когда на глазах погибает школьный участок, в который вложено столько сил. Каждому хочется поспать утром, у каждого есть свои дела. Ребята дали слово и старались его сдержать.

Анвар не знал, с чего начать. Ребята ждали. Шутки в подобные минуты кончаются не сладко, Анвар это понимал. Он

быстро опустился на корточки и стал чертить на земле какие-то линии. Он опасался, что его не поймут. Наверно, поэтому у него дрожали руки. Нет, не тумачов он боялся, а того, что сейчас может быть отвергнут единственный и самый верный выход, который спасет их поле.

Объясняя смысл замысловатого рисунка, Анвар выложил свой план. И все увидели, что слегка вогнутый эллипс, начерченный на земле Анваром, передает форму болота. От него тянется прямая черта к яблоневому саду, обозначенному множеством кружочков, наискосок она соединяется с другой линией, более широкой, тянувшейся от этого сада до самого их участка: здесь Анвар нарисовал дерево, похожее на куриную лапу.

— Ха! — усмехнулся Шариф, едва Анвар успел закончить. — Арык копать! До яблоневого сада, где проходит эта сухая канава, метров сто, если не больше. А ты предлагаешь к этой канаве подвести новый арык. Еще не известно, справились бы с этим делом за один день взрослые!

— Ребята, это же единственный выход... — пробормотал Анвар и растерянно обвел всех глазами. — Нам бы только до канавы... А по ней вода придет на наш участок.

— Может, предложишь новый канал прорыть? — не унимался Шариф. — От самого Зеравшана? Тогда-то у нас воды будет вдоволь.

Энвер внимательно смотрел на чертеж. Вдруг ткнул Анвара кулаком в бок.

— А ты молодчина!.. — весело сказал он.

Анвар толкнул его плечом. Они обхватили друг друга и стали бороться. Не всерьез, конечно, в шутку.

Ребята разбежались по домам за лопатами и кетменями.

Руководить работой взялся Энвер. Пятерых ребят он отослал на болото, поручив им накопать дерну, насобирать камней и сложить все это около оврага. Анвар прочертил лопатой линию — от оврага до самого участка, — по которой должен протечь арык. И ребята начали долбить кетменями землю.

Солнце постепенно поднималось к зениту и пригревало все сильнее. Анвар скинул рубашку, поплевал на ладони и взялся за кетмень. Старался работать, как учил Карим-ака. Взмахивал кетменем не резко, а плавно, описывая в воздухе широкую дугу. Надо экономить силы. Собственная тяжесть должна заставлять кетмень впиваться в землю. И все равно с непривычки уже ныла поясница и плечи. Ладони жгло, будто он

сжимал не черенок кетменя, а уголья. Становилось жарко. А об отдыхе никто не заикался. Было ясно, что если сегодня воду не добудут, хлопчатник засохнет. Вскоре на ладонях появились волдыри, и к ним больно прилипал черенок.

Энвер тоже разделся по поясу и закатал брюки до колен. С выдохом вгоял он лезвие кетменя глубоко в землю. При каждом взмахе на его широкой спине бугрились мышцы. На плечи сыпалась земля. Струйки пота смывали пыль и оставляли извилистые светлые полосы. Весь он стал полосатым, точно зебра.

— Эй ты, зебра! — смеясь, крикнул ему Анвар и, похлопав себя по животу, напомнил: — Уже полдень.

Энвер кивнул. Отложив кетмень, распорядился:

— Эй, Шариф, сбегай-ка на бахчу, принеси чего-нибудь подзаправиться.

Он знал, кого посылать: Шариф у любого сторожа выпросит и помидоров, и огурцов, и редиски. Лишь бы догадался завернуть в кишлак и прихватить с собой еще и лепешек.

Анвар предложил, пока прибудет еда, искупаться.

Ребята побросали кетмени и наперегонки помчались к болоту. С разбегу, словно

лягушата, попрыгали в воду. Куда и усталость девалась! Будто вода смыла ее вместе с грязью.

Вскоре вернулся Шариф-Крикун и в двух ведрах принес снеди. Ребята постелили вместо скатерок — дастархāнов свои рубахи и выложили на них лепешки, слоеные пирожки — самсу, курт — засушенный соленый творог, крупные, красные, словно покрытые лаком помидоры и только что сорванные шершавые огурцы с вялым цветочком на кончике. Расселись. И только Энвер подал знак—в один миг вся еда исчезла, словно корова языком слизнула. Даже крох не осталось.

И снова взялись за дело.

Солнце висело в зените. Было самое жаркое время дня. В эту пору колхозники обычно пережидают зной где-нибудь в тени. А ребята спешили. Они сегодня должны прокопать арык — завтра в нем уже не будет надобности: хлопок засохнет.

Анвару припекло голову, и он пожалел, что утром не надел тюбетейку. Пришлось повязать голову майкой, словно козынькой.

...Перед вечером арык был готов. Не очень глубокий и в меру широкий. А воде и не нужно особого простора — ей бы только путь был указан.

Пока вода спокойно текла по коричневому, будто ржавому, дну оврага и не подозревала подвоха со стороны ребят. Но едва в ее ложе покатались с берега камни, полетел дерн и с шумом посыпалась земля, она испуганно отпрянула назад, помедлила, собираясь с духом, и вдруг ринулась рьяно на еще рыхлую запруду. Внизу что-то сердито заурчало. Запруда осела. Ребята бросились утаптывать ее ногами. Но от нее отваливались целые глыбы земли, и вода поспешно уносила их. Вода разрушала дамбу по частям, и казалось, нет в мире сил ее одолеть. Анвар швырнул кетмень наземь и в изнеможении опустился на траву. Он закусил губы, чтобы не расплакаться от обиды.

Солнце будто расплавилось от собственного жара и растеклось по всему горизонту.

Из-за яблоневого сада, задернутого кисеей тумана, выехали два всадника. Они ехали по разные стороны выкопанного арыка. Торопя лошадей, приближались к болоту. Вскоре ребята узнали председателя колхоза и старшего брата Анвара — Карима-ака. Угораздило же их появиться именно в тот момент, когда смыло дамбу!

Ребята опешили. Но через секунду, не сговариваясь, уже приняли вид, будто ничего особенного и не случилось. А то, что произошло, словно вовсе их не касается. Кто развалился на траве, кто присел на кочку — все внимательно слушали Энвера, который рассказывал им прочитанную недавно интересную книгу. Надеялись, что председатель и мираб проедут мимо. Может, и проехали бы, если бы не арык, который привел их прямехонько к ребятам...

Председатель спешился и, держа лошадь под уздцы, подошел к оврагу. Остановился у его края, хмурый, покусывая длинный ус.

Шариф встал с места, отряхнул брюки и, надевая рубашку, громко сказал:

— Я же предупреждал!.. Я же говорил, что это пустая затея!..

Энвер украдкой ему показал кулак.

Карим-ака соскочил с седла и, оглядывая остатки дамбы, проговорил, ни к кому не обращаясь, словно самому себе:

— С умом задумано, да без ума сделано.

Ребята сидели потупясь.

— Я же говорил!.. — опять не удержался Шариф-Крикун и осекся.

Председатель обернулся. Взгляд его сделался добрее. По лицу скользнула улыбка.

— Молодцы! — сказал он вдруг. — Славное дело вы задумали!.. Сегодня меня Карим-ака полдня убеждал, что для полива можно использовать эту воду. Я поверить-то ему поверил, но решил своими глазами увидеть, что за водохранилище здесь такое... Еду, а сам голову ломаю: где людей возьму арык копать? Ай да молодцы!.. Только не все складно у вас тут вышло, сдается мне...

— Мы спешили, — буркнул Анвар.

— Э-э... спешка — плохой помощник в нашем деле. Сделано наспех — сделано на смех.

Карим-ака порывисто обернулся к ребятам искомандовал:

— А ну-ка кто пошустрее! Сбегайте вон к тем тополям и вырубите несколько кольев! Да покрепче! — крикнул он вслед Анвару и еще двум ребятам, которые со всех ног припустились к растущим вдоль сухой канавы деревьям.

Карим-ака взял кетмень и принялся рубить чим — квадратиками дерна. Ребята последовали его примеру. И председа-

тель тоже, закатав рукава, расстегнув на груди гимнастерку, стал сгребать кетменем к краю оврага землю.

Ребята принесли колья. Карим-ака заострил их. Потом прошелся вдоль оврага, отыскивая место, где удобнее всего построить дамбу. Вернувшись, сказал:

— Самое подходящее место нашли. Молодцы! Когда вырастете, настоящими мирабами станете.

Он разулся, засучил брюки и спустился в воду, чтобы опустить ногами дно оврага. Анвар и Энвер тоже полезли в овраг. Наконец отыскали место, где почва потверже. Им протянули колья. Втроем глубоко вколотили их в дно оврага.

— Теперь не вырвешься! — погрозил Анвар воде.

И в самом деле, колья, переплетенные ветками и травой, теперь прочно удерживали дамбу. Запруда поднималась все выше и выше. Вода заметалась, как заарканенная дикая лошадь, норовила перемахнуть через дамбу. Она замутилась, заклокотала. Вздрыбились, взъерошив пенистую гриву, и вдруг... словно ластясь к ногам победителей, покорно хлынула в приготовленную для нее дорогу — арык.

— Ур-ра! — закричали ребята, размахивая кетменями, подбрасывая вверх тюбетейки.

В сгустившихся сумерках на их чумазных лицах сверкали зубы и глаза.

— Ура-а! — басили председатель и колхозный мираб.

Глядя, как быстро арык наполняется водой, председатель спросил:

— Ну как, ребята, колхозным полям-то уделите водицы, а?

— Может, и уделим, — с важностью сказал Анвар и насыпил брови, точь-в-точь как это сделал тогда у себя в кабинете председатель. — Но при условии...

— А-а, догадываюсь о вашем условии! — весело засмеялся председатель. — Вижу, умеете по-настоящему трудиться. У таких ребят земля даром не пропадет. Будет у вас хороший участок! Обязательно будет!..

Над кишлаком, над завернувшимися в синюю вечернюю дымку чинарами засветилась первая звездочка. Она то гаснет, то загорается, будто на неведомом людям языке рассказывает чинарам обо всем, что видит кругом со своей высоты. А те, задумчиво и степенно покачиваясь, с одобрением кивают своими гордыми и мудрыми вершинами... Они вспоминают, что когда-то тоже были очень слабыми, как те зеленые прутья, из которых мальчишки делают свистульки.

Солнце в зените. Как огромная раскаленная сковорода, нависло над теменем и жжет немилосердно. Так оно усердствует, наверно, только в Средней Азии. Саттар-ота пришел на автобусную станцию и только теперь вспомнил, что обещал внуку и его дружку привезти по тютюбейке. На один день столько хлопот выпало — разве все упомнишь? А ведь со слета животноводов-чабанов едет, как можно без подарка? Внук выбежит навстречу. Хорошо, хоть сейчас вспомнил. До отхода автобуса еще остается время... Старик остановился, в задумчивости теребя бороду, и тут же снова зашагал в город. Шел мимо магазинов и досадливо поглядывал на красиво украшенные витрины. Есть тютюбейки — вон сколько их за толстым стеклом, какие хочешь, — да магазины закрыты. Как назло, обеденный перерыв. Хочешь не хочешь, придется ждать...

Саттар-ота медленно шел по улице, досадуя на себя, что чуточку раньше не вспомнил о подарке, углубился в раздумья и не сразу заметил, как оказался на базарной толкучке. Ноги сами привели его сюда. А толкучки исстари славятся в этих краях. Чего там только нет! Здесь можно купить все: от разборного деревянного дома до английской булавки. И толкучка оправдывала свое название — деда сразу затолкали. Он кряхтя опустил на землю тяжелый хурджун и, отвязав с поясицы платок, отер разгоряченный лоб. Пот струйками стекал по спине, щекотал между лопатками. В глазах рябило от пестроты товаров. Разноцветные воздушные шары норовят взлететь в воздух вместе с державшей их толстухой. Справа тянется ряд, где продаются полыхающие на солнце жаром парча и хонатлас. А вон продавцы тапочек: держат в руках свой товар, хлопают подошвами, будто проверяют их на прочность. Это они привлекают к себе внимание людей. Где-то стреляют. Раз за разом... «Кто же это позволяет палить на базаре, где столько народу?» — подумал старик, но тут же догадался, что это бабахают из детских пугачей. А продавцы испеченных в тандыре треугольных пирожков из тонкого теста с мясом и луком созывают покупателей: «Есть самса горячая, в масле кипящая!..» Мороженщики стараются перекрыть друг друга: «Подходи, народ! Половина мед, половина лед!..»

У Саттара-ота разболелась голова от этого шума и гама. «Уж лучше бы подождал, когда в магазине кончится перерыв...» — с досадой подумал он. И ему захотелось тут же по-

вернуть обратно и уйти поскорее с базара. Он уже взялся было за хурджун, но тут неожиданно прямо перед ним из толпы появилась женщина с целой дюжиной всевозможных тюбетеек. Саттар-ота восторженно, словно у него внутри выпрыгнула заводная пружина.

— А-а, сестрица! Иди сюда, мастерица... — загородил он женщину дорогу. — Дай-ка мне, сестрица, пару самых хороших, самых красивых. Это для внуков, понимаешь?

Саттар-ота перебрал все тюбетейки до единой: то подносил близко к глазам, то рассматривал на расстоянии, вытягивая вперед руку. Женщине, наверно, впервые попался такой привередливый покупатель, но она терпеливо ждала, пока он выберет. А старику очень уж понравилось ее рукоделие, и потому он так любовался тюбетейками. Наконец Саттар-ота выбрал одну — с ярко-красными узорами, сшитую из темно-зеленого бархата, а другую — черную в белых узорах.

— Возьму-ка эти, вот уж радости будет у внуков! — сказал он и восхищенно прищелкнул языком.

Женщина получила деньги и, по обычаю поплевав на них, чтобы они у нее никогда не переводились, спрятала во внутренний кармашек жилета.

И вдруг Саттар-ота спохватился: ведь автобус-то отходит минут через пятнадцать, не позже!.. Он засуетился, бросил на плечи хурджун и торопливо засеменил к выходу.

Шофер еще издали заметил старика, который часто перебирал ногами и второпях спотыкался. Было не трудно понять, что это тот самый пассажир, которого уже минут пять ждут отъезжающие.

...Автобус выехал за город. Вдалеке скрылись желтые мазанки городской окраины, сады. Все реже стали попадаться деревья. И вот, насколько охватывает взгляд, раскинулась солончаковая степь. Глубокие трещины, как незаживающие раны, покрывали густой сеткой белую от соли землю. Вдали смутно вырисовываются зубцы гор. В той стороне родной Ер-тешар. Через час-другой Саттар-ота будет дома.

Старик задумчиво смотрел на песчаные барханы. Перед глазами проносились молодость... Припомнилось ему, как много лет назад по этим самым местам проходил он с караваном утомленных верблюдов, вел в тыл басмачам едва державшихся на ногах красноармейцев. Уже много дней шел их отряд по пятам вооруженных до зубов бандитов, которые что ни ночь, то нападали на селения, жгли сельсоветы, школы, отбирали у

бедняков скот, мучили и убивали беззащитных людей. Теперь никак нельзя красноармейцам потерять вражий след — потом поди-ка разыщи их в необъятной безводной степи...

Глубоко задумался Саттар-ота, закрыв глаза. И, словно наяву, увидел он, как медленно тянется их отряд цепочкой по пустыне. Вконец измотанные люди вязнут в песке. Двое суток идут без воды. А кругом барханы, барханы — царство песков. Над головой палящее солнце. Оно, кажется, так низко, что вот-вот коснется земли, выжжет, расплавит все...

И вдруг Саттар-ота неожиданно наткнулся на колючий кустарник джиды. Воспаленные от летящего песка и яркого солнечного света глаза не могли заметить растения издалека. Эти деревья выглядели жалкими и не вселяли в людей никакой надежды. Но все же в них теплилась жизнь.

«Командир, надо копать колодец... — задыхаясь, сказал, еле шевеля пересохшими губами, Саттар-ота. — У людей сил больше нет... Джида растет — значит, есть вода...»

Командир окинул проводника тяжелым взглядом и с сомнением посмотрел на кустарник:

«Что же, это единственное, что мы теперь можем... Доверимся вашему опыту...»

Да, нелегко отвоевывалась у басмачей пустыня. Наутро бой. Чтобы остаться живыми, надо победить. А чтобы победить, испить бы хоть по глотку воды бойцам...

Копали попеременно, очень долго — может, день, может, сутки, а может, больше. Кто знает, сколько прошло времени. Час казался вечностью. В колодце душно, но по крайней мере прохладно. Солнце не высушивает из тела последнюю влагу. Где-то там, высоко-высоко над головой, поблескивает, словно гривенник, круглое пятнышко. А вокруг него черные точки. То головы склонившихся над колодцем товарищей. Они все еще не теряют надежду услышать из темной глубины спасительный возглас: «Вода!»

Покачиваясь на сиденье, как на горбу у верблюда, Саттар-ота незаметно уснул. И еще отчетливее привиделось ему то, что произошло много лет назад. Будто заново пережил это.

...Воды все нет и нет. Саттар-ота и двое красноармейцев из последних сил долбят землю маленькими лопатками, сантиметр за сантиметром, метр за метром, все глубже вгрызаются в землю. Один за другим поднимаются наверх ведра с землей. Вот уже почва сырая... Вот глинистая жижа... Удар, другой, и вдруг... Прямо из-под острия лопаты с веселым бульканьем

пробивается первый глазок родничка. Живая вода!.. Саттар-ота не верит глазам, подставляет руку — это не чудится. Его товарищ с глухим стоном бросается на колени и потрескавшимися губами припадает к источнику.

«Есть!.. Вода!..» — кричит Саттар-ота что есть мочи осипшим голосом. И сам едва-едва слышит себя. Его возглас слабым шелестом достигает верха колодца.

«Вода! Вода!» — проносится кругом...

Саттар-ота вздрогнул и проснулся. Автобус стоял в тени чахлах, сморщенных от старости шелковиц. Остановились, по-видимому, давно — пассажиры уже рассаживались по местам.

— Отец, там вода, — сказал паренек, который сидел рядом с Саттаром-ота. — Я вас бужу: «Вода, вода!» — а вы хоть бы что. Или вас жара не донимает, а? Там остуженный кок-чай, он, говорят, особенно утоляет жажду.

После сна Саттар-ота не был склонен к разговорам. Он молча поднялся с места и неторопливо направился к выходу. К нему бойко подбежал один из загорелых мальчишек, что чинно стояли под деревом у накрытых марлей ведер. «Ишь вы, сами от горшка два вершка, а кумекают, что человеку в пути всего необходимее; сомлевший от жары путник за холодный чай сколько с него ни спроси — заплатит...» Мальчик протянул влажную банку, наполненную прозрачным янтарным чаем.

— Пейте, дедушка, вы, кажется, еще не пили. Это холодный чай.

Дед насупил лохматые брови и недружелюбно покосился на ребят. Поднося банку к губам, он думал: сколько же может стоить такой вкусный чай в пустыне?..

В автобусе какие-то нетерпеливые женщины начали ерзать на своих сиденьях и ворчать:

— Там задержал и здесь не торопится...

Водитель засигналил. Дед, едва не поперхнувшись, выплеснул оставшийся чай на землю и, бросив в банку несколько копеек, сунул ее мальчику, ожидавшему посуду.

Едва дед поставил на подножку ногу, мальчишка обеими руками ухватился за его рукав.

— Что-о? Мало? — рассердился дед, оборачиваясь и сползая обратно. Этому уж сорванцу он непременно надерет уши.

— Что вы, дедушка! — смутился паренек. — Мы это так, без денег...

— То есть как это без денег? — изумился Саттар-ота.

— А так... Мы так решили на совете. У нас график дви-

жения автобусов... Выносим к каждому рейсу для пассажиров... Здесь ведь нельзя пить сырую воду,— пояснил мальчик и сунул деньги обратно деду в карман.

Дед в смятении уставился на мальчишку. Он не слушал досадовавших на него в машине пассажиров. Чья-то сильная рука взяла его под локоть и осторожно втащила в автобус. Это, наверно, был шофер. Но Саттар-ота резко высвободил руку и с необычной для его возраста резвостью выскочил обратно.

— Стой! Стой! — закричал он вслед удаляющемуся мальчишке.

Мальчик остановился, с любопытством разглядывая деда. Саттар-ота суетливо что-то искал у себя за пазухой и вот наконец извлек красивую тибетейку с красными узорами, из зеленого бархата.

— Вот тебе, внучек! — сказал он и, довольный своей находчивостью, улыбнулся, провел рукой по бороде.

— Что вы, зачем...

— Бери, бери, — насутился дед и напялил тибетейку мальчику на голову. — Здесь первый колодец я копал. Бери, помнить будешь!

Саттар-ота неуклюже вскарабкался в автобус, не глядя ни на кого, не замечая улыбок пассажиров, протиснулся на свое место. Наконец уселся, вздохнул глубоко и тогда с гордостью оглядел соседей:

— У меня точь-в-точь такой внучек дома, — сказал он громко. Так, чтобы услышали все. И засмеялся добрым стариковским смехом.

Опасаясь, как бы дед не надумал чего-нибудь еще и не выскочил из автобуса снова, шофер рванул машину с места.

ОБИДА

Анвар сидит на опрокинутой, сплетенной из виноградных лоз тележке и шмыг-шмыг недовольно носом. Серdito водит он по земле прутиком.

— И всегда мне все старое и старое, — недовольно бубнит он и трет грязным кулаком глаза. — Учебники всегда Гульнаркины... Лежат сто лет, а потом мне... Теперь и портфель старый... Ей больше не нужен, так его сразу же мне... Если бы ты сказала дедушке, он бы привез из города...

— У дедушки и без того будет хлопот полон рот,— заметила мать. Она неторопливо прошупывает белье, развешанное на шнуре, протянутом между двумя урючинами.— Он не гулять в город поехал, не по магазинам таскаться, а на слет-животноводов. Там соберутся знатные чабаны со всей области, важные дела решать будут, у деда и минуты свободной не найдется...

— А для Гульнарки заказала ситцу на платье...

— Перестань,— говорит мать, не оборачиваясь.— Гульнара на пятерки училась, а ты мне двойки стал приносить...

— «Двойки, двойки»! Конечно, будут двойки, если портфель старый! У всех мальчишек новые, а у меня...

— Хватит!— Мать резко обернулась. Лицо у нее строгое и чуточку грустное.— У тебя зато форма есть, а сестра в твои годы в школу босиком бегала... Да и теперь вон подружки ее по лужку носят да веночки плетут; небось рады, что школу закончили да от учебников избавились. А Гульнара на ферму собирается, хочет поработать летом, чтобы матери помочь. А ей еще и в техникум надо готовиться... Потом учиться будет легче, если руки приловчились к труду...

— Ей заказала ситцу, а мне...

— А тебе дедушка обещал тюбетейку. И тебе, и дружку твоему Энверу. Забыл?— Мать улыбнулась. Ее лицо стало добрым-добрым и родным.— А Гульнара ведь поедет в город, в техникум поступать — надо же ей справить платье... Погоди, сынок, дай только срок, будет у тебя и портфель новый, будет... Скоро дедушка из города приедет, а у тебя глаза от слез красные. А ведь он не любит плаксивых...

Мать сняла с веревки белье, ступая по скрипучим деревянным ступенькам, поднялась на веранду и скрылась в доме.

Поглядел Анвар искоса на распахнутое настежь Гульнаркино окно: сестра там халат свой белый гладит. Халат этот материн был, теперь стал ее, Гульнаркин. Латки в двух местах сама пришивала. А нынче утюжит всю, даже пар белыми клубами валит. Изю всех сил старается — хочет, чтобы старый новым казался... Пока-а дадут новый! А ей, наверно, ой как не хочется идти в первый раз на работу в латаном халате-то. А сама песенку напевает, будто ей весело...

Смотрел Анвар на сестру, смотрел, представил, как рано поутру они с матерью на ферму собираться станут. И впервые Гульнара ему совсем взрослой показалась. И такой вдруг показалась красивой, что куда до нее другим девчонкам из киш-

лака. Только с Гульнаркиных волос над виском ромашка вялая-превялая свисает. И верно, некогда сестре на луг за свежими цветами сбегать. Подумал об этом Анвар, и обиду его словно ветром сдуло.

Не спеша поднялся Анвар с тележки, похожей на корзинку, окинул озорным взглядом луг, что по ту сторону канала: издалека казалось, что луг пестрым ковром накрыт. Много-премного цветов там, да самых разных...

Шмыгнув последний раз носом, утерся рукавом, разбежался и... махнул с разгону через плетень — только пятки серые замелькали.

Гульнара утешит себе, тихонько напевая песенку, и не видит на окне букета из полевых цветов. А ветерок так и играет с каждым их лепесточком, запах луга до Гульнары донести старается. Обернулась она и замерла, руку обожгла. Бросилась к цветам, нюхает, к груди прижимает. Высунулась по пояс в окно, смотрит по сторонам:

— Анварчик! Анвар!.. Здесь Раджаб не проходил? — спрашивает с запинкой и почему-то краснеет.

— Не видел, — бурчит Анвар и, норовя убежать на канал к мальчишкам, показывает ей язык.

— Анварчик, иди-ка сюда. Я тебе что-то по секрету скажу, — таинственно зовет Гульнара и машет рукой.

Анвар подходит с опаской, боясь, как бы опять за язык не поплатились уши.

— Я тебе с первой полочки портфель новый куплю, — шепчет она Анвару на ухо и, радостно хохотнув, исчезает в окне.

— Смешная Гульнарка, — рассуждает вслух растерянный Анвар. — Я ведь просто так, а она мне портфель... Поди разберись в этих девчонках... И при чем тут Раджаб?.. Нужен мне больно этот задавака!..

Раджаб — одноклассник Гульнаркин. А недавно, как только сдал последний экзамен, пошел в подпаски к Саттару-ота. У Анвара на него давняя обида...

В школе Раджаб считался лучшим велосипедистом. Он даже участвовал в областных соревнованиях по велогонкам. Тогда он учился в десятом классе. Многие мальчишки завидовали ему.

У Анвара тоже появился велосипед. Карим-ака купил себе новый, а старый отдал младшему брату. Анвар часто, прибежав из школы, иной раз даже не пообедав, выкатывал велосипед из сарая и носился на нем по улицам. Иногда они с Энвером уезжали куда-нибудь далеко-далеко: к аэропорту — посмотреть, как садятся и взлетают самолеты, или мчались к холмам, цепочкой синеющим на горизонте. За теми холмами находился военный полигон, где танкисты обучались ведению боя. Спрятавшись где-нибудь среди камней у подножия холма, они любили наблюдать за танковым учебным боем, который мало чем отличался от настоящего... Однажды они попали под обстрел и чуть было не поплатились за свою самонадеянность и любопытство. Чудом унесли ноги. И дали слово никому из взрослых не говорить, что с ними произошло.

Однажды выехал Анвар за ворота, а у ворот — Раджаб. Тоже на велосипеде.

— Гульнара дома? — спросил Раджаб.

— Нет. Она с девочками ушла на канал, — сказал Анвар.

— Поехали купаться, — предложил Раджаб.

Анвар согласился. Этот одноклассник Гульнары ему нравился. Он был смел, горазд на выдумки. Мог сам придумать новую интересную игру, если все старые его сверстникам надоели. Кроме того, он находил различные способы, чтобы провернуть мальчишек, кто из них смел, а кто труслив.

Многие ребята гордились своей дружбой с Раджабом. А тут он сам предложил Анвару вместе поехать на канал купаться. Анвар изо всех сил нажимал на педали, мчался за ним следом.

Был теплый сентябрьский день.

Неподалеку от дороги, ведущей на колхозную сушилку, канал сворачивал вправо. За излучиной поток воды обрывался вниз с высоты десяти — пятнадцати метров, с грохотом и шипением ворочался в ложе, размытом за десятки лет. А чуть поодаль вода, словно притомившись от кипения под водопадом, разливалась вирирь, медленно и умиротворенно двигалась дальше. Берег канала здесь был устлан мягким золотистым песком. Летом этот пляж был излюбленным местом ребятни всей округи. Кто пробыл в воде слишком долго и продрог, мог погреться на горячем песке. А кто не любил жару, тот укрывался в тени джиды, тала, ореха и шелковицы, которыми густо порос берег.

Раджаб, ехавший впереди Анвара, почему-то не повернул

велосипед на тропинку, круто идущую вниз к пляжу, а направил его к узкому мосту, проложенному всего из одного ряда бетонных плит над водопадом. Его велосипед словно взмыл в воздух и, паря над бездной, медленно двигался к противоположному берегу. Анвар устремился было за ним, но в последнее мгновение резко затормозил. Щебенка, вылетевшая из-под заднего колеса его велосипеда, посыпалась в стремительно несущийся пенистый поток, который, описывая зеленовато-серебристую дугу во всю ширину реки, с глухим характерным шумом обрушивался вниз, поглощая все прочие звуки: и голоса парней и девушек, резвящихся на пляже, и щебет птиц, и рокот трактора, работавшего неподалеку в поле.

Анвар, затаив дыхание, напряженно смотрел на Раджаба. Слишком долго он ехал по этому мосту шириной в какой-нибудь метр. Это даже был не мост. Просто здесь собирались когда-то перекрыть канал, чтобы пустить его по другому руслу. Начали было строить плотину, да, видать, раздумали. Один пролет всего и остался, без шлюза...

Наконец Раджаб выехал на тот берег. Спрыгнул с велосипеда и, заслонившись рукой от солнца, посмотрел на Анвара. На его смуглом лице блеснули зубы, и Анвар понял, что он усмехнулся. Анвар готов был биться об заклад, что Раджаб придумал эту затею, чтобы проверить — смел он или трусоват. Анвар отвел глаза. Ему было стыдно. Однако проехать по этому мосту на велосипеде у него не хватило духу. От досады на себя он с трудом сдерживал слезы. Парни и девушки, загоравшие на пляже, смотрели в их сторону. Они стали свидетелями позора, на который Раджаб обрек его.

Анвар прыгнул на велосипед и укатил домой. Он знал, как трудно будет теперь вновь заслужить уважение сверстников. Но сделать это придется. Иначе не оберешься насмешек. Ясно, что среди них не найдется смельчака, который прокатился бы по этому мосту, а все равно зубоскалить будут. Особенно девчонки. Ведь им не скажешь: «Попробуйте-ка сами...»

На второй день вечером, когда жара спала, Анвар прикатил к злополучному мосту. Пляж был пуст. Ни души на нем. Анвар положил велосипед на траву и ступил на мост. Балансируя, дошел до середины. Внизу с гулом мчалась вода, серебрилась, как ртуть, шелестела, и закручивались на ней воронки, втягивая все, что в них попадет. У Анвара закружилась голова. Он быстро опустился на корточки, ухватился за шершавую мокрую бетонную плиту. «Надо успокоиться. Не

следует смотреть на воду. Лучше постараться не отрывать глаз от противоположного берега». А берег шаг за шагом все ближе и ближе...

Когда осталось всего несколько шагов, Анвар резко метнулся вперед и пронесся по бетонной плите бегом.

Потом он долго сидел на камне, переводя дыхание. Отдыхал, как после тяжелой работы. По ту сторону реки руль велосипеда отражал розоватый блик заката. На уже остывшую землю постепенно опускались сумерки. На помутневшем небе замерцала первая звездочка. Анвар встал и медленно подошел к каналу — как полководец, обзирающий место переправы.

Обратный путь ему дался легче. Теперь у него был уже небольшой опыт: он знал, что не следует смотреть под ноги, надо не сводить глаз с той точки, к которой стремишься. И вообще лучше не думать об опасности. Ему вспомнились наставления учителя по труду: «Когда бьете по зубилу молотком, не смотрите на свою руку, а то непременно угодите по ней. Не думайте про молоток. Следите только за работой острия зубила. Тогда будете бить без промаха».

И в последующие дни Анвар приезжал к этому месту несколько раз. К концу сентября похолодало, и на пляже не было ни души. Теперь Анвар уже свободно ходил по мосту. Если хотел, мог даже пробежать по нему или попрыгать то на одной, то на другой ноге, выплясывая над сердито рокочущим потоком. Затем он прошелся по этому мосту, теперь нисколько его не пугающему, толкая велосипед впереди себя. И наконец решился...

Он с разгону въехал на мост. Едва осознал, что назад пути нет и что даже ногой опереться не на что, кроме педалей. У него замерло сердце. Его прошиб пот. Но это длилось только мгновение. Не успели ослабнуть руки, которыми он прочно держал руль. Он обязан был проехать, как по канату, след в след. Малейшее отклонение руля и... Нет, про это сейчас лучше не думать. Надо цепко держаться взглядом за противоположный берег...

Когда его велосипед, шурша по песчаному откосу, выкатился на другую сторону канала, Анвар остановился и пристально оглядел пройденный путь, короткий и такой трудный. Но теперь у него не было страха, он мог еще раз прокатиться по мосту. В эту минуту он был упоен своей победой. Ему хотелось плясать от восторга, кричать от радости и дерекнуть

своим голосом грозный шум воды. Он торжествовал: ему удалось пересилить себя, побороть страх...

Об этом он рассказал как-то Раджабу.

Вслушав его, Раджаб громко расхохотался.

— На твоём месте, мой друг, я бы никогда не решился на такое! — сказал он.

— То есть как?.. — удивился Анвар. — Ведь ты первый проехал по этому мосту!

— Но на пляже в это время была Гульнара и смотрела на меня! — сказал Раджаб.

А при чем тут Гульнарка?.. Хотел об этом спросить, но Раджаб мог подумать, что он, Анвар, совсем непонятливый. Анвар решил сам докопаться до истины. Он долго размышлял над этим, но в конце концов был вынужден признать, что мир полон непонятных для него вещей...

После полудня, как только колхозники пообедали и чайхана опустела, около хауза появился Анвар. Он уселся на сурри¹, беспечно болтая ногами, делая вид, что заглянул под сень чинар отдохнуть. И как только чайханщик отвернулся, он подскочил к дереву и, распластавшись по его стволу, цепляясь за борозды в коре, складчатые наплывы, похожие на огромные бородавки, ящерницей юркнул наверх, затаился в листве. Взрослые не позволяли мальчишкам лазать на эти чинары. Они очень высокие. Одно неверное движение или попадетсЯ гнилой сучок под ногу — не долго и до беды.

Анвар убедился, что чайханщик ничего не заметил, и вскарабкался выше. Птицы подняли тревогу — перелетали, хлопая крыльями, с ветки на ветку и истошно галдели. Они в точности так ведут себя, если на дерево взберется кошка или в дупло заползет змея. Чайханщик так, видно, и подумал — даже не поднял голову, чтобы посмотреть наверх.

Анвар взобрался высоко-высоко. Здесь было прохладно и пахло грибами, как в лесу. Облюбовав развилку, он поудобнее уселся и раздвинул ветви.

Внизу, недалеко от хауза, сквозь листву проглядывает плоская крыша мечети, похожей на огромный глиняный кирпич, выложенный на солнце для просушки. Теперь уже в этой мечети никто не молится. Там склад. Хранится корм для колхозной птицефермы.

¹ Сурри — деревянный помост с бортиками.

Чуть подалее, за небольшим сквериком, где растут по краям аллеи акации, возвышается школа. С высоты она, оказываясь, похожа на печатную букву «Е». Вокруг нее суетятся люди. Двое, придерживая руками ведра, красят железную крышу. К ним по лестнице поднимается еще кто-то. Во дворе штабелями сложены парты. Их будут красить. В классах сейчас, наверно, белят стены.

Каникулы еще только начались, а школу уже готовят к новому учебному году.

А вдалеке, за прозрачной синей дымкой, едва различимы розовые постройки железнодорожной станции. На линии еле приметным черным пунктиром обозначился состав с цистернами. Левее станции торчит семафор, похожий на тощую букву «Г». Неподалеку от семафора стоянка автобуса, который курсирует между городом и районным центром. Анвару видно даже, как время от времени через переезд медленно проезжают автомобили. От станции пролегла серая лента проселочной дороги. Она огибает ореховую рощу, старый абрикосовый сад и тянется к Ертешару. Дедушка от станции скорее всего придет пешком. Он любит ходить пешком. Анвар его увидит издалека и побежит навстречу. Он узнает деда издали. По походке. Его сегодня ждали к обеду, и мама сварила плов. Давненько дед не ел домашней стряпни. Чабаны там в горах только и сидят на мясе да сыре. Мать сварила побольше, чтобы дед сам наелся да еще и с собой прихватил — угостить помощников.

Анвар обернулся назад. По эту сторону кишлака возвышаются горы. На самых высоких вершинах лежит голубоватый снег. А основание гор плавает в синем дрожащем мареве. Там на джайляу пасутся отары. Все лето дед проводит в горах и только изредка навещается домой. Поэтому Анвар успевает по нему соскучиться.

Долго просидел Анвар на дереве. Глаза устали всматриваться вдаль, ноги занемели. Стала одолевать дремота. Но вдруг донесся голос матери:

— Анвару-у!..

Она стояла возле калитки и из-под руки глядела то в одну сторону, то в другую.

— Ан-ва-а-а!..

Теперь будет звать, пока Анвар не откликнется. А как подать голос, если внизу чайханщик посудой гремит, с самоварами возится.

— Анвар! Где ты запропастился, чертенок этакий? Скорее домой, дедушка приехал!

Анвар, ошарашенный этой новостью, чуть не соскользнул вниз. Благо успел ухватиться за ветку. С трудом уняв сердцебиение, стал осторожно спускаться. Опять птицы подняли суматоху. Среди них были такие отчаянные, что норовили его клюнуть в самую макушку.

— Ан-ва-ар!..

— Ну сейчас! — крикнул, не сдержавшись, Анвар и замер.

Чайханщик пролил себе в туфлю кипяток и, запрыгав на одной ноге, воззрился вверх. На его лице обозначилось неподдельное удивление. Много всяких легенд, былей и небылиц слышал он об этих чинарах, но о том, что они говорят почеловечески, не доводилось слышать. Теперь он будет не только внимать кому-то, уши развесив, но и сам кое-что расскажет. Загрохотав крышкой, он накрыл самовар и, прихрамывая, удалился: то ли сообщить о старых чинарах еще одну новость, то ли врачевать свою ногу.

Анвар спрыгнул на супу — глиняный помост, потом на землю и побежал домой.

— Где ты пропадаешь, озорник? — укорила его мать и угостила легким подзатыльником. — Дедушка сегодня же на джайляу собирается, а я тебя дозваться не могу.

Анвар вбежал в дом. Дедушка сидел за дастарханом и ел плов. Анвар опустился с ним рядом и тоже присоединился к трапезе. Он сегодня не обедал: решил дожидаться дедушку.

Саттар-ота ласково погладил внука по голове.

Анвар спросил:

— Почему ты сегодня решил отправиться на джайляу, дедушка? Ведь ты всегда на день-два оставался дома...

— У меня новый подпасок, сынок. Всего неделю мы вместе пасли отару, и вот пришлось мне его оставить одного. Беспокоюсь, как бы чего не случилось... Правда, парень он смысленый, школу в этом году закончил. Скоро, думаю, на голову ему повяжу алуу чалму.

— А зачем ему, дедушка, эта чалма?

Дед улыбнулся в усы, погладил бороду.

— Зачем спрашиваешь?.. В наших местах чабан исстари считается одним из самых уважаемых людей. Потому что люди здесь испокон веку держат скот, тем и живут. В былые времена, когда еще колхозов тут не было, сами платили чабану чем могли: кто лепешку даст, кто крынку молока, кто

ветхую свою одежку, а кто мог только «спасибо» сказать, да богу за него помолиться. Но в чей бы дом чабан не заглянул, везде он был желанным гостем... Однако в те времена немало и всяких бродяг-дервишей шлялось по степным дорогам, они по-хозяйски стучались в дверь любого дома. Как знак того, что они побывали на поклонении праху пророка в Мекке, они носили на голове белую чалму. И чтобы люди не приняли чабана за дервиша, стали чабаны повязывать голову алой чалмой. Идет, бывало, чабан по кишлаку — и сразу видно, что это чабан, а не кто другой. Открывают сельчане двери пошире, заывают его в гости... Теперь, конечно, все иначе. Чабан нынче пасет колхозные отары. За труд ему трудодни записывают. И нет надобности ходить из дома в дом, чтобы утолить голод. Но древний обычай остался: когда подпасок овладеет всеми премудростями своей профессии и становится настоящим чабаном, ему повязывают алую чалму и дарят посох. И сделать это должен самый знатный чабан...

Из второй комнаты вышла Гульнара. Она подошла к деду и подала бумажный сверток. По ее сияющим глазам видно, что она слышала слова деда и рада, что Раджаб скоро получит алую чалму.

— Вот, дедушка, передашь ему. Здесь две книжки. Интересные. Ему понравятся.

— Что ж, передам! А по правде сказать, читать-то у него там нету времени...

— Он просил. Значит, найдет время.

Анвар перестал есть и, настороженно поблескивая черными глазенками, поглядывал то на деда, то на Гульнарку.

— Ну, что ты приуныл? Я скоро опять приеду,— сказал Саттар-ота, по-своему растолковав огорчение внука.— А тебе подарок привез, вот погляди-ка...

Дед вытер жирные руки о край дастархана и извлек из-за пазухи тубетейку. Расправил ее и надел внуку на голову.

Анвар снял, полюбовался новым головным убором.

— Красивая,— сказал он.— Одну купил?..

— Купил-то две,— проговорил дед.— Но вот какое дело...

И Саттар-ота рассказал историю, приключившуюся с ним в пути.

Они несколько минут сидели молча. Мать присела на подстилку, налила им зеленого чаю. Крепкий чай всегда кажется очень вкусным после жирного плова.

— А я Энверу сказал, что ты нам обоим привезешь по тюбетейке,— задумчиво сказал Анвар.

— Поэтому говорят: не засучивай штанин, пока не увидишь воды,— усмехнулся Саттар-ота и, помолчав, добавил: — Ты уже большой, и я тебе здесь не советчик. Поступай, как совесть велит. А мне пора...

Анвар и Гульнара проводили Саттара-ота за околицу. У последнего дома, где жил джувазчи — маслобойщик, он распрощался с внуками и энергично зашагал в сторону гор.

— Дедушка-а! Передай Раджабу привет от меня! — весело крикнула ему вслед Гульнара.

Анвар повернулся на пятке и во весь дух помчался в кишлак. Пересек яблоневый сад и, перемахнув через обвалившийся дувал, выскочил на улочку, где жил Энвер.

Спустились серые сумерки. Темнее они не будут. Темнота в эту пору лета вовсе и не наступает. Не успело солнце погаснуть за краем земли, из-за гор уже появилась блеклая луна, похожая на раскатанное для лапши тесто. Деревья притихли, ни один листик не шелохнется.

Из двора, где жил Энвер, донесся вкусный запах пережариваемого кунжутного масла. За дувалом взметнулись узкие языки пламени, осветили на мгновенье стены домов по другую сторону улицы, сонные деревья: это, видать, подбросили в печь сноп гузапи — сухих стеблей хлопчатника.

Калитка оказалась отпертой. Бабушка Энвера пекла в тандыре лепешки.

— Здравствуй, Анвар-джан,— приветливо сказала она, когда Анвар поздоровался.— Вовремя пришел, сейчас тебя горячими лепешками угощу.

— Спасибо, мы уже ужинали,— сказал Анвар.

— А я припозднилась... Мама Энвера уехала в районо на совещание, а я кручусь целый день одна,— сказала старушка, помешивая в тандыре кочергой.

— Энвер дома?

— Дома. Никак не могу его выпроводить погулять. До обеда огород поливал. А с полудня из дома не выходил. Сперва книжку читал, а сейчас сидит просто так, не разговаривает, словно обидели его. Только что я засветила в комнате лампу, а то бы сидел в темноте. Спрашиваю: «Может, заболел?» — «Нет», — отвечает. «Тогда скажи, говорю, чего не хватает тебе». Насупился, молчит... Пойди к нему. Может, с тобой у него язык развяжется...

Энвер сидел на подстилке, обхватив колени и прислонясь к подушке, набитой соломой. Голова его была чуть откинута назад, а сосредоточенный взгляд устремлен в открытое окно, где за темными купами деревьев синело небо, утыканное голубоватыми звездами. Он даже не заметил, что в комнату вошли.

— Здорово! — сказал Анвар.

Энвер вздрогнул, посмотрел на своего друга так, будто не узнал его. Потом провел по лицу ладонью и, не ответив на приветствие, хлопнул рукой по подушке, указывая место рядом с собой.

Анвар сел. Вынул из кармана сложенную тубетейку, расправил ее, надел другу на голову.

— Вот... дедушка привез...

— Тихо,— шепотом произнес Энвер, словно и не заметил подарка.

Анвар с недоумением оглянулся и спросил:

— А что?..

— Спасибо. Только тихо. Я слушаю музыку.

Однажды после игры в футбол ребята отдыхали, валяясь в клевере. Энвер сказал: «Если долго-долго смотреть в небо и молчать, то можно услышать, как поют звезды. Они очень красиво поют. Такой музыки еще никто не придумал на земле...» Ребята поверили. Но сколько ни вслушивались, ничего не услышали.

— Опять разыгрываешь? — спросил Анвар.

Энвер покачал головой.

— Ты только послушай...

Энвер быстро встал. Открыв дверцы небольшой ниши в стене, достал две бутылки и поставил их на пол. Потом вынул еще и еще. Движения его были резки и торопливы. При желтоватом свете лампы на полу тускло поблескивало уже больше десяти бутылок. Они стояли рядом, как шеренга солдат. Первая бутылка до самого горлышка была наполнена водой. Во второй воды было поменьше. В третьей еще меньше. А последняя и вовсе пустая.

В той же нише Энвер взял две палочки, на одну из которых был надет маленький блестящий патрон от нагана. И расположился поудобнее на подстилке. Все это он проделал молча и как-то волнуясь. Затем медленно занес палочки, будто раздумывая, по которой из бутылок ударить. Стукнул по первой, по четвертой, по десятой, опять по первой. Палочки за-

мелькали, извлекая звон различных оттенков. И Анвар с удивлением узнал мелодию, придуманную Энвером. Не удержался и стал напевать эту веселую песенку о мальчишке, любящем свой кишлак и горы:

Посох чабанский держу я в руке.
Как ликует душа на такой высоте!
Я отару гою на джайляу все выше,
Пусть горы родные мою песню услышат!..

Энвер засмеялся. Он обрадовался, что его друг узнал мелодию. И тоже запел. Они пропели песенку до конца.

Потом Энвер сыграл что-то незнакомое Анвару. Грустная была мелодия.

— Это татарская народная песня «Порт-Артур», — сказал Энвер и бросил палочки на пол.

— Почему ты никому не говорил, что такое придумал? — упрекнул друга Анвар. — Мог бы в школе на вечере сыграть.

Энвер махнул рукой:

— Станут опять обзывать «композитором»...

— Почему обзывать? Разве это обидное слово?

— Не обидное, если ты в самом деле композитор...

В прихожей слышались шаркающие шаги. В комнату вошла бабушка Энвера.

— Отведайте, дети, моих лепешек, — сказала она и положила на колени внуку румяную лепешку.

СТРАДА

Богатый урожай нынче выдался в колхозе. Алым соком налилась алыча. Зазолотился инжир, до сей поры прятавшийся от ребячьих глаз среди густых веерообразных листьев. А орехов сколько! Орехов в этом году уродилось видимо-невидимо. Целыми семействами по четыре-пять штук сидят они на ветках плотно, один к одному в своих зеленых сборчатых одежках, высовывая обожженные носы.

Для кишлачной детворы сбор фруктов — настоящий праздник. И длиться бы этому празднику каждый день с восхода до заката, если бы не школа. Начался учебный год. Кончилось беспечное время летних каникул. Теперь забот у ребят не меньше, чем у взрослых. Скорей бы опять каникулы!..

Лишь по воскресеньям ребята с первыми лучами солнца

будят друг друга и ватагами разбегаются по садам. Прежде чем соберутся старшие и успеют им поручить какое-нибудь дело, они до отвала набивают фруктами свои удивительно емкие животы, наполняют орехами карманы, прячут их за пазуху. А потом, собравшись вместе, начинают выхваляться друг перед дружкой.

— Я насобирал тысячу орехов! — заявил Шариф-Крикун, похлопав ладонью по оттопыренной рубашке.

— Эх, а у меня только триста штук, — завистливо вздохнул кто-то.

— Знаете что, ребята, давайте сложим все вместе и разделим поровну! Чтобы никому не было обидно, — предложил Анвар.

— Ха! Нашел дурака! Я еще ни одного орешка не съел, а ты уже штук сорок погрыз! — не согласился счастливый обладатель тысячи орехов.

— Директор школы идет! — сказал кто-то.

Между деревьями, слегка пригибаясь, чтобы не задеть головой ветки, приближался Парда-муалим. Он сегодня был в отутуженных полотняных брюках, украинской вышитой косоворотке и широкополой соломенной шляпе. Мальчишки приумолкли. Они не знали, куда спрятать черные от ореховой скорлупы руки. Им Парда-муалим не позволял появляться в школе с такими руками. И ребяташки обычно каждый вечер, усевшись на берегу арыка, до крови драли руки о мокрый кирпич, отмывая въевшуюся краску.

— Здравствуйте, ребята! — сказал Парда-муалим.

— Здравствуйте! — в один голос ответили ребята.

— Муалим, а вы сегодня оделись, как в праздник, — заметил Шариф.

Учитель, загадочно прищурившись, сказал:

— Сегодня праздник и есть. Колхоз начинает уборку хлопка. Разве вы не знали?..

— И мы на своем участке начнем?

— Конечно. Можно ли отставать от других?

— Ура! — закричали ребята, подбрасывая тюбетейки и прыгая от восторга. А для радости у них была особая причина. Они имели специальный уговор с правлением колхоза.

Энвер хотел спросить, остается ли их уговор в силе, но учитель поднял руку, требуя тишины, и сказал:

— Как раньше условились, вместо выплаты денег за хлопок, который мы соберем, колхоз построит нам спортивный зал.

— А ринг поставят? — осведомился Анвар.

Он давно донимал директора школы этим вопросом. Анвар собирался стать боксером. И не каким-нибудь, а чемпионом. В кишлаке, правда, ребята давно его признали чемпионом. Они иногда устраивали матчи в саду, намотав на руки махровые полотенца. Но Анвар мечтал выступать в настоящих матчах. У него были две книжки по технике бокса. Он их знал почти наизусть, отрабатывал различные комбинации, нанося удары по воображаемому противнику. Он научил кое-чему и Энвера. Они оба теперь даже во сне видели этот самый ринг и кожаные перчатки.

— С рингом потруднее, мой джигит, — сказал Парда-муалим. — Но ты не огорчайся. Ринг и перчатки приобретем сами, если сдадим хлопок сверх договора. А у нас, я думаю, будет излишек. Урожай хороший. Недаром вы, ребята, так славно потрудились...

Учитель хотел еще что-то сказать ребятам, но в это время Шариф, и без того долговязый, приподнялся на цыпочки, чтобы его получше было видно, и громко крикнул:

— Давайте соревноваться — кто больше соберет хлопка!

— Шариф дело говорит, — заметил учитель.

Когда крики немного приутихли, Анвар спросил:

— А какая будет норма?

Ребята заспорили.

— Предлагаю сто килограммов! — провозгласил Шариф.

— Ты что, свихнулся? — закричали на него.

Парда-муалим засмеялся, сказал:

— С нормой ты, конечно, перехватил, Шариф-джан. А вот по шестьдесят килограммов каждый соберет! Как считаете, ребята?

— Это можно.

— Соберем!

— Надо девчонок тоже позвать!

— Девочки уже на участке, — сказал директор школы. — Вам придется немало потрудиться, чтобы насобирать столько хлопка, сколько они уже собрали...

Хлопчатник на школьном участке выдался всем на удивление. Даже колхозный агроном, когда увидел, восторженно зашелкал языком. Во всем колхозе, поди, человека жаднее на похвалу не сыщешь. Редко какому бригадиру удавалось

удостоиться его похвалы. А тут агроном не удержался, хлопнул в ладоши и говорит: «Вот это хлопок!» И правда, на каждом кустике по двадцать, а то и по тридцать коробочек. Как на самых лучших участках колхоза. От края до края поле белым-бело, будто снегом присыпано. Только успевай собирать. А не успеешь — даже слабый ветерок развевает легкие пушинки, размывает по свету, словно головки одуванчика.

Сколько радости было, когда пришла вода из болота!.. Поникшие к земле кустики за ночь напились, а наутро уже, выпрямясь, стали протягивать солнцу зеленые ладошки листочков. Так ребенок тянется к тому, кто хочет взять его на руки.

Потом ребята рыхлили почву, пололи, а когда хлопчатник вырос до пояса, проделали чеканку — отщипывали у кустиков закрутки, чтобы они ветвились и больше дали коробочек.

А нынче вон какой урожай на их поле!

Ребята повязали белые фартуки, которые принес агроном, заняли по два рядка — для правой руки и для левой. И начался первый сбор. Украдкой поглядывали на фартук соседа, прикидывая, не больше ли тот успел обобрать коробочек, не намного ли вперед ушел по междурядью. Собирать хлопок — не орехи шелкать. Нужно уметь. Волокна из коробочек надо вытаскивать подушечками пальцев, и при этом вовсе не придерживать ветки другой рукой, так, чтобы она свободной оставалась и могла тоже заниматься делом. Всякому понятно, что две руки соберут вдвое больше, чем одна, но этому надо научиться, сноровку приобрести.

А вот Анвар никак не приноровится, берет левой рукой за веточку, чтобы она не качалась, а правой вытягивает из коробочек хлопья. Через какие-нибудь полчаса ребята обогнали его и ушли далеко вперед. У него заныла спина. Тем, кто пониже ростом, легче: не приходится сгибаться, как вопросительный знак. Анвар присел на корточки. Спина стала болеть меньше, зато сразу затекли ноги. Да и передвигаться гусиным шагом не просто. Нет, так много не поработаешь. Он снова поднялся и, подперев поясницу руками, разогнулся — суставы захрустели. Но отяжелевший фартук тянул вниз, заставляя кланяться каждому кусту, обряженному в белую шубу.

По соседней грядке к хирману—площадке, где ссыпают собранный хлопок,— прошел Шариф. Он ташил на спине туго набитый фартук. Даже согнулся под тяжестью. «Килограммов двадцать — не меньше», — прикинул Анвар. У Анвара и половины нет.

Мимоходом Шариф окинул взглядом фартук Анвара и хихикнул:

— Ты что, котенка в фартуке спрятал? — спросил он.

Анвар засопел от обиды, но промолчал. Что скажешь, если тот, кто тебя высмеивает, прав. А разве он виноват, что у него не получается быстро? Едва заторопится — половина хлопка на кустах остается. Приходится возвращаться и подбирать ошипки...

Не дождавшись ответа, Шариф опустил фартук на землю, выдернул из-за пояса подол желтой майки и вытер потное лицо. Видать, ему очень хотелось все же пронять Анвара.

— Спорим на сто орехов, я соберу больше тебя! — сказал он и, ухмыляясь, хитро прищурился.

Анвар промолчал.

— Спорим, я в три раза больше тебя соберу! — не унимался Шариф.

Анвар с трудом сдерживал себя, чтобы не запустить в него кураком — коробочкой хлопчатника.

— Проваливай! — сказал он. — Сам ты котенок, понял?

Шариф захохотал и раскричался на все поле:

— Э-э-э! Сборщик называется! Котенок больше потянет, чем хлопок, который ты насобирали!

А девчонкам только повод дай посмеяться. Смотрят в их сторону, заслоняясь ладонями от солнца, и уже зубы скалят.

Анвар сорвал крупный курак и замахнулся.

Шариф подхватил фартук и, пригибаясь, побежал вдоль грядки. Оказавшись на почтительном расстоянии, показал Анвару кулак и зашагал к хирману.

Проворнее забегали по кустам руки Анвара. Заостренные грани коробочек кололи пальцы. Время приближалось к полудню. Фартук, наполняясь, провисал все больше, бечевки врезались в поясницу. Подул слабый ветерок, высушил пот на лице Анвара. Ему хотелось пить.

— Ого! Твой котенок чуточку подрос! — раздалось неподалеку.

Это опять Шариф. Анвар выпрямился и с изумлением уставился ему вслед: Шариф, согнувшись под тяжестью, тащил на хирман уже второй набитый хлопком фартук.

В этот момент донесся голос Энвера:

— Э-эй! Ан-ва-ар!.. Иди сюда! Есть дело-о-о!..

Энвер стоял на краю поля, неподалеку от хирмана, и махал рукой.

— Какое дело? — спросил Анвар, сложив рупором ладони.

— Будем возить хлопок на сушилку-у!..

Анвар развязал тесемочки. Фартук с хлопком тяжело упал на землю. Анвар вскинул его на спину и зашагал к хирману.

У весов, поставленных в тени шелковицы, выстроилась очередь. Парда-муалим сам взвешивал фартуки.

— Отстаеете, джигиты, — сказал он, когда подошли Анвар и Энвер. — Шариф-джан всех в хвосте оставил, уже тридцать килограммов сдал. Повозите-ка лучше хлопок на сушилку. Вы ребята сильные, там от вас больше будет проку. У арбакеша Абдуллы-юлдузчи сын родился. Он поехал в районную больницу. Бригадир нам дал на день его арбу, а возницы нету. Справитесь?

— А то нет!.. — сказал Анвар.

Ребята высыпали хлопок в общую кучу. Не куча, а целая белоснежная гора выросла на хирмане. Четверо старшеклассников набивали хлопок в канары — огромные мешки. Двое из них держали канар за края, третий охалками накладывал хлопок, а четвертый влез в мешок и приминал хлопок ногами. Потом они все вместе брались за канар и, раскачав его, швыряли на арбу. Энвер и Анвар взобрались на арбу, стали укладывать канары так, чтобы они лежали плотно и не вывалились в пути.

Потом перебросили через канары веревку, туго затянули ее и завязали. И сами устроились наверху, будто на спине великана-слона. Энвер почмокал губами, как это делал Абдулла-юлдузча, и лошадь напряглась, сдвинула арбу с места. Арбу качало на рытвинах. Но едва выехали на дорогу, Энвер замахнулся кнутом. Лошадь побежала рысью, зацокали копыта по утоптанному галечнику.

Вдоль арыков, расположенных по обеим сторонам дороги, растут урючины. К некоторым деревьям привязаны фанерные ящики, для того чтобы прохожие в них клали подобранный по дороге хлопок, который падает с проезжающих машин. В этом месте хлопка теряется особенно много — нагроможденные на кузове тюки цепляются за ветви деревьев, хлопок падает в пыль, перемешивается с опавшими сухими листьями, с сором.

Дорога сразу же пошла на подъем. Вдали виднелись перильца деревянного моста, переброшенного через канал. По ту сторону канала, за тутовой плантацией, сушилка. Уже и кончик трубы видать. Высоченная труба, будто заводская. В этой сушилке хлопок просушивают на специальных печах, а потом отправляют на приемный пункт.

Вдруг Анвару померещилось, будто кто-то на четвереньках выполз из хлопкового поля. Надо же, на четвереньках. Анвар протер глаза и снова взгляделся сквозь медленно оседающую пыль. Нет, ему не показалось. Только из-за слоя пыли трудно было узнать, кто это. Мальчишка огляделся, метнулся к висевшему на дереве ящику и запустил в него руку. Торопливо стал запихивать в свой фартук хлопок.

Анвар ткнул Энвера локтем и, вложив два пальца под язык, свистнул. Воришка метнулся в хлопчатник и словно растаял.

Энвер натянул вожжи и остановил лошадь. Анвар, держась за веревку, спустился на землю, бросился к тому месту, где исчезло привидение. За спиной услышал сопение Энвера, последовавшего за ним.

Почти в середине поля колыхались кусты, и между ними то появлялась, то исчезала чья-то желтая спина.

— Вон! — сказал Анвар. — Это Шариф, у него желтая майка.

Но теперь Энвер и сам узнал Шарифа, потому что тот больше не прятался. Зажав фартук под мышкой, он пустился наутек.

— Надо поймать, — сказал Энвер.

Ребята, прыгая через кусты, бросились Шарифу наперерез. Хлопчатник хлестал по коленям. Шариф вдруг всплеснул руками и упал. Когда ребята подбежали, он сидел в между-рядье и, размазывая по щекам слезы, держался за коленку.

— Ах ты жулик! — зло проговорил Анвар и, сжав кулаки, подступил к нему вплотную. — Вот как ты насобирали свои тридцать килограммов!..

Легким шлепком он сбросил с головы Шарифа тюбетейку.

— Двое на одного, да? — всхлипнул тот.

— Мы не собираемся тебя бить, — сказал Энвер. — Но при условии. С этого дня ты будешь отзываться на кличку Шариф-Прохвост! Будешь?..

Шариф низко склонил голову: то ли хотел скрыть слезы, то ли прикидывал, что лучше — кличка или тумак.

Вдруг послышались тяжелый топот копыт и громыханье арбы. Анвар и Энвер резко обернулись и сразу же сломя голову бросились к дороге.

А произошло вот что. По дороге промчалась «Волга». Она внезапно выскочила из-за телеги, обдала лошадь горячей гарью и понеслась дальше, закружив рожь и хвост пыли.

Лошадь от неожиданности шарахнулась в сторону. Затрещали оглобли. Перепуганная лошадь понеслась, выгнув коромыслом шею, развевая на ветру гриву. Однако крутой подъем на мост заставил ее убавить прыть. Кованые копыта и колеса арбы гулко загромыхали по деревянному настилу. Вдруг что-то хрястнуло, арбу качнуло влево. Она резко накренилась и стала. Несколько канаров сорвалось и полетело в воду.

Анвар, еле переводя дыхание, вслед за Энвером взбежал на крутой берег и лишь успел заметить, как над водой промелькнули ступни его друга, — серебристые брызги разлетелись в разные стороны. Анвар не успел даже сбросить майку — тоже прыгнул в канал. Вода, уже не прогреваемая осенним солнцем, обожгла тело. Друзья поплыли рядом. Наконец настигли один канар. Но выловить-то его просто, а попробуй-ка вытащи!.. Хлопок, как губка, впитывал в себя воду, и каждый канар весил теперь не меньше колхозного племенного быка, что стоит в стойле с кольцом в носу. Барахтаясь, то с головой погружаясь в воду, то выныривая и отплевываясь, ребята подтолкнули канар к берегу, с трудом выволокли его на сушу.

Течение становилось быстрее. Дальше — водопад. Там вода устремляется по наклонному деревянному желобу и обрывается вниз с пятнадцатиметровой высоты.

Если вода снесет канары вниз — считай, пропали. А чтобы наполнить один канар, трем хорошим сборщикам нужно полдня...

Наконец Анвару удалось выловить еще один канар. Анвар уцепился за мешок, а свободной рукой ухватился за ветку шиповника, нависшую над самой водой. В ладонь впились шипы. Но Анвар не чувствовал боли. Ему на помощь подоспел Энвер. В этом месте, к счастью, оказалось не глубоко. Они уперлись ногами в дно, подставили под канар плечи, подсаживая его на берег. В воде канар казался не таким уж и тяжелым; но стоило его чуть-чуть приподнять из воды, он наваливался всей тяжестью на ребят и окунал их с головой в воду. Будто не хотел, чтобы его выволокли на берег. Наконец все же удалось пристроить его на самом краешке берега.

Остался один канар. Последний. Чтобы его отыскать, пришлось нырять: точь-в-точь как утки, когда они ловят рыбешку. Голова внизу, руки шарят по дну, а ноги болтаются сверху. Совсем выбились из сил. Но канар нашли. Он затонул и пере-

катывался по дну. Энвер зацепился за него ногой... Вдвоем кырнули, приподняли...

Уже глухо доносился шум водопада. Анвар засомневался, удастся ли вытащить последний канар. Самим бы успеть выбраться. Их несла вода. Все чаще то в одном, то в другом месте появлялись воронки, из которых доносилось злое урчание. Если попасть в такую воронку — не вынырнуть. На минуту Анвара обуял страх. Кричать о помощи? Нет, поздно. Их зова все равно никто не услышит. Анвар растерянно посмотрел на Энвера.

— Держи крепче канар,— посоветовал тот, пристально вглядываясь вперед. Вдруг закричал, перекрывая усилившийся грохот воды: — Не зевай!.. Хватайся за висячий мост!.. Я к нему плавал, он низко!..

Анвар тоже плавал к этому мосту, сплетенному из проволоки. Он висит над каналом, почти касаясь воды. Всего в нескольких метрах от того места, где вода, круто переломившись, устремляется по желобу под уклон. Только самые отчаянные сорвиголовы решались плавать к висячему мосту. Не успеешь зацепиться — через три секунды вода сбросит тебя с обрыва...

Вдруг с берега раздался окрик:

— Бросайте канар! Скорее на берег!..

По насыпи, которая образовалась из лёсса, выбрасываемого каждый год во время чистки канала, бежал Шариф.

— Бросайте!.. Бросайте же!..— повторял Шариф, протягивая им с берега палку.

— Гляди! — крикнул Энвер, кивнув вперед, и вовремя: плетенный из проволоки мост навис над головой. Волны, те, что порезвее, подскакивали и перебегали через него.

Шариф отшвырнул палку и, балансируя, взбежал на мост.

Энвер, уловив момент, высоко выбросил руку и ухватился за железный прут, натянутый между берегами. Другой рукой он крепко держал Анвара за ремень. А тот по-лягушечьи распластался на воде в обнимку с разбухшим канаром.

Мост накренился. Шариф замахал руками и чуть было не плюхнулся в воду. Он быстро опустился на колени и схватил Анвара за майку. Втроем подтолкнули канар к берегу...

Потом все трое в изнеможении опустили на комель поваленной ветром ветлы. Дерево все еще тянуло к солнцу свои продолговатые листочки, хотя добрая половина корня была

выворочена из земли. Энвер, взявшись за основание длинного стебелька, провел по нему рукой и сорвал полную пригоршню терпко пахнущих листьев. Поднес к лицу, вздохнул полной грудью. Потом дал понюхать Анвару. Потом Шарифу. Они не могли выговорить ни слова: стоило открыть рот, как от холода начинали стучать зубы. Но ребята были счастливы в эту минуту.

Энвер поднялся с дерева и, устало переставляя ноги, направился к дороге. Анвар и Шариф последовали за ним. На деревянном мосту, накренившись, стояла груженная арба. Ее колесо почти наполовину провалилось в щель. Около арбы уже собрались колхозники. Шумно советовались, прикидывая, как половчее вытащить колесо.

ОХОТНИКИ

За окном, хрипло перекликаясь, пролетели взлохмаченные вороны. Ветер сносил их в сторону. Небо было затянуто пологом мокрых облаков. Моросил дождь.

— Анвар, ты почему не работаешь? — спросила учительница.

Анвар поспешно схватил ручку. Листок, вырванный из тетради, лежал перед ним чистый. Ни буковки не вывел Анвар.

Учительница ходила между партами, смотрела, кто как работает. Когда приближалась к Анвару, он вжимал голову в плечи и наклонялся над партой так, чтобы учительница не видела его листка, на котором не было ни строчки.

Они получили задание написать сочинение на тему: «Наш колхоз. Наши люди». Анвару всегда казалось, что он прекрасно знает и свой колхоз и всех колхозников. Может быть, даже не хуже самого председателя знает. Рассказать про свой колхоз Анвар многое смог бы. И про хлопок, и про канал, и про стариков чинаров. И про арбакеша Абдуллу-юлдузчу, над которым люди втихомолку подшучивают из-за того, что он на тубейке носит звездочку, простую красноармейскую звездочку... А написать... Писать, наверно, только писателям легко.

Анвар опять отложил ручку. Снова принялся глядеть в окно. Дождь перестал. Ветер раскачивал деревья, срывая с них последние желтые листья. Иногда между тучами проглядывало солнце. И листья на деревьях загорались, как золотые. Под стрехой начинали радостно чирикать воробьи. И каждая ка-

пелька, свисающая с карниза, с бурых оголенных ветвей, вмещала в себе по солнышку и разбрызгивала во все стороны яркие лучи.

Осень. Время сбора фруктов и хлопка. И еще в эту пору начинается охотничий сезон. Карим-ака на той неделе убил кабана. Хоть бы раз сходить с Каримом-ака на охоту!.. Эх!..

Над кроватью прибит ковер. На нем ружье. Не игрушечное. Настоящее. Оно брата, Карима-ака. Анвару его трогать не разрешают. Он только изредка помогает брату набивать патроны. У Карима-ака полный патронташ толстых бронзовых патронов. Сейчас работы у мирабов поубавилось, и он иногда по воскресеньям ходит на охоту в горы. Горы недалеко отсюда. Когда выйдешь из кишлака, надо пройти через гумно, потом пересечь хлопковое поле, где и ощипок не осталось, перебраться через овражек, а там и рукой подать. В горах много куропаток. Водятся туры, кабаны и даже волки.

Давным-давно Анвар мечтает о том дне, когда старший брат подзовет его к себе и скажет: «Ну, парень, ты уже большой. Получай-ка ружье!..» И пошли бы они вместе на охоту. И встретили бы волка. Огромного. Хищник бросился бы на них, защищая логово. А ружье Карима-ака дало бы осечку. Вот тогда Анвар показал бы, какой он охотник...

Когда брат снаряжается на охоту, Анвару всю ночь не спится. Он ожидает утра, того момента, когда брат встанет. И едва Карим-ака снимет со стены ружье, Анвар вскакивает с постели. Старший брат смеется: «Подрасти еще чуток, так и быть, куплю тебе ружье. Вместе пойдем в горы... Заядлый ты будешь охотник, весь в брата!..»

«Подрасти, подрасти»... Сколько можно расти?..»

И снова смотрит Анвар вслед уходящему брату в окно сквозь запотевшие мутные стекла. Трет кулаком глаза и нехотя ложится в постель досматривать сны про охоту, про убитого матерого волка...

Зазвенел звонок. Анвар вздрогнул. Учительница велела дежурному собрать у учеников исписанные листки. Дежурит сегодня Лолка. Анвар не хотел отдавать ей свой листок, прижал его ладонью. Но упрямая Лолка выдернула из-под руки.

Учительница вышла. Захлопали парты. Ребятишки повскакивали с мест. Анвар схватил Энвера за рукав и отвел в сторону. Раньше они сидели вместе. Но чтобы не разговаривали

на уроках, их рассадили врозь. Зато на переменах они успевают наболтаться вволю.

— Написал? — спросил Анвар упавшим голосом.

Энвер кивнул.

— О чем?

— Про Саида-ака, твоего отца.

— Про моего отца?

— Ну да. Помнишь, однажды, когда мы его навестили в больницу, он рассказал, за что ему дали орден Ленина.

— А я так ничего и не придумал, — вздохнул Анвар.

— Просто не надо было ничего придумывать. Написал бы, что знаешь.

Они помолчали.

— Ты был хоть разок на охоте? — спросил Анвар, и в его глазах вновь загорелись огоньки.

— Ни разу.

— И я ни разу. Махнем сегодня? После уроков.

— А ружье?

— Карим-ака уехал в город. А мама с Гульнаркой на работе. Я возьму ружье.

— Вот здорово! Не обманешь?.. — вырвалось у Энвера.

— Чтоб мне пару схватить, если вру!..

После уроков Анвар прибежал домой. Швырнул ранец на стол и влетел в мехмонхану — комнату для гостей. Снял со стены ружье. Оно должно снова оказаться на месте до возвращения брата. Надо спешить. Анвар поспешно засунул за пазуху лепешку и бросился на улицу.

Около конюшни ребята играли в орехи. Они чаще всего не шли из школы прямо домой, а затевали всякие игры. Анвар специально пошел мимо них, чтобы они увидели у него ружье.

— Ты куда, Анвар? — спросил Шариф, пяля глаза на ружье.

— Ослеп, что ли? На охоту!

— А ты умеешь стрелять? — спросил Шариф.

— А то нет.

— По воробьям из рогатки, — подковырнул кто-то, и все засмеялись.

— Увидите, притащу волка. Или барсука. Или, на худой конец, дикобраза!

— Хоть ворону притащи! — крикнули вслед Анвару.

У колхозных амбаров дожидался Энвер. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу и поглядывал по сторонам. Увидев Анвара, замаха­ л рукой:

— Скорей! Пока доберемся до гор, стемнеет!..

Обсуждая подробности предстоящей охоты, ребята шагали через гумно. Прямо из-под ног испуганно шарахнулась стайка диких голубей. Ребята замерли. Долго провожали взглядом крапинки, мелькавшие на фоне серых туч.

— Ух, жаль, что не заметили,— вздохнул Анвар.— А то бы — тр-р-рах! И сразу бы штук десять...

Стая описала круг и стала опять приближаться к гумну.

— Летят... Спрячемся! — сказал Анвар и, ухватив Энвера за рукав, кинулся за стог. Оба с размаху бросились животом на почерневшую от дождя солому. Анвар сказал шепотом: — Они сейчас сядут...

Птицы замерли на мгновение в воздухе и, мягко шелестя крыльями, сели у скирды. Не замечая опасности, они, тихо переговариваясь между собой, ворошили солому, отыскивая букашек, зернышки овса и жита.

Анвар медленно поднял ружье и направил в сторону стаи. Прищурил левый глаз. У Энвера отчаянно заколотилось сердце. Тело напряглось. И он не выдержал...

— Пстой,— сказал он, хватая Анвара за плечо.— Пойдем лучше к горам. Волков поищем. Зачем на мелочь заряд тратить...

Анвар положил ружье на солому. «Гурррр, гурррр...» — ворковали взрослые голуби, разгребая лапками солому и подзывая молодых, только недавно научившихся летать.

Анвар положил под язык два пальца и пронзительно свистнул. Птицы взмыли. Ребята вскочили и долго смотрели им вслед, пока те не растаяли в небе.

— Пошли,— сказал Анвар и подобрал ружье.

За оврагом бугрились холмы и были разбросаны огромные камни.

Дедушка как-то рассказывал Анвару, откуда здесь эти камни.

В давние-предавние времена жил в этих местах чабан. Он был силен, как лев, строен, как тополь, отважен, как барс, красив, как горы в полнолуние. Жил чабан один. Пас овец хана — владыки здешних мест. Питался сыром и молоком, одежду себе шил из овечьих шкур.

Однажды, когда зима уже ушла, а весна еще не принесла

тепла, пожаловал сюда со свитой сам хан. Он показывал свои обширные владения юному шаху, готовящемуся стать его зятем. С ними в паланкине, укрепленном на белом верблюде, прибыла и сама дочь хана, которую даже везиры считали мудрейшей.

Взглянул на девушку молодой чабан и впервые за всю свою жизнь почувствовал, что в груди у него бьется что-то горячее и сильное, не подвластное ему. Глядел на девушку, и ему казалось, что даже солнце меркнет перед ее красотой.

Пока хан и юный шах беседовали в сторонке, чабан смотрел на красавицу и не мог отвести взгляда.

«Требуй, и я все для тебя исполню!» — говорил взгляд чабана.

Девушка улыбнулась.

«Убей мне вон ту птицу», — повелела она, тоже взглядом.

Высоко в небе, распластав крылья, кружилась могучая орлица.

«Проси что-нибудь другое. Эта орлица мне как мать. Когда я падал в пропасть, она подхватила меня на крыло», — сказал чабан.

«Тогда зажарь для меня мясо вон той газели», — сказала девушка, указав на холм, на вершине которого стояло стройное животное.

«О красавица, я выполню любое другое твое желание. Эта газель, когда я хворал и не мог добыть себе пищу, поила меня своим молоком. Я и ее считаю матерью».

«Сруби вон ту чинару и разведи костер, чтобы я могла обогреть руки».

«О моя повелительница, это дерево во время ливней и снегопадов предоставляет мне убежище, укрывает от непогоды ветвями заботливо, как мать...»

«У кого ты научился так любить мать?»

«У отца. Я похож на отца».

Дочь хана позвала рабов, чтобы ей помогли спешиться. Подошла к чабану и взяла его за руки.

«Я полюбила тебя, отважный джигит, — сказала она. — И буду тебе преданной женой. Я хочу, чтобы наши дети были похожи на тебя и любили меня, как ты любишь свою мать».

Разгневанный хан приказал казнить и чабана и дочь. Тогда чабан воскликнул:

«О хан! Я пас для тебя овец, чтобы ты и твоя челядь были сыты, одеты. Не ведал я, что ты так жесток, а то не дал бы

тебе и камня подобрать с матери-земли, которая нас, как своих детей, и кормит, и одевает, и дает приют. Нет, недостойны называться ее сыном! Камни лучше тебя, потому что в дело идут!..»

И вдруг хан и вся его свита превратились в камни. В большие и тяжелые — с места не сдвинуть. Твердые — и куска не отбить.

Вот и лежат эти камни с той поры, ни к чему не пригодные. Ни дома из них не выстроить, ни жернова не вытесать. Лежат, мешают распахать землю...

Между холмами разросся шиповник. Поодаль виднелись заросли боярышника и шелковицы. Ребята направились туда. Пахло гнилью, прелыми листьями и травой. Где-то трещала встревоженная сорока. В кустах порхали воробьи.

Красивая осень в этом краю. Земля под деревьями устлана шуршащим ковром из желтых, красных и коричневых листьев. Опустели огороды, бахчи, только желтеет помятая ботва. Вдали одиноко торчит покосившееся пугало. На его голове, сделанной из полой тыквы, сидит сорока и шелушит орех. Ветер взъерошил ей перья. Небо очистилось и стало прозрачным, как стекло, лишь изредка поблескивают в вышине шелковые нити паутинок...

Вдруг под кустом зашуршали листья. Серый пушистый комок метнулся в сторону и скрылся в ложбинке. Это был заяц. Ребята кинулись за ним. Заяц выскочил на открытое место и помчался крупными скачками, прижав к спине уши. Анвар забыл про ружье, залюбовавшись шустрым зверьком. Но тут же спохватился, вспомнив, что охотникам такой оплошности не прощают. Стало стыдно перед другом. Быстро снял из-за плеча ружье. Но Энвер, кажется, и не заметил, какую Анвар дал промашку. Он смотрел вслед убегающему зайцу, и глаза его горели от восторга и удивления.

Неожиданно птицы смолкли, будто испугавшись приготовлений Анвара. В воздухе послышался шум больших и сильных крыльев. Что-то серое промелькнуло над деревьями. Ребята увидели несущегося вдогонку за зайцем серого орла.

— Стреляй! — закричал Энвер.

Анвар вскинул ружье и, зажмурившись, нажал курок. Курок шелкнул, а выстрела не последовало. Нажал еще раз — то же самое.

— Эх-х, ты! — закричал в досаде Энвер. — У тебя же патронов нет. Ружье не заряжено!

Анвар открыл ствол. Он действительно оказался пустым. Анвар готов был провалиться сквозь землю. Он чуть не плакал от досады, видя, как орел, взмахнув несколько раз огромными крыльями, оказался над зайцем и камнем обрушился вниз.

Но ловкий зверек в последнее мгновение опрокинулся на спину и ударил задними лапками птицу в грудь. Хищник, видно, уже считал зайца своей добычей и не ожидал такого отпора. С клекотом отпрянул. Перья разлетелись в разные стороны и стали плавно опускаться на землю. Заяц вскочил и опрометью пустился вскачь. Рассерженный орел снова нацелился на жертву и ринулся вниз. Но говорят же: злоба ослепляет. Заяц шмыгнул между камней. Орел не успел увернуться, напоролся на острый выступ. Опрокинувшись, он шумно бил о землю крыльями, которые больше не могли поднять его в небо. Все произошло так быстро, что ребята и опомниться не успели. Когда они подбежали, хищник был мертв.

А неподалеку на бугорке вновь появился заяц. Он поднялся на задних лапках. Уши торчком. Разглядывает ребят. Передние лапки подобрал к груди, как у боксера. Словно хочет сказать: «А вот подойдите-ка поближе, то ли еще с вами сделаю!..»

Он был совсем близко. Всего минуту назад Анвар непременно метнул бы в него камень. А сейчас ему и в голову не пришло такое.

Заяц юркнул под куст и был таков.

— Кто, по-твоему, сильнее, — заяц или орел? — спросил Энвер.

— Конечно, заяц! Сам не видел, что ли... — сказал Анвар.

— Нет, орел.

— Черта с два! Почему же тогда победил заяц? А?

— Не растерялся в самый опасный момент и не струсил. Вот и победил.

Анвар подобрал орла, взвалил на спину.

— Оставь. Зачем он тебе? — сказал Энвер.

— Нужно, — буркнул Анвар, смущенно глядя в сторону.

Анвару не хотелось объяснять, для чего ему эта птица. Если признается, что расхвастался перед ребятами: не вернусь, мол, без добычи, — у Энвера будет повод посмеяться над ним. Скажет: «Тебя же на охоте трусишка заяц выручил! Если б не он, к твоему имени ребята прицепили бы прозвище «хвастун». И быть бы тебе отныне Анваром-Хвастуном!» О, он еще и не такое может сказать. Энвер умеет вышутить кого угодно.

Так размышлял Анвар и с трудом тащил свою добычу. Но когда приблизились к кишлаку, не выдержал:

— Энвер, а Энвер, — сказал он, растягивая слова, — знаешь, для чего мне эта дурацкая птица?

— Для чего?

— А ты никому не расскажешь?.. Поклянись.

У Анвара и Энвера не было секретов друг от друга. Ведь если появляются секреты, распадается дружба.

ВЕРА АКСАКЛОВ

В густой тени чинаров, кражистых и выросших до неба, устроен глиняный помост. Если хотите, на него можно взобраться с ногами, предварительно разувшись, чтобы не испачкать посланной кошмы в узорах, и, сидя по-узбекски, пить чай. Самовар тут же — пыхтит, клокочет, силясь приподнять крышку. Воду чайханщик набирает из хауза. Зеркальная поверхность его рябится порою, и ходят по ней круги — это рыба разыгралась. А старики чинары, ухватившись корневищами

за берега, величаво воздевают к небу руки, держат зеленый шатер из листвы кружевной.

Говорят, чинары живут очень долго, как живет память о добром человеке.

В полдень в чайхане особенно людно. Многие колхозники, которые трудятся в разных концах кишлака, проходят даже мимо своих дворов, спеша сюда, чтобы повидаться друг с другом, чтобы за пиалой поговорить о том о сем. Ертешарцы знают цену такой беседе, когда за разговором можно потихоньку прихлебывать горьковатый зеленый чай с леденцами или с печеньем, а то и просто с лепешкой, смачивая ее в пиалушке.

С утра был дождь. И снова, кажется, быть дождю: сизая туча заслонила солнце, набросив густую тень на опустевшие ертешарские поля, на полураздетые неоглядные сады, меж которыми теряется присыпанная галькой дорога. Лишь тополя еще не сбросили свой осенний наряд и полыхают, словно охваченные пламенем. А туча вдали пока еще бесшумно вспыхивает мгновенным голубоватым светом. Но под чинарами можно не бояться дождя — листва не пропустит ни капли.

Люди на помосте пришли в движение, подвинулись, усаживаясь плотнее, учтиво предлагая место Саттару-ота. Он в полотняной рубаше навывпуск, перепоясанный косым платком — бельбóгом. Полосатый халат накинут на плечи — жарко. Только что отнес в пиляхану¹ тяжелую вязанку дров из сада, где с утра обрезал деревья.

Морщины избородили лицо Саттара-ота, и волосы его белы. В кишлаке к нему относятся с почтением: старики-сверстники — за бодрость, за веселые анекдоты из жизни Насредина-апанди, которые умеет рассказывать Саттар-ота (они заставляют порой забывать о преклонных годах и смеяться до слез); молодежь же — за незлобивое лукавство, за острые шутки, что понуждают иных опускать глаза и не давать больше деду повода для острот.

Вчера Саттар-ота пожаловал с джайляу. В горах уже выпал снег. Оттуда ветер приносит в долину холод. Скоро придется перегонять отары на зимовку. Чабанам сообщили, что кошары — загоны для овец — уже подготовлены. Но лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. Вот и решил старый чабан сам поглядеть на кошары. Как он и думал, не все было сделано. Строго-настрого наказал бригадиру, чтобы тот выделил людей

¹ П и л л я х а н а — помещение, где выкармливаются шелковичные черви.

для ремонта кошар и подвоза корма. Саттар-ота взял протянутую ему пиалу с чаем. Положил в рот леденец.

— Эй, джигит!—позвал он сына чайханщика, помогавшего отцу.— Разыщи-ка Анвара и позови сюда. Скажи, что я жду. Мальчик кивнул и убежал.

Сегодня почему-то Саттар-ота нахмурился, молчит. Все еще душно. И тишина. И сумеречно от туч. Может, сероватый день навлекает на старика уныние? Где-то близко, на клеверном поле, защелкал перепел: словно перекатывает в клюве звонкий шарик. А думает старик, по-видимому, о чем-то сокровенном, большом, что не вмещается в нем. Это видно по его задумчивым глазам, спрятанным под белыми нависшими бровями.

Не прошло и десяти минут, Анвар предстал перед дедом, востроившим его недобрый взглядом. Анвар сразу понял, что дедушка позвал не для того, чтобы дать гостинец. Остановился в шаге от него понурый.

— Почему на уроках бездельничаешь?— строго спросил Саттар-ота.

Анвар, не поднимая головы, зашмыгал носом, утерся рукавом.

— Сочинение не смог написать,— пробубнил он.— Про колхоз...

Дедушка укоризненно покачал головой.

— Я сейчас повстречал учительницу, она мне все рассказала. Двойку тебе вlepила! Не смог про свой родной колхоз написать! Как это можно?.. Написал бы хоть про наш маленький кишлак. Ведь у нас в Ерешаре... Ленин бывал!

Головы сидящих одновременно повернулись в сторону Саттара-ота.

— Что вы, дедушка, неправда это,— заметил после минутной заминки кто-то из парней.

— Неправда?— Старик, щуря зоркие глаза, посмотрел на парня. В глубине его взора — лукавство.— Я в твоём возрасте и то никогда не врал. Кто не верит, у Борон-бобо спросите... Его все наши стяжки хорошо помнят...

Колхозный бахчевод Борон-бобо, еще более древний старик, сидел рядом с Саттаром-ота и держал пиалу в тоненьких желтоватых, словно янтарных пальцах. Он степенно качнул головой в знак подтверждения слов, сказанных только что приятелем. Все приумолкли, даже перестали пить чай и смотрели в ожидании на стариков, которые нередко вспоминали что-нибудь, поражающее своей неожиданностью.

— Кто долго жил, тот много видел. А кто много видел, тому есть о чем поведать людям,— проговорил Саттар-ота, и раздумчивый взгляд его устремился в прошлое.— Не вчера то было, года не припомню. Знаю только, что вот эта большая дорога тогда еще через кишлак не пролежала. И эти столбы, на которых провода гудят, как на рубабе¹ струны, не стояли над нею в ряд. И садов вон тех, что за дорогой, что со всех сторон окаймляют наш кишлак, тоже не было. Редко кто навевывался к нам через безводную степь, чаще всего нужда приводила — нищего или странника. Ведь вот эти чинары, под которыми мы сидим, видны далеко вокруг. К ним и направлялись те, кто заплутался в степи...

Зато частым непрошеным гостем тогда был суховей. Хлопок боялся его — задыхался, сгорал; арыки боялись — он заносил их песком; люди боялись — он оставлял их голодными и без одежды.

День-деньской приходилось тянуть лямку на байской земле. Даже на базар съездить в Самарканд или Джуму и то некогда. Пять дней спину гнешь на бая, два — на себя. На других условиях бай не уступит дехканину ни сохи, ни лошади... А придет жаркая пора, за воду бай вымогал плату отдельно. Через кишлак всего один арык протекал, его арык...

А тут разговоры пошли между дехкан: мол, басни все это, что аллах наделил земными благами только бая Касыма, а всем другим наказал быть его батраками. Людям и правда невдомек, почему арык в прошлом году проводили от самого Зеравшана дехкане округи, а вода вдруг оказалась личной собственностью бая? Что-то здесь не так...

Дошли эти толки и до ушей бая Касыма.

Как теперь помню, бай сделался мрачнее тучи. На батраков бранится без причины, кулаками трясет. От злости пнул свою собаку, так та, не будь дура, хватъ его за штаны — порвала. Еще пуще обозлился бай. В день по несколько раз прибегает на поле — проверяет, не отправился ли кто в город без его ведома. Очень уж ему почему-то не хотелось, чтобы кто-нибудь в Самарканде побывал.

А тем временем по кишлаку опять слушок прошел. Другой теперь уже. Сорока ли на хвосте принесла или кто-то втихомолку все-таки съездил в Самарканд, а только люди между собой поговаривать стали, радости не таят. И все об одном. В городе, говорят, начальство меняют — драка идет, стреляют

¹ Рубаб — музыкальный инструмент.

на улицах. Говорят, какой-то человек объявился, сказочно сильный — землю у богачей отбирает, бедным раздает. И воду отдает на вечные времена: бери и пользуйся. Бесплатно! И лошадей байских велел якобы отбирать... И зовут будто этого человека Ленин. Ле-нин!

Байские прислужники избili нескольких дехкан за эти разговоры. А бедняки все одно — как сойдутся вместе несколько человек, так им будто говорить больше не о чем: «Сказывают, за рекой Зеравшаном у баев землю отобрали... Дехкане сами хозяева...» И все с нетерпением ждут, когда же Ленин и сюда придет...

Я молодым был. И удалцом, каких поискать. Отчаянный, не то что теперь. До всего мне было дело. Собрал я как-то ночью ребят в джувазхāне, там, где из хлопковых семян масло выжимают. В темноте сидим, удары сердца друг у друга слышим. Боязно... Судили-рядили и решили кого-нибудь в город послать; пусть поглядит, разузнает, что там и как, да потом нам расскажет. Долго выбирали, кому отправиться. И выпало на мою долю собираться в путь-дорогу. Потому что я там был уже не раз.

А город — не ближний свет. И лошади у бая не попросишь: спросит — зачем. Стал я собираться, едва забрезжил за окном рассвет — только что первые петухи пропели. Даже чабан еще не выгонял скота пастись. Мне же надо успеть до вечера назад вернуться.

Жена завернула мне лепешку на дорогу и пошла в коровник за куртом.

Вдруг слышу конский топот. Все ближе, ближе. Гляжу, мимо окон всадники пролетают. Головы к потным шеям коней пригнули. Один, второй, третий... Много. Улицу пылью заволокло. Из подворотен кубарем вылетают псы, с лаем норовят цапнуть коней за хвосты. Переполошился весь кишлак. В комнату жена вбежала. Руки трясутся, бледная.

«Нукёры Амирхāна-курбаши пожаловали,— говорит шепотом.— Быть беде. Они с добром не приезжают. Не ходите сегодня в город...»

Я приоткрыл калитку, гляжу в щелочку одним глазом.

Вооруженные всадники в косматых бараньих шапках и дорогих халатах, перепоясанные портупелями, сбились в кучу у ворот Қасым-бая. Разгоряченные кони толкутся на месте, ржут, храпят. Ворота открыл сам хозяин. Руки к груди прикладывает, кланяется. Гостей человек двадцать. Но гостиная

у бая просторная, светлая. И угощения на всех хватит. Тесовые ворота сомкнулись, словно заглотнули приезжих.

Я в тот раз, может, впервые внял уговорам жены. Посоветовался с дружками-приятелями и решил в город отправить-ся на следующий день.

В полдень, как только мулла прокричал призыв на полу-денный намаз¹, на поле прискакал верхом подручный бая. Передал дехканам повеление бая: всем не медля собраться у мечети! Мечеть в то время была самым высоким строением в Ерешаре, возвышалась посередине кишлака, а вокруг нее теснились приземистые мазанки, будто цыплята возле клуши... А сейчас какое здание самое высокое? — спросил неожидан-но Саттар-ота и оглядел сидящих.

— Школа, — заметил кто-то.

— Верно. Школа. Но о школе я вам расскажу как-нибудь в другой раз. А сейчас слушайте дальше... Ну так вот, в нашем Ерешаре был издавна установлен обычай — на меджлис² соби-раться у мечети. Но об этом всегда объявляли заранее — за день или два. Люди с утра работали, устали, только соби-рались пиалушкой чая промочить горло — и на тебе!.. Умыть-ся не дают, торопят. Потные, покрытые пылью дехкане отпра-вились небольшими группами к кишлаку, держа на усталых плечах кетмени. Они были встревожены, перешептывались.

На айване — широкой веранде мечети — был послан доро-гой ковер. На нем сидел бай, начальник отряда и еще несколь-ко богачей кишлака. Они пили чай с изюмом и ели фрукты. Но было заметно, что они успели выпить и кое-чего другое покрепче. Разговаривают между собой и не обращают внима-ния на собравшихся. Люди ждали-ждали... Наконец один ста-рый дехканин, стоявший впереди, вежливо заметил:

«Бай-ака, мы собрались».

Бай метнул на него недружелюбный взгляд и не спеша поднялся. Вдыхая от сытости и слегка пошатываясь, он подо-шел к краю веранды, взялся за опорный столб, подпиравший крышу.

«Уважаемые односельчане, дехкане!» — начал бай ровным тихим голосом, но так, чтобы слышали все.

Прежде он никогда с таким почтением не обращался к нам. Тем более, если был в дурном настроении, как сейчас. Он про-

¹ Намаз — молитва.

² Меджлис — собрание, совет, сходка.

вел пухлыми пальцами по бороде, и я заметил, что руки его чуть-чуть дрожат. «Ага, значит, и ты чего-то боишься», — подумал я.

«Среди вас ходит дурная молва, будто благодатные земли, данные мне самим аллахом, будут отданы другим — вора и лентяям, — сказал бай. — Посудите сами, дехкане, есть ли кто на земле сильнее и мудрее аллаха? Он видит нас всех. Он все видит! Своими дарами он наделил тех, кто верно блюдет данные им законы. Так заслужите же и вы, дехкане, его милость! Честно и преданно служите нашей вере... А воры и лентяи, которые имеются среди вас, вместо того чтобы вовремя выполнять пять намазов, положенные на день, и молиться за своих благодетелей, ропщут на них. Может, они работать не желают? Может, они хотят день-деньской возлежать на подушках из лебяжьего пуха и чтобы им подносили все готовенькое?»

«Нас с собой не равняй, бай-ака», — заметил кто-то из толпы.

Люди засмеялись.

У бая Касыма побагровело лицо. Он прищурился и стал ошупывать взглядом толпу. Его нарочитую степенность словно ветром сдувало. Вдруг бай начал кричать, затопал ногами. Голос его сорвался, и он закашлялся. Подручный проворно поднес ему пиалушку с чаем.

«Сейчас вы увидите того хулителя аллаха, который разносит между вами нелепые слухи», — сказал бай глухим голосом, отпил глоток чая и обернулся.

Сидевший на ковре начальник отряда хлопнул в ладоши три раза. Двустворчатая дверь мечети скрипнула и отворилась. Двое в лохматых шапках вывели высокого белокурого человека. Увидев его, люди задвигались, зашумели. Руки человека были заведены за спину, связаны — так стянуты веревками, что посинели. Даже я, глядя на него, вдруг почувствовал ломоту в плечах. Видно, очень уж богачи боялись его, этого человека. Из-под разорванной гимнастерки проглядывало обмотанное вокруг груди тряпье. Оно в багровых разводах. Кровь запеклась. Касым-бай шагнул к этому человеку и ткнул его в раненую грудь указательным пальцем.

«Глядите все на него! Видели большевика?.. Видели красного?..» — хрипел он сорванным голосом, и в углах его рта выступила пена. Бай называл его и другими какими-то непонятными словами.

А мне невдомек было, почему он этого человека называет

красным. Он же такой, как все. Как все мы, только на гимнастерке пятна запекшейся крови. И ничего на нем нет красного. Толпа загудела, как потревоженный улей. А человек выпрямился — как обычно дерево расправляет крону после сильного ветра. Развернул плечи и в упор взглянул на Касым-бая. Мне показалось, он даже презрительно улыбнулся. Под глазами синяки от побоев, волосы слиплись на лбу от засохшей крови — а он улыбается. Да-а, этот высокий человек, должно быть, сильный человек. Бай в страхе даже отступил от него.

«Этот несчастный пожелал изменить жизнь, созданную волей аллаха! — истерично закричал он, показывая обеими руками на пленного. — Да накажет аллах всякого, кто осмелится восстать против его законов, как накажет сейчас этого неверного!»

Незнакомец в это мгновение шагнул на самый край веранды. Он побледнел. Чтобы не упасть, прислонился плечом к столбу, за который только что держался бай. Напрягся, как барс напрягается перед прыжком через бездонную пропасть. Грудь высоко вздымалась и опускалась. Глаза загорелись. Люди поняли, что он хочет что-то им сказать, и притихли.

«Товарищи!..» — сказал человек глухо.

Он говорил медленно, все громче и громче. Будто из звонкого металла чеканил в отдельности каждое слово. Люди затаили дыхание. Вытягивали шеи, прислушиваясь. Но вот беда! Никто из нас не понимал по-русски. Голос же этого белокурого человека пронизывающей болью отдавался в каждом, точно раскаленным железом прикосались к сердцу. Только одно русское слово хорошо знали все. Мы его часто слышали. Слово это — Ленин. С каждым упоминанием этого имени толпа все ближе и ближе подступала к веранде и глухо роптала. Ординарец в черной лохматой шапке, стоявший позади русского, с размаху ударил его револьвером по голове. Человек вздрогнул, покачнулся, как молодой тополек, когда в его ствол вгоняют топор. Но через мгновенье снова начал говорить, торопливо и взволнованно. Будто боялся, что не успеет все высказать.

«Ленин?» — произнес кто-то в толпе недоуменно.

«Люди! К нам шел Ленин, а его схватили!» — отозвался другой голос.

«Он шел, чтобы помочь нам — беднякам!»

Сидевшие на ковре повскакали, в панике опрокинули чайник. Фрукты покатались по полу. Бай подскочил к русскому и наотмашь ударил его по лицу.

«Если ты верующий человек, зачем бьешь человека?» — спросил старый дехканин, который стоял впереди толпы, поближе к веранде.

Толпа шумела, плотней обступила веранду. Начальник отряда, злобно ругаясь, махнул рукой. По его знаку двое в лохматых шапках набросили на русского аркан и потащили его вон к этим самым чинарам.

«Биродорлар! Братцы! Его послал Ленин!..» — закричал кто-то.

Люди преградили солдатам Амирхана дорогу.

«Послушайте! — сказал опять тот старый дехканин. — Эти деревья посажены руками доброго человека. Они возвращены здесь, чтобы людям приносить добро. Мы не хотим, чтобы о нас по миру пошла дурная слава».

«Отойди, старик!» — прохрипел Касым-бай и с силой отстранил дехканина. В то же мгновение сам охнул и опрокинулся навзничь. Его сбил кулаком сын дехканина, стоявший рядом с отцом.

Воины курбаши схватились за кобуры, затравленно озираясь. На них надела толпа, навалилась. В воздухе замелькали кетмени, лопаты.

«Ленин! — кричали люди. — Дели байскую землю!»

Нукеров курбаши Амирхана обезоружили и заперли в мечети. И бая тоже. А этот человек в тот день у нас был желанным гостем. По крупице собрали в каждом доме рису и сварили для него плов. Жаль только, мы ничего не понимали, что он говорил нам. И все-таки то, что надо отобрать байскую землю и разделить между всеми поровну, мы поняли. А вечером выбрали для него самого лучшего скакуна из байской конюшни. Несколько парней проводили его до станции Джума. Он объяснил, что у него там много друзей. Я вот этими руками обнял его тогда на прощанье...

А на второй день прибыли в Ертешар конные красноармейцы. Все они были в высоких шлемах с большими красными звездами. Раздали нам оружие, отобранное у нукеров курбаши, чтобы мы могли в случае чего защитить свою землю, и увели бая с дружками. С красноармейцами ушло несколько джигитов из Ертешара. И мы через них передали Ленину письмо, где написали, что хотим создать на своей земле коммуны и что мы порешили на сходке свое хозяйство назвать его именем. Вот как это было. А вы говорите... С той поры наше хозяйство и называется колхозом имени Ленина.

Саттар-ота протянул пиалушку и пощелкал по ней ногтем, что означало просьбу налить чаю.

— Дедушка, это же был... — начал было кто-то.

Саттар-ота остановил его, выставив перед собой ладонь.

— Теперь и мы знаем, кто это был. А вот тогда... Ступай, — сказал Саттар-ота внуку. — Расскажи об этом друзьям. Пусть узнают, чем заменит кишлак, в котором они живут.

Дождик прошел стороной, наискосок захватив ошестинившиеся голыми ветвями тутовые плантации, недавно присыпанные землей виноградники — чтобы не замерзли зимой, и часть полей с гузапаей — сухими стеблями хлопчатника. Умытая бурая земля лоснилась, будто бы покрылась лаком. Небо прояснилось, и теперь сияло солнце, горячее, счастливое. А по другую сторону кишлака, где час назад, нахмурилась, рокотало небо, ныне ярким расписным коромыслом выгнулась радуга. И казалось, она соединила этот полуденный край с тем краем, где много полноводных рек, где простор полей перемежается с лесами. Она ласково обняла теплую землю и, чтобы напоить ее вволю, черпает воду пригоршнями: одной рукой из Зеравшана, другой — из далекой Волги.

АБДУЛЛА-ЮЛДУЗЧА

Холодно. Солнце то выглянет, радуя землю и все живое, то спрячется в хмуром небе. Шелестя, слетают с придорожных шелковиц последние листья. Сиротливо кружат они в зябком воздухе, устилая примерзшую за ночь, но уже слегка подтаявшую дорожную грязь.

Анвар подул на пальцы — погрел дыханием замерзшие руки.

— Спрячь руки в карманы, как я, — посоветовал Энвер.

— Тогда давай разгрузим мои хурджины, — сказал Анвар и вытащил из левого кармана стеганого чапана бумажный сверток, а из правого два яблока. — А то руки некуда девать...

В свертке оказались самсы. Они были еще теплые и вкусно пахли. А от яблок, наоборот, заломило зубы — такие они были холодные.

На голых ветках дерева расшумелись воробьи. Ссорились невесть из-за чего. Анвар запустил в них огрызком. Стайка дружно снялась и перелетела на другое дерево.

Сзади слышалось тарактенье арбы. Ребята обернулись.

— Кажется, Абдулла-юлдузча едет,— сказал Энвер. Отошли на обочину, стали ждать. Если это Абдулла-юлдузча — остановит, подвезет.

Арба приближалась, погромыхая на камнях, которыми была усыпана дорога. Лошадь в такт шагам мотала головой, фыркала.

Абдулла-юлдузча натянул вожжи.

— Далеко ли путь держите, джигиты? — спросил он.

— В шестую бригаду. Подвезите, Абдулла-ака,— попросил Анвар.

— Отчего же не подвезти, если по пути. Только что вы там потеряли?

— Там Бекір-ака живет. Мы к нему.

— А зачем он вам?

Анвар толкнул локтем Энвера: мол, объясни ему. Он лучше Анвара умел изложить суть дела. Абдулла же во всем предпочитает ясность. Всем ребятам это давно известно. Пока не докопается, что да к чему, никогда не сделает то, о чем просишь.

— Мы в школе создали «Уголок Славы»,— сказал Энвер.— Это наш маленький музей. Там будут собраны письма солдат, не вернувшихся с войны, их личные вещи, фотокарточки. Еще мы хотим написать о людях нашего колхоза, которые вернулись с войны... А Бекир-ака до самого Берлина дошел. У него несколько орденов и медалей...

— Так-так,— задумчиво проговорил арбакеш и потер ладонью небритую щеку.— В старые времена рассказы о подвигах батыров из уст в уста передавались: отец сыну передавал, а тот своим детям. Потому и живут дестаны вечно. Может, вам, ребятки, посчастливится найти слова, которые станут началом нового дестана?.. Доставлю вас к самому порогу Бекира-ака.

Ребятишки, наступая на широкие спицы огромных колес, как по ступенькам, взобрались на арбу. Абдулла-юлдузча распушил сено, чтобы им мягче было сидеть. Чмокнул губами, и лошадь пошла. Арба затряслась. И Энвер сравнил себя, и Анвара, и даже Абдулла-юлдузчу с шариками в погремушке. Хотя арбакеш, кажется, и не замечает тряски. Привык, видно. Ребятишки Ертешара любили этого худощавого татарина. Любили за приветливость, спокойный нрав и прямоту. Еще не было такого случая, чтобы Абдулла-юлдузча не остановил арбу, если он везет из сада фрукты, а по дороге ему повстреча-

лись ребяташки, идущие из школы. И опять, как всегда, начинаются расспросы.

«Кого сегодня вызывали к доске?»

«Меня!»

«И меня!»

«И меня тоже!» — охотно отвечают ребята, зная уже, к чему клонит возница.

«Какие получили отметки?»

«Пятерку!» — радостно кричит один.

«Четверку!» — отвечает другой.

«А я — тройку», — потупясь, бубнит кто-нибудь.

«Покажите-ка дневники», — приказывает Абдулла-юлдузча.

Убеждается в честности ребят и после этого не спеша достает из ящика фрукты и вознаграждает их: за отличную отметку — пятью душистыми грушами; за четверку — четырьмя яблоками; а троечнику всего-навсего три виноградинки.

Но горе тому, кто соврал. С ним Абдулла-юлдузча больше знаться не будет. Завидев его, уже не остановит свою арбу.

Есть у Абдуллы-юлдузчи еще одна примечательная черта, чудинка, как люди говорят. Из-за этой-то самой чудинки Абдулла-ака и прозвали «юлдузчой» — «звездочкой», значит. Он постоянно — будь то летом или зимой — на головном уборе носит звездочку, такую, какие солдаты накалывают на пилотки. Куда ни шло, если бы она еще была новехонькая и сияла, как рубин. А то с нее весь лак сошел, она вовсе не красная, а скорее похожа на оловянную. Но Абдулла-юлдузча все равно с ней не расстается. Летом на тубетейке носит, а зимой на шапке-ушанке. Люди сперва посмеивались, а потом привыкли к его причуде и махнули рукой: пусть, дескать, тешится человек, если ему так нравится. Кому от этого худо?

Абдулла-юлдузча вынул из кармана вышитый кисет, насыпал на клочок газеты махорки и свернул козью ножку.

— А вы ищите людей непременно награжденных? — спросил он.

— Не обязательно, — сказал Анвар. — Лишь бы умели интересно рассказывать...

Опять ехали молча. Да и тряска, тарактенье колес мешали разговору. Потом арбакеш отпустил вожжи, закрепил конец их за бортик арбы, предоставив лошади свободу. Она тотчас поняла это, замедлила шаги. Арба уже не так подпрыгивала на камнях. Колеса притихли, словно стали переговариваться шепотом.

Абдулла-юлдузча сунул кнут под сноп сухого клевера и испытующе посмотрел на ребяташек.

— Чтобы не помалкивать всю дорогу, расскажу-ка я вам одну историю,— сказал он задумчиво.— Правда, не умею я, ребята, складно рассказывать. Не артист ведь, что целый день говорит по радио. Только с лошадкой-то своей и разговорю у меня. Впрочем, она и без слов научилась меня понимать... По-ведаю я вам про одного мальчишку. Такого же, как вы, пионера. Он не доходил до Берлина. Потому что был еще мал. Не то десять, не то одиннадцать ему минуло тогда, теперь уже и не припомню... Ему и из автомата не доводилось палить по врагам. Еще силенок не было держать тот автомат. Просто тот мальчишка был настоящим пионером...

Арбакеш глубоко затянулся самокруткой... Ребята притихли, подвинулись поближе к нему.

— Жил он, тот мальчик, в небольшой горной деревушке Айсерес. До моря Черного рукой подать. Как нынче закрою глаза, так вижу: к каменистому склону горы, поросшей лесом, террасами лепятся сакли. А у подножия, в долине, речка течет. Она мелкая, но очень быстрая, всегда от пены белая. Поэтому, видать, люди и прозвали ее Молочной... В красивом месте расположен Айсерес. Представьте себе: вокруг горы громоздятся, макушки свои облаками заматывают, словно чалмой. Каждую весну их склоны покрываются пестрым ковром: там, глядишь, расплескались синие озерца васильков; взгорки в светло-желтых одуванчиках, похожи на сдобный пирог, какие в деревне пекут только по праздникам; а когда зацветают маки и тюльпаны, бока гор кажутся вымазанными бекмесом, сваренным из кизила или винограда — хоть беги и слизывай.

В такую пору ребяташек хлебом не корми — им лишь бы убежать в горы. Там полным-полно всяких ягод, диких фруктов. Правда, они еще не совсем созрели и горчат, но есть уже можно.

Ребятишки на пологих склонах гор пасли стельных коров, которых хозяева не отпускали в стадо, коз с козлятами. А девочки собирают, бывало, цветов, усядутся в кружок и плетут венки. При этом поют дивные песни, которые, может, слышали от своих матерей. А матери — от своих матерей и бабушек. Старинные были те песни, как сами горы. И ущелья, и крутобокие скалы откликались им эхом, будто подпевали...

Мальчишки той деревни, как и все мальчишки в мире, боль-

ше всего любили играть в войну. Очертя голову носились они по склонам, карабкались на скалы, прятались в сталактитовых пещерах, напоминающих хрустальные дворцы, прыгали через наполненные темнотой расщелины. Игра с опасностью увлекала их. Они привыкли к ней. И может, поэтому все они вырастали мужественными и сильными...

Абдулла-юлдузча пососал угасшую самокрутку. Потом заметил, что она не дымит, и зажег спичку. Несколько раз глубоко затянулся, да так, что слезы выступили на глазах.

— Но однажды в тот благословенный край пришла война,— продолжал он.— На этот раз настоящая. К тому времени уже многие мальчишки подросли и стали мужчинами. Они ушли на фронт. Дрались отчаянно. Однако враги пробрались через горы и пришли в Айсерес. Здесь осталось очень мало людей — большинство старики да женщины. Те, кто здоровьем был покрепче, в горы подались, к партизанам. Оставшиеся были слабы, не могли постоять за себя. Вот враги и заняли деревню...

В тот год, помнится, зима рано пожаловала, холоднющая, с метелями. Все дороги замело снегом. На время фашисты даже облавы на партизан прекратили. Но оставшиеся в горах смельчаки тоже в деревню прийти не могут. У всех переходов, которые известны, вражьи дозоры расставлены. Давно от партизан не приходят вести. Прежде, бывало, хоть изредка спустится с гор чей-нибудь брат, или чей-нибудь муж, или чей-нибудь отец да принесет привет от родных или близких, а взамен возьмет мешок с мукой, с брынзой, засоленным мясом и уйдет обратно. И люди знали, что добрые горы приютили своих сыновей надежно. А теперь ни слуху ни духу от близких. Люди волнуются, женщины тайком слезы проливают. Старики всё больше отмалчиваются, вздыхают. И в самом деле, какая жена может жить спокойно, если больше месяца не слышала голоса мужа? Какая мать может спать по ночам, если от сына не имеет весточки?

И вот однажды, как только стемнело, в дом старого чабана пришла такая же седая, как и он, старуха Зейнѐп-аптѐ. Утирая слезы, застывшие от мороза на впалых щеках, говорит:

— Много лет ты, Мустафа́, по этим горам расхаживал. Сколько пар чары́ков истоптал, и не счесть. Все тропиночки знаешь. Во все расщелины заглядывал. Ты такие дороги знаешь, о которых никто не ведает. Сходил бы ты, Мустафа-ага,

в лес к партизанам. Дознался бы—живы ли мои сыночки Амёт и Селямёт. Век бы за тебя богу молилась.

— Эх, старуха... — отвечает дед. — Если бы мне былую силу, я бы скалы своротил да столкнул на врагов. Разве сидел бы я нынче у очага? Да вот, милая, ноги подвели. Не держат на старости лет. Приходится валяться на миндере¹, греть старые кости да богу за наших молодцов молиться.

Старуха прикрыла рот уголком платка, заговорила почти шепотом — чтобы не подслушал невзначай кто-либо.

— Слыхала я, что голод у партизан. Есть им нечего. А по деревне недобрый разговор ходит. Сказывают, что враги наших овец отбирать будут, чтобы нажраться, да сил набраться, да после этого с нашими джигитами схватиться... Как ты, старый чабан, думаешь, станем ли мы врагов раскармливать, чтобы они потом наших детей одолели?.. Своим-то и сухаря передать не можем... — Зейнеп-апте поднесла к глазам платок, всхлинула.

— Ты когда слышала, что скот собираются отбирать? — спросил у нее чабан.

— Сегодня. Полицай немецкого шнапса напились, расхвастались друг перед дружкой: мол, вдоволь наедятся...

— Пусть камни грызут, а не шашлык! — проворчал старик. Позвал внука: — Эй, Абдулла! Принеси-ка с печи мои чарыки!

— Дедушка, вам же нельзя вставать, — говорит ему внук, входя в комнату с чарыками. Лежали бы себе. Я сам за вас все сделаю...

Дед будто не слышит. Обулся. Отворил дверь и спрашивает у старухи:

— Значит, они голодают, говоришь? — и кивком показывает в сторону молчаливых гор, которые обозначились на фоне синего неба черными зубцами.

— Да, уважаемый, да... — закивала старушка и вышла из комнаты вслед за чабаном.

Они исчезли во тьме.

Дед вернулся после полуночи. Абдулла ждал его, ждал, но так и не дождался, уснул. Чабан подошел к лежанке внука, затормошил его:

— Вставай, сынок, дело к тебе. Ну, вставай же... Протри глаза.

¹ Миндёр — тонкий матрац.

А мать Абдуллы в это время миску с похлебкой принесла.

— Зачем ты будишь его, отец,— говорит,— он только что уснул, все тебя дожидался... Садись лучше, поешь, проголодался, поди.

Но Абдулла уже подсел к софре — круглому столу на низеньких ножках, устроился рядом с дедом и протирал кулаком глаза. Старик пригласил его мать тоже принять участие в разговоре. Положил руку на плечо внука. Задумался, свел седые брови. Потом вздохнул и говорит:

— Сынок, настало время с тобой, как со взрослым, совет держать. Люди решили поручить тебе важное дело...

— Какое же дело? — встревожилась мать Абдуллы.

— Ты слушай, не перебивай,— говорит ей дед хмуро.— Сейчас узнаешь... Лучше меня, конечно, этого никто не сделал бы. Но, думаю, там, где я с закрытыми глазами пробрался бы, мой внук с открытыми наверняка пройдет. Верно?

— Верно, дедушка,— соглашается Абдулла.

— Я тебя часто брал с собой в горы. Ты помнишь тропки, по которым ходил?

— Да, дедушка,— кивает Абдулла.

— Сегодня перед рассветом люди сгонят в наш двор своих овец и коз. Ты погонишь их к Поющему ущелью. Помнишь это ущелье? Оно считается непроходимым зимой. Там наверняка нет никакой засады. Ты проберешься туда между горой Трезубом и красной скалой Большой Палец. Понял? Там тебя никто не заметит.— И, сказав это, дед внимательно посмотрел на внука.— Сможешь?

Не успел Абдулла кивнуть, мать запричитала:

— Ты хочешь погубить ребенка!..

Но дед прервал ее.

— Ребенок он или джигит, узнаем завтра,— сказал он.

Дом старого чабана Мустафы стоял на самом краю деревни. Поэтому согнать скот к нему во двор было дело простое. Но проделать это надо было быстрее — пока не проснулись напившиеся с вечера полицаи. Фашистский карательный гарнизон третьего дня отбыл в какое-то селение, где якобы совершили налет на их штаб партизаны. Как бы утром не нагрянули. Тогда все пропало. Если узнают, что партизанам отправили скот, никого не пощадят. Деревню сожгут. Думая об этом, Абдулла весь остаток ночи не сомкнул глаз. Когда дед

вошел его будить, сквозь заиндевелые окна в комнату уже просачивался голубоватый свет.

Чтобы овцы не блеяли, их ночью сытно накормили. Дед отворил ворота, и они вдвоем погнали стадо на дорогу, уводящую прямо в горы. Но по ней давно никто не ходил, и она была завалена снегом. Овцы неохотно свернули на нее. Дед шел, опираясь на посох, с трудом вытаскивая из глубокого снега ноги. Давал наставления внуку, задумывался. Ему казалось, будто что-то важное упустил из виду, чего-то не рассчитал.

— Помни,— уже в который раз повторил он.— Гони только до Поющего ущелья. Если не встретишь партизан, оставь стадо и возвращайся. Пусть лучше пропадет оно, чем фашистам достанется. День нынче короток. Пока стемнеет, дома должен быть.

Когда овцы, вытянувшись длинной вереницей, последовали друг за другом, дед приотстал и больше для себя, чем для внука, проговорил:

— Ну, с богом.

Долго стоял Мустафа-ага на дороге, глядел вслед внуку и оtare, пока они не исчезли в белесой морозной мгле...

Угнав стадо на значительное расстояние от деревни, Абдулла свернул с дороги на подветренную сторону склона. Здесь было меньше снега и овцы могли передвигаться быстрее...

Возница замолчал. Поморщил лоб, напрягая память. Он, видно, старался в малейших подробностях припомнить и то утро, и того пастушка. Отрывисто, с хрипом в груди покашлял, утер рукавом обветренные губы и глуховатым голосом продолжил:

— Гонит Абдулла свое стадо, поторапливает. А овцы тоже, поди, с умом — чувят, что не к добру их выгнал чабан в неурочный час. Идут цепочкой друг за дружкой, озираются, снег с тревогой обнюхивают. А овца, она и есть овца — как ни спешишь, а все одно плетется. Стал Абдулла от медленной ходьбы зябнуть. В дедов полушубок кутается. А полушубок велик. Ветер то и дело отворачивает полы, холодит тело, задувая под рубашку.

Небо побелело, сея над сонными горами блеклый свет. А потом и вовсе стало светло. Но опасность уже была позади. Так во всяком случае Абдулле казалось. Потому что стадо,

как нитка через ушко иголки, уже перебралось через узкую расщелину и оказалось между двумя горами, о которых упоминал дед. Ущелье будто доверху наполнено молоком: густой туман застал все вокруг. Такой густой, что дышать трудно. Овцы теперь проголодались и начали блять. Абдулла прикрикнул на них, а тех, что отстали, огрел кнутом. Потом успокоился, подумав: «Пусть себе блеют, теперь не страшно, никто не услышит». Из-за пазухи вынул круто посоленный ломоть хлеба, крупную луковицу и на ходу позавтракал. Теперь можно вышагивать бодро хоть до самого Поющего ущелья. Вблизи ущелья его с овцами увидят партизаны. Ведь не могут не увидеть стада, темными точками рассыпавшегося по белому снегу. Так считал Абдулла.

Овцы то одна, то другая увязают в снегу по самое брюхо. Приходится лезть в сугроб, помогать им выбираться. Не оставлять же! Тоже ведь живая душа — глядит вслед и жалобно блеет. Из-за них полные сапоги снегу набилось. Абдулла пошел вприпрыжку, чтобы хоть немножко согреть ноги.

Как бы то ни было, к полудню Абдулла добрался до Поющего ущелья. Добраться-то добрался, а радости мало: до сих пор его никто из своих не заметил. Плоское плато на вершине гор, где остановилось стадо, круто обрывалось вниз. Далеко на дне пропасти рос лес: корявые старые сосны, неестественно изгибаясь, стелятся по земле. Их заледенелые ветви очень похожи на перепутанные щупальца осьминогов. Это беспрестанный ветер, дующий там, понижу, сделал их такими уродливыми.

По левую сторону от Абдуллы возвышается огромный черный выступ. Отвесной стеной нависает он над пропастью, тянется метров на семьсот вдаль, смыкается со скалистой грядой по ту сторону ущелья. На гребень этой черной стены зимой и летом, как пушистая белая папаха, надеты облака. Вдоль скалы древними чабанами с незапамятных времен вырублена узкая кромка. Эта тропа, будто повиснув в воздухе, по весне, как только сойдет снег, выводит чабанов со стадами на лучшую в округе яйло. Абдулле не один раз приходилось прогонять вместе с дедом по этой каменистой тропинке овец. Но это было летом. А зимой еще не отыскивалось смельчака, который посмел бы ступить на эту, кроющую в себе опасность дорогу.

Абдулла остановился, будто чего-то ждал. А чего, и сам не знал. Оставить овец и уйти, как наказывал дед? Сощурился, посмотрел он на белесое солнце. Оно, будто продрогнув, спешило удалиться с морозного неба. И только потому, казалось,

задерживалось, что невзначай зацепилось за макушку далекой горы. Уступ тот снялся, будто плаваясь. Сейчас он растает совсем, солнце отцепит подол, и станет темно. В горах быстро сгущаются сумерки. «Пропаду», — подумал Абдулла, и страх потихоньку начал закрадываться в его сердце. Он вскарабкался на высокий камень, чтобы оглядеть окрестности. Не видно было ни зги. Ветер засыпал глаза мелким колючим снегом, сек по лицу. Из ущелья временами доносилось протяжное завывание, которое переходило в раскатистый, дробящийся хохот — будто сумасшедший смеется. У того, кто впервые это слышит, мурашки ползут по спине. Абдулла знает, что это «поет» ущелье: значит, понизу идет сильный ветер. Если бы он дул поверху, то ущелье расшвыстелось бы, будто заиграло на разные лады на огромной флейте. Абдулла сложил рупором ладони и что есть мочи крикнул в пространство:

— Э-э-э-э! Есть кто-нибудь?..

И даже эхо не отозвалось ему — ветер унес крик. «Партизаны, наверно, дальше, на яйлэ, горном плато, куда трудно добраться, — подумал пастушок. — Какая польза от того, что я пригнал сюда этих овец, если они не достанутся партизанам?» Абдулла решительно зашагал к стаду и вывел из его середины вожака — большущего козла с закрученными рогами. Он погнал его к заснеженной тропе, нависшей над пропастью. Вожак почуял опасность, заупрямился. Мешкать не было времени, и Абдулла хлестнул его кнутом. Козел нехотя прыгнул на каменный карниз. Снежная пыль, как водопад, обтекая выступы, заполняя трещинки, потекла вниз. Овцы нерешительно последовали за вожакom. Последним шагнул на карниз Абдулла, кнут он сунул за пояс, чтобы не мешал.

Осторожно ступал Абдулла и старался не глядеть вниз — голова кружилась. За стену ухватится — руки примерзают к студеному камню. А скала все больше грудь выпячивает, будто норовит столкнуть в пропасть идущих по тропе. Ветер налетает упругими порывами, тянет за собой туда, куда взглянуть — страшно. Снег залепляет рот и нос — дышать невозможно. В такие мгновенья Абдулла приседает на корточки, обхватив руками колени, прячет лицо за воротник, переживает, когда у ветра сила иссякнет. Едва порыв ослабеет, он опять прижимается спиной к скале и пробирается вслед за овцами...

Вдруг неподалеку что-то ухнуло. Абдулла обдало упругой волной воздуха и снежной пылью. Это позади рухнул снег с высоты, завалил дорогу. Испугался Абдулла. Забыл на секун-

ду об осторожности. Нога тотчас соскользнула с камня, и его бросило в сторону, в бездну, где выло и хохотало невидимое глазу чудовище. Успел-таки Абдулла вцепиться в затвердевший наст. Повис, а его ветром раскачивает. Из горла сам собой вырвался крик. Абдулла знал, что его все равно никто не услышит — зря только силы растратишь. Закусил губы, чтобы не расплакаться, попробовал сам справиться с бедой. Но колени соскользнули с острых уступов, покрытых ледяной коркой. Наст под рукой крошился. «Пропал... — подумал Абдулла, — не выбраться мне...» Вспомнились слова деда: «Чабан, даже падая в пропасть, не должен падать духом. Может, его чекмень еще зацепится за сук или, может, его подхватит на крыло пролетающий мимо орел...» И глубже впились пальцы в крошку наста. Вот нога нащупала выемку в стене. Совсем маленькую, кончик носка уместился только. Но и этого было достаточно, чтобы подтянуться. Теперь осталось ухватиться за камень. Вон за тот, на котором какая-то овца оставила клок шерсти. Вот так. Теперь все, спасен...

Лишь когда Абдулла оказался на тропе, припал он грудью к отвесной черной стене, заплакал в голос. Ветер мгновенно слизывал с его лица слезы, хлопал по щекам.

Солнце потеряло яркость, обрело цвет уголька, тлеющего в костре. Заснеженные края скал зарумянились. Синие тени, наполнявшие расщелины, потемнели, стали таинственнее. Абдулла огляделся и сообразил, что выбрал совсем неподходящее время, чтобы раскисать. Пошмыгал немножко носом, унимая плач, и стал пробираться вслед за стадом. Где тропка становилась совсем узкой, проползал на четвереньках, уподобясь своим же овцам. В такие моменты ему очень не хотелось, чтобы животные оглядывались — казалось, что они могут над ним посмеяться...

Наконец догнал стадо. Овцы стояли неподвижно, прятали от ветра головы, уткнувшись друг в друга. Передние почему-то со страхом пятились, напирая на задних.

«Неужели там волки?» В холодные зимы они переходили сюда с таманского берега по замерзшему заливу...

— Такку! Вперед, лохматые черти! — прикрикнул Абдулла и щелкнул в воздухе кнутом. Но от холода руки сделались бесчувственными, будто деревянными; кнут причудливо изогнулся, полетел в пропасть. А овцы ни с места. Стоят как вкопанные. Ясно, боятся чего-то. Абдулла сорвал с головы шапку и ею стал настегивать тех, что были в хвосте цепочки... Наконец

вожак набрался храбрости, высоко вскинув голову и наострив уши, пошел дальше. Время от времени останавливался, вглядывался в сумерки. Придал ушами, прислушиваясь. Но Абдулла, как ни всматривался, ничего подозрительного впереди разглядеть не мог.

Вот овцы одна за другой ступили на занесенную снегом яйлю, сбились в кучу. Вдруг вожак, насторожившись, задрал голову и вздрогнул. В одно мгновение он огромным скачком отпрянул в сторону и... исчез. Лишь спустя какое-то время откуда-то, словно из-под земли, послышался глухой удар — будто пропасть вздохнула. Овцы привычно последовали за вожак — к пропасти. Абдулла сорвался с места, увязая в снегу, крича и махая шапкой, кинулся им наперерез. Услышав властные окрики чабана, овцы остановились. Абдулла обернулся и оторопел, обмер от страха: огромные сугробы, мягко расцветченные закатом, пришли в странное движение. Белые изваяния вдруг выросли прямо из-под снега и медленно пошли ему навстречу. Абдулла в страхе попятился. И тотчас услышал предупредительный возглас:

— Мальчик, осторожно!

Оглянувшись и увидев, что стоит у самого обрыва, на краю наста, откуда только что рухнул козел-вожак. Чьи-то руки подхватили Абдулла и понесли. Кто-то набросил на него свою шубу. Слышались голоса:

— Спирту ему дайте!..

— Что ты, он же малыш.

— Всего глоток. Не повредит.

— Сразу не вносите в землянку. Надо снегом оттереть. Ноги отморозил, поди...

Абдулла кто-то нес на руках. А вокруг хрустел снег под множеством ног... Шли люди в белых маскировочных халатах.

Абдулла очнулся в жарко натопленной землянке. В чугунной печке потрескивали дрова. И совсем по-домашнему шумел и позванивал чайник. Сам он лежал на широких нарах, укрытый лохматой шубой. Над столом висела керосиновая лампа с круглым жестяным абажуром. Какой-то бородатый дядька склонился над картой и размечал что-то карандашом.

— Дяденька, а где овцы? — спросил у него Абдулла.

Бородач обернулся к Абдулле и приветливо улыбнулся.

— А-а, проснулся! — сказал он. — Овцы в порядке. Всех пригнали. Даже того дурня-козла достали, что прыгнул в пропасть...

Мужчина присел на краешек нар, спросил у Абдуллы:
— Ты чей будешь? Из какой деревни?

Абдулла рассказал.

— Спасибо, братишка, — сказал командир партизанского отряда. — Теперь наши ребята наберутся сил и так ударят по врагу, что только пух полетит!

Командир снова сел к столу, торопливо написал что-то на бумажке и, сложив ее вчетверо, протянул Абдулле.

— Передашь своему деду, — сказал он. — Это расписка. После войны все возвратим хозяевам. А сейчас им большое партизанское спасибо...

Тут командир полез в нагрудный карман кителя.

— А это тебе от меня, малыш, — говорит он. — На память. Храни ее и вспоминай дядьку-бородача. Может, еще доведется когда-нибудь свидеться, — и подал Абдулле звездочку. Такую же, какие бойцы на пилотках носят. — Считай, это награда за твой поступок...

Абдулла вернулся домой к полудню следующего дня. Проводили его до самого дома сыновья Зейнеп-апте — Амет и Селямет. Дед уже, оказывается, собирался сам отправиться в горы — на поиски внука. Эх, стоит ли рассказывать, как обрадовались он и мать, когда увидели Абдулла на пороге дома...

Арба громыхала по узкой искривленной улочке чужого кишлака. Возница умолк. Лошадь почувствовала близкий отдых, вспомнила про душистый клевер, который ожидает ее в кормушке, и ускорила шаги. На улице было безлюдно.

— Абдулла-ака, а где сейчас этот мальчик? — спросил Анвар.

— В нашем колхозе, — отозвался Абдулла-юлдузча и с улыбкой поглядел на ребят.

И по-особому ярко сверкнула на его старой ушанке уже поблекшая от времени звездочка.

СЕДОЙ ВОЛК

Весь месяц нудно лили проливные дожди. Деревья спешно сбросили обветшалую осеннюю одежду. И не успела еще зима их окутать в белые мягкие шубы, ударили морозы. Вершины виднеющихся вдали гор стали иссиня-белыми — их покрыл

снег. Люди, закончив все полевые работы, теперь редко выходили на улицу. Стало необычайно тихо в Ертешаре... Только продрогшие кишлачные псы время от времени задирали головы и зычно гавкали, глядя в низко нависшее серое небо. Кизячный горький запах дыма расстилался низко над почерневшей мокрой землей и щекотал их чуткие ноздри... Псы чихали и, царапнув лапой по морде, снова принимались тревожно нюхать воздух, настораживая уши,— ждали снега...

Саттар-ота словно бы знает день и час, когда выпадет снег и подомнет под себя последнюю жухлую траву: заблаговременно пригнал колхозные отары в кишлак. Спустились с гор овцы в сопровождении нескольких огромных, с теленка, волкодавов.

Впереди стада, положив обе руки на перекинутый через плечи посох, степенно вышагивал Раджаб. На голове у него красовалась цвета алой зари чалма, обмотанная вокруг тюбетейки. Видно, совсем недавно он получил ее. Поэтому держался так горделиво, и улыбка не сходила с его лица. И как-то важно у него получалось, когда он кивал встречным, приветствующим его словами:

— Салам, Раджаб! Поздравляем!..

Анвар тоже помахал ему рукой. И подумал, дивясь: «До чего же его тюбетейка похожа на мою, вышитую Гульнаркой. Ну прямо как две капли воды!..» Ему и на ум не могло прийти, что Раджабу подарила тюбетейку его сестра — в тот день, когда ему пожаловали алую чалму. Сейчас Анвару более всего хотелось пойти с чабанами, помочь гнать овец, но он с опаской покосился на собак и попятился к калитке.

Саттару-ота и Раджабу немало пришлось потрудиться, пока удалось загнать привыкших к простору животных в тесные кошары — зимние стойбища, где припасен корм. Псы тоже знали свои новые обязанности — одни легли у ворот, другие расхаживали вокруг кошары, не смея отлучаться далеко. Всякому известно, что в зимнюю пору волки особенно жадны и нахальны.

Чабанские собаки еще никого в кишлаке не тронули. Даже не испугали. Но люди, едва овцы спускались с гор, побаивались ходить мимо кошар, обходили их стороной. А Анвар отныне все делает наоборот — по пути в школу он непременно сворачивает к кошарам. Уходя из дому, запихивает в карманы куски лепешек, кости, оставшиеся от еды, и угощает Суллона, Пальму, Маллú, с которыми дружит.

А подружился он с ними случайно.

Собрался как-то в школу раньше времени. По пути решил наведаться к деду. Издали увидел лежащих у ворот кошары трех псов. Они дремали, положив головы на лапы. Анвар остановился в раздумье: «Не вернуться ли?..» Дед говорил, что среди псов верховодит Суллон. Если он не набросится, и остальные не тронут. Но стоит Суллому только зарычать — считай, пропал.

Если честно признаться, Анвар сдрейфил не на шутку. Решил вернуться. Но в это время один из псов поднял голову и настороженно поглядел в его сторону. Анвар обмер. Пес встал и медленно направился к нему. Первое, что пришло Анвару на ум — бежать! Но ему вовремя вспомнились слова деда: от собак ни в коем случае нельзя убегать. У собаки тоже есть свое суждение: «Коль убегают, значит, совесть нечиста — надо хватать!..»

Пес приближался. По тому, как он виляет коротким обрубком хвоста, не трудно было догадаться о его мирных намерениях. Однако Анвар этого не заметил. Он приготовился кричать — позвать на помощь деда или Раджаба. Но пес сел в нескольких шагах от него, выказывая этим свое доброе расположение к незнакомому мальчишке. Лишь когда Анвар успокоился, он медленно подошел к нему и стал обнюхивать его кожаные варежки. Узнал их! Вот почему пес сразу же признал Анвара за своего. Эти варежки Анвар получил в подарок от деда. Саттар-ота собственноручно смастерил их для себя из козьей кожи. Длинный мех, что был внутри варежек, согревал руки в любую стужу. Потом дед справил себе другие, а эти подарил внуку. Неизвестно, как нынче дело бы обернулось, если бы не эти варежки.

Анвар вынул из портфеля кусок лепешки с вложенной в нее брынзой; отщипнув ломтик, угостил пса. Заметив это, подбежали и остальные собаки. Анвар угостил их тоже, разделив все поровну, стараясь никого не обидеть. В благодарность псы позволили себя погладить. Потом Анвар спросил у каждого из них, как их зовут, и они ответили.

Анвар громко произнес:

— Суллон!

И рослый темно-серый пес с черной спиной, который первым заметил Анвара, тотчас замер, внимательно глядя на него и насторожив наполовину обрубленные уши.

— Понятно, ты и есть Суллон. Пальма! — позвал Анвар.

Невысокая пегая собака на коротких, но сильных ногах, чем-то напоминая барсука, приблизилась и внимательно уставилась ему прямо в лицо.

— Ну, а ты, конечно же, Малла, да? — засмеялся Анвар, обращаясь к третьей собаке.

Неподвижно сидевший поодаль пес приветливо завилял обрубком хвоста.

В Средней Азии принято обрубать собакам хвосты и уши. Без хвоста они не могут укрыться, чтобы погрузиться в сладкую дрему. А постоянно открытые уши псов улавливают малейший шорох.

Прощавшись со своими новыми друзьями, Анвар свернул в боковую улочку. Но чабанские псы не пожелали так быстро с ним расстаться и проводили его до самой школы. Анвар, небрежно раскачивая портфель и беспечно насвистывая, шел вдоль улицы, а за ним степенно вышагивали три огромных волкодава. Люди торопились скрыться в своих дворах и поспешно захлопывали калитки. Мальчишки глядели в щели, высовывались из-за дувалов... Вот уж завидовали ему потом кишлачные ребята! Вот уж разговоров-то было!

С той поры Анвар каждое утро, уходя в школу, запасался гостинцами для Суллона, Пальмы и Маллы. Собаки, издали заприметив его, спешили навстречу.

А сегодня воскресенье. Анвар весь день просидел дома и не повидал своих четвероногих друзей. В такую стужу не хочется и носа высовывать за дверь. Мороз украсил оконные стекла. Деревья, замерев, стоят в инее. Как там бедные собаки?

— Мама, можно, я отнесу Суллому поесть? — спросил Анвар.

— Сейчас не время расхаживать по кишлаку, — отозвалась мать, подбрасывая в печку сухой кизяк. — Дедушка говорит, что по следам отар волки с гор спустились... Прямо по кишлаку рыскают, — продолжала мать, оборачиваясь и растирая тыльной стороной руки глаза, заслезившиеся от дыма.

— Это малышей пугают так... — сказал Анвар, недовольный тем, что она не хочет его отпускать.

— Дедушка следы видел.

— Собачьи следы видел и говорит...

— Дедушка-то?.. Кто-кто, а он-то отличает волчьи следы от собачьих, будь уверен. Стал бы иначе он так беспокоиться об овцах... Наверно, и сегодня заночует в овчарне. Надо снести ему ужин, а боязно...

— Я отнесу, мама. Сейчас оденусь только.

— Пойдем вместе, уж так и быть...

Мать налила в касу шурпы погуще, накрыла ее мягкой лепешкой и стала неторопливо оборачивать холстяной скатеркой — дастарханом, чтобы не остудить по дороге.

Тихо скрипнув, отворилась дверь. В комнату грузно, пригибая в дверях голову, ввалился дед, одетый в косматый бараний тулуп, подвязанный у пояса вместо кушака веревкой, скрученной из бараньей шерсти. Комната сразу же наполнилась морозным паром и овечьим запахом.

— О-хо-хо... Ну и холод! — сказал дед, стягивая с рук меховые варежки. Подул на покрасневшие пальцы, ударил сапогом о сапог, сбивая примерзший снег.

— А я собралась было ужин вам отнести, — сказала мать, подходя к нему и берясь руками за обшлаг затвердевшего от мороза тулупа.

— Потому-то и пришел, чтобы ты не ходила. Раджаб опять волка видел...

Мать посмотрела на Анвара — слышал, мол? — и, повесив дедов тулуп на крючок, принялась на сандале¹ разворачивать только что завернутый дастархан. Дед стряхнул с лохматой рыжей шапки, сшитой из шакальего меха, снег и, повесив ее, подтянул к себе матрац, присел и, побряхтывая, стал стаскивать сапоги.

— При овцах Раджаба оставил. Пойду, говорю, поем и скоро вернусь... Потом нальешь горячего, ему отнесу.

— Давайте я сейчас отнесу, — вызвалась Гульнара.

— Сиди уж! — резко сказала мать, строго взглянув на дочь. — Налей лучше в таз теплой воды, пусть дедушка умоется.

— Хе-хе, — усмехнулся дед, потерев бороду, — когда ты видела, чтобы дед теплой водой мылся?..

Голова у деда седая, будто на его волосы лег иней. Но это вовсе не значит, что он старый. Руки дедовы еще хранят былую силу. Когда он едет на мельницу молоть зерно, то носит там на плечах мешки четырехпудовые. «Это, — говорит он, — воздух горных пастбищ ему силы придает».

Мать поставила на дастархан касы и пригласила:

— Присаживайтесь, все готово.

¹ С а н д а л — очаг, углубление в полу, наполненное тлеющими углями, над которым ставится столик-сандали, накрытый одеялом для сохранения тепла.

Со двора кто-то заскребся в дверь передней и тихо заскулил.

— Суллон, проказник, прибежал за мной! — пояснил дед матери, заметив, как все вздрогнули и с тревогой посмотрели на дверь. — Ни на шаг не отстают... До чего пес умный! Вынеси-ка ему поест, дочка, — обратился он к Гульнаре.

Гульнара наложила в миску еды и направилась к двери.

— Постой... — остановил ее дед. — Поддай-ка миску, я ему мясца выложу. Мне мать положила лишнего...

Дед подошел к дастархану и, опустившись коленями на матрац, выбрал из своей касы жирный кусок мяса.

— Пусть полакомится.

— Ели бы сами лучше, — заметила мать.

— И псу надо есть. Работы у него сейчас больше, чем у любого чабана, — проворчал дед и, недовольный замечанием, сдвинул над переносицей брови. — Собака — самый близкий друг у чабана. Чабан с ней всегда делиться должен, так-то вот...

Дед приподнял край опаленного жаром одеяла, чтобы просунуть под сандал ноги... Откуда-то издали, еле слышно, докатился выстрел. Дед замер. Склонив слегка голову набок, прислушался. На минуту все затаили дыхание. Снова донесся глухой удар, будто кто-то стукнул в бубен. Дед, не говоря ни слова, поднялся на ноги, надел сапоги и торопливо снял с крюка тулуп. Анвар тоже проворно вскочил с места и кинулся к телогрейке. Но мать вырвала ее у него из рук.

— Не вздумай никуда бежать, слышишь?.. — произнесла она тихо, но так строго, что ему ничего не оставалось сделать, кроме как расплакаться от досады.

Но он сдержал себя. Молча сел на место и принялся хлебать шурпу. Когда дед уходил, Анвар и глазом не повел в его сторону: обиделся.

Всю ночь Анвар не спал, ворочался с боку на бок. Как только стали бледнеть разукрашенные морозом окна, он поднялся с постели и стал потихоньку одеваться. Мать спала в другой комнате и ничего не слышала.

Он отворил дверь, слегка приподнимая ее за ручку, чтобы не скрипела, и вышел на улицу. От холодахватило дух. Он приостановился, чтобы отдышаться. Вдруг совсем рядом с домом он отчетливо увидел отпечатавшиеся на рыхлом снегу следы огромных лап. Местами около них розовели пятна, расплывчатые, большие. Он насторожился и только теперь обратил внимание на то, как заливаются хриплым лаем кишлячные

псы. Они, видно, не умолкали с самого вечера после тайнственных выстрелов.

Овцы находились на самом краю кишлака в кошаре. Анвар кинулся бежать. Добежав до кошары, он изо всей силы навалился на ворота плечом и, едва не застряв между створками, пролез во двор. Овцы стояли, сбившись в кучу, и дрожали не то от холода, не то от страха. Дед и Раджаб, с трудом расталкивая их, пересчитывали, то и дело сбиваясь со счета. Заметив Анвара, Раджаб помахал ему рукой и пошел навстречу. Дед, не обращая на него внимания, продолжал считать сам.

— Смотрю, что-то темное через дувал — гоп-ля!.. — начал рассказывать Раджаб. — Я за ружье. А овцы как шарахнутся ко мне, чуть с ног не сбили... Смотрю, еще один на дувале... Ну, я по нему в упор ка-ак шарахнул!.. Убежал, черт... Но далеко не уйдет. Я ему вмазал... точно видел.

— А первый как же? — нетерпеливо спросил Анвар.

Раджаб сощурил хитрые глаза, усмехнулся.

— Тот сидит... — сказал самодовольно. — В яму попал и сидит. Там у дувала колодец старый, без воды... Видно, волочил барашка, ворюга. Пятился задом и угодил туда... вместе с овцой.

— Поглядим пойдем, Раджаб-ака!

— Там сейчас темно. Пусть немного посветлеет.

— Увидим, Раджаб-ака, пойдемте...

Раджаб прислонил двустволку к заснеженному дувалу, и они вдвоем направились к старому колодцу. Яма действительно была доверху наполнена мраком. Анвар наклонился, напряженно всматриваясь в темное дно. Снизу стрельнули две колкие зеленые точки. Анвар отпрянул, словно они могли обжечь.

— Во-он он, — протянул Раджаб, направляя в яму луч карманного фонарика. — Ну, как тебе нравится твой зиндан¹, голубчик?..

Волк, по всему видать, матерый. Задрав кверху скуластую морду, он часто-часто глотал воздух, судорожно дергал запавшими боками. Когда ему в глаза ударял свет, зрачки его вспыхивали, и он скалил крупные желтые зубы. Было похоже, что он смеется, и Анвару сделалось не по себе, по спине поползли мурашки.

На полуобвалившихся стенах колодца чернели глубокие борозды — следы могучих когтей.

¹ Зиндан — темница.

— С самого вечера не отдыхал, бедняга, думал, выпрыгнет,— заметил Раджаб.

Овца лежала подле волка. Она приподняла голову, бессмысленно тараща обезумевшие от страха глаза, и снова уронила ее на задние лапы хищника. Волк не шевельнулся, даже не обратил на нее внимания. Зачем она ему, когда он потерял свободу... Он не отрывая глаз наблюдал за людьми.

— Ишь как смотрит. Думает шкуру спасти... Нет уж, голубчик, не выйдет,— проворчал Раджаб.

Плененный хищник как будто понял значение его слов. Он приподнялся, присел на задние лапы, напрягся и неожиданно совершил невероятный прыжок. Его передние лапы зацепились за край колодца, и он, выпустив огромные когти, глубоко погрузил их в мерзлую землю. Задние лапы, цепляясь за стенки колодца, соскальзывали, с шумом осыпали землю.

— Назад!.. Назад!.. Пошел!.. — закричал Раджаб, швыряя в оскаленную морду зверя землю. Пятясь назад, он зацепился за что-то и упал на спину. Выругавшись, вскочил и опрометью кинулся за ружьем. — Беги!.. — заорал он срывающимся голосом Анвару. — Разорвет!..

Волк выкарабкался наружу. Он был покрыт инеем, казался седым. Сваливавшаяся на его боках шерсть слиплась от застывшей крови. Передернув брюхом, он стряхнул с себя землю и медленно повернул голову в сторону Анвара. Шерсть на его спине вздыбилась.

— Беги! — крикнул Анвару дед, расталкивая овец, чтобы выбраться из середины отары и прийти внуку на помощь.

Волк, не сводя с Анвара настороженных цепких глаз, сделал шаг в его сторону.

В этот момент откуда-то прибежал Суллон. С разбегу ударил грудью ощерившегося хищника. И они оба покатались, сцепившись в один клубок, хрипя, вздымая снежную пыль. Вдруг волк поднялся, отряхнулся, а Суллона не было. Суллон исчез. Будто волк проглотил его живьем. Лишь через несколько секунд откуда-то из-под земли донесся залиvistый лай Суллона. Он провалился в яму.

Волк мог теперь без особых усилий перемахнуть через дуб, а там его — только и видели. Но он не собирался удирать. Он видел перед собой врагов и приготовился с ними биться насмерть. Анвару стало жутко. С трудом оторвав от земли будто приросшие ноги, он кинулся наутек... Раскатисто прогремел выстрел...

Оглянувшись, Анвар увидел Раджаба, опускающего ружье. Из ствола выходил сизый дымок. Волк лежал, уткнувшись пастью в снег. В двух шагах от Анвара. Значит, он бросился за ним, и Раджаб выстрелил вовремя.

— Ух, черт! Ну и напугал же меня,— проговорил Раджаб и взмахнул прикладом, намереваясь ударить хищника по голове. Дед схватил его за руку и укоризненно покачал головой.

— Не надо,— сказал он.— Ни к чему это... Хотя это и хищник, но умер с достоинством. Такая смерть заслуживает почтения... Закопать бы его надо... — проворчал дед после некоторого молчания и пошел вон, сделав Анвару знак рукой, чтобы он следовал за ним.

Дед шел неторопливо. Кишлак еще не проснулся, и было тихо. Мерзлый снег хрустел под ногами.

— Дедушка, а разве можно жалеть волков? — спросил Анвар, принаравливаясь к его шагу.

— Жалеть?.. Жалеть нельзя, сынок,— сказал дед. Задумавшись, минуту шагал молча.— А ты видел, как он смотрел на нас? — спросил дед неожиданно.— Он нас не боялся... И ружья тоже не испугался. А мог ведь драпануть...

Где-то вставало солнце. Зарозовели вершины гор. Начинаясь новый день. Дед положил руку на плечо внука и до самого дома не произнес ни слова.

ДОБРОЕ ДЕЛО

Мамадали-ата наотрез отказался дать ребятам арбу. Не забыл, как прошлой осенью Анвар и Энвер чуть не опрокинули арбу в канал, теперь не доверял им.

— Мамадали-ата, мы Анорхон-буви гузапаи привезем. Гульнара говорила, что старушке даже лепешек испечь не на чем... — старался втолковать конюху Анвар.

Но упрямый старик и слушать не хотел.

— Мы будем осторожны, ну, пожалуйста, дайте нам арбу,— вторил другу Энвер.— Мы ведь не для себя, а для жены Борон-бобо. Вот скоро приедет Борон-бобо из Ташкента и спросит у жены: «Почему в доме холодно?» А она ответит: «Твой друг Мамадали-ата, с которым вы в детстве хлеб-соль делили, которого ты всегда самыми сладкими дынями угощал, не дал арбу гузапаи привезти...»

Старик насупился, крикнул, прикрыв рот рукой. Потом тихо, извиняющимся тоном сказал:

— Только что сердешным клевера дал. Стало быть, обеденный перерыв у них. Лошади тоже должны хоть иногда отдыхать, как вы думаете?.. Приходите после обеда. Так и быть уж, впрягу вам лошадей посмирнее... Только не забудьте разрешение получить у бригадира.

Ребята направились к дому бригадира. Молчали. Видимо, оба думали об одном и том же. Бозор-ака вряд ли позволит им взять арбу. Мамадали-ата знает это, потому, наверно, и направил их к бригадиру.

...Возвращаясь из школы, Анвар догнал друга:

— Ты сейчас свободен? Надо сделать одно доброе дело. Поможешь?

За чем же дело стало! Энвер всегда готов помочь.

— Конечно,— ответил он.

— Анорхон-буви надо привезти со склада дров.

— Со склада? Склад в девятой бригаде! Это очень далеко!

— Будь он близко, старушка бы сама по полену перетащила.

Анвар был прав. Энвер возражать не стал. Но оказывается, и доброе дело не так-то просто выполнить...

Ребята позвонили на склад. Кто-то хриплым сонным голосом ответил, что на складе нет никаких дров. Пришлось дознаться в правлении. Оказалось, что на складе дрова имеются. Главный бухгалтер сказал, что для Анорхон-буви давно выписаны несколько кубометров саксаула, а она почему-то их не забирает. Наверно, не нужны, вот и не спешит. «Если сегодня или завтра не приедет за ними, их отдадут кому-нибудь другому...» — сказал бухгалтер.

...Остановились перед калиткой бригадира, переглянулись, постояли в нерешительности. Потом Энвер набрался смелости и постучал по медному кольцу, ввинченному вместо ручки,— оно блестело, как золотая серьга. Бригадир очень не любил, когда его тревожили по пустякам в то время, когда он отдыхал. Кто знает, как он отнесется к затее ребят...

Через несколько минут из дома в накинутом на плечи полосатом стеганом халате и галошах на босу ногу вышел бригадир. Отворил калитку — на его лице отразилось удивление, потом досада. Он зевнул: видно, поднялся с постели.

— Что за нелегкая принесла вас ко мне? — спросил он хмуро.

Анвар объяснил, с чем пожаловали.

Бригадир насупился.

— Все арбы заняты,— сказал он.— Их мне не хватает, чтобы удобрение к сроку вывезти на поле. Со дня на день к нам должна комиссия из района нагрянуть. Будут проверять, подготовлены ли поля к пахоте. А что я им скажу, если мы еще и половины удобрений не вывезли?.. Вот закончим дело, тогда и до дровишек дело дойдет. Тогда сам, самолично привезу «профессорше» топлива.

— Тогда уже тепло станет. Да и Борон-бобо приедет, сам побеспокоится,— возразил Энвер.

— Отправляйтесь-ка лучше домой учить уроки. А в дела взрослых не вмешивайтесь! — возмутился бригадир.— Я-то думал, комиссия приехала, а это они, бездельники, барабанят в калитку в обеденный перерыв!..

Ворча еще что-то себе под нос, он закрыл калитку и набросил цепочку.

Все эти дни ребята думали, как помочь старушке. Можно ли играть в снежки, кататься на санках или ходить в кино, если поблизости кому-то плохо, а ты хочешь помочь и не можешь...

Анорхон-буви сидела задумчивая, засунув ноги под выставший сандал, обложившись стеганым одеялом, зябко поеживаясь. В комнате было холодно и сыро. Зима в этом году выдалась суровая. Всего за несколько недель истопила Анорхон-буви все дрова, которые Борон-бобо заготовил, уезжая в Ташкент. А весна еще в силу не вошла — никак не обогреет землю... Анорхон-буви озябшими руками развернула почтовый конверт, вынула из него сложенный вчетверо листок. По несколько раз в день вынимает она из-под скатерки письмо, полученное от мужа, и сосредоточенно водит взглядом по крупно и размашисто написанным строчкам, чуть заметно шевелит губами. И ей кажется, что она читает. В самом же деле она вовсе не умеет читать. А просто помнит каждое письмо наизусть. Пусть аллах пошлет Борон-бобо здоровья, не забывает он жену — пишет. Как только от него приходит новое письмо, Анорхон-буви спешит к Гульнаре, дочери своей подруги. Гульнара славная девушка, никогда не отказывает, читает. А Анорхон-буви запоминает слово в слово. «Эх, скорее бы уж вернулся... — подумала Анорхон-буви про мужа и вздохнула.— Надо

же, на старости лет профессором решил стать, чудак человек...»

Как-то в начале зимы почтальон принес Борон-бобо большой конверт с жирно отпечатанным обратным адресом и тремя сургучными печатями. Растерялся старик, руки задрожали. Вертел конверт и так и сяк. Наконец вскрыл. А в письме-то ничего страшного и не оказалось. Наоборот, очень даже приятное было письмо. В нем сообщалось старому бахчеводу о том, что слава о нем, о его умении выращивать самые крупные, сладкие и душистые дыни, арбузы разошлась по всей республике. Достигла она и почтенного учебного заведения, в котором видные профессора, академики молодежь на агрономов учат. И проректор этого института просил Боро-бобо приехать в Ташкент месяца на три-четыре и поведать студентам о тонкостях своего ремесла, рассказать, как он достиг успеха в своем деле, если, конечно, он из этого не делает секрета...

Принялась было Анорхон-буви отговаривать своего старика от поездки. «Там такие умные люди, семи пядей во лбу! Небось и книги сами пишут, куда тебе до них»,— говорила она. А муж сказал: «Коль такие люди зовут, значит, им своей головы мало, еще и моя нужна. Голова хорошо, а две лучше. Если не поеду, люди подумают, будто я хочу скрыть от них, как выращиваю бахчевые. А зачем мне этот «секрет» с собой в могилу уносить? Для меня огромная радость передать его другим. Поеду, расскажу молодежи. Умру, а меня помнить будут... Как Саттар-мираба помнят». И Анорхон-буви уступила. Через несколько дней проводила она мужа в путь-дорогу. На станции призналась, чем обеспокоена: «Теперь ты становишься большим учителем, тебя профессором величать станут, а я читать-то не умею... не забыл бы ты меня...» Борон-бобо засмеялся. «Когда вернусь, тебя сельчане «профессоршей» называть станут»,— отшутился он и, ласково погладив жену по голове, вошел в вагон.

Вспомнила все это Анорхон-буви, улыбнулась.

Вдруг ей показалось, что ее кто-то окликнул. Прислушалась, отложив письмо в сторону. Потом, опершись руками о колени, поднялась. Подошла к окну. Поправила скошенную ветром картонку, вставленную вместо стекла. Солнце уже упало за крышу, и маленький, словно чулан, дворик, заваленный снегом, который, как свалывшийся войлок, лежал поверх дувала, был еще залит теплым оранжевым светом заката. По ту сторону дувала Анорхон-буви увидела всадника. Вернее, она

увидела его голову и плечи да черные треугольнички ушей лошади. И Анорхон-буви сразу же признала почтальона. Лошадь, цокая копытами по талому снегу, остановилась у калитки. Почтальон нагнулся и постучал о косяк черенком камчи.

— О-о-о, тетушка Анорхон! Вы дома? — слышался снова его голос.

Анорхон-буви торопливо набросила на голову плюшевое пальто, вышла во двор. Шаркая остроносыми галошами по нерасчищенной дорожке, приблизилась к калитке и отбросила щеколду:

— Здравствуй, сынок. Давно ты не подъезжал к моему дому...

— Как давно? На той неделе привозил письмо!..

— А мне кажется, будто год прошел...

Почтальон засмеялся.

— Сегодня, тетушка, вам сразу письмо и денежный перевод! — Он стал копаться в клеенчатой сумке, притороченной к седлу. — Вот он! На двадцать пять рублей!..

— Спасибо. Пусть и к тебе в дом каждый день приходит радость, сынок.

— О получении денег распишитесь на этой квитанции. — Почтальон положил маленький бумажный прямоугольник поверх сумки и подал старушке ручку.

Анорхон-буви долго выводила на квитанции крупные печатные буквы. Наконец перевела дыхание и возвратила владельцу ручку.

— Баракалла! Молодец, тетушка! Без ошибок написала свое имя! — похвалил почтальон. — Кто научил?

— Научилась, сынок, с помощью добрых людей... А как же? Муж мой теперь профессор, а я разве хуже?..

— Счастливо оставаться, — засмеялся почтальон, поддал в бока лошади каблуками и заторопил ее к следующему дому.

Анорхон-буви вернулась в комнату. Повязала на голову теплый платок, что Борон-бобо прислал месяц назад из Ташкента. Надела пальто. Затем достала из сундука лепешку, несколько горстей кишмиша, смешанного с дольками колотого грецкого ореха. Завернула гостинцы в дастархан и, взяв сверток под мышку, вышла из дому.

Анорхон-буви направилась в гости к подруге. Давно не навещала ее. Здорова ли? А заодно Гульнара прочтает письмо...

Анорхон-буви тихонечко открыла калитку и вошла во двор.

В дверях дома появилась мать Гульнары и приветливо заулыбалась, увидев подругу.

— Легка на помине, только что тебя вспоминала. Давненько не приходила к нам...

Они поздоровались, обнимаясь, и засыпали друг друга вопросами о житье-бытье и здоровье.

— Пришла вот на чай,— сказала Анорхон-буви.

— Добрый гость всегда приходит вовремя: самовар только что вскипел,— сказала Мехри-хола, приглашая старушку в дом.

Хозяйка щелкнула выключателем, и комната озарилась ярким светом. Потом Мехри-хола расстелила на сандалном столике поперх одеяла скатерку. Гостя присела к сандалу и поглубже засунула ноги под одеяло. Горячие угли, насыпанные в неглубокую ямку под столиком, приятно грели ноги. Хозяйка разломала на ломти душистую горячую лепешку, поставила конфеты в вазе. Принесла из летней кухни большой фарфоровый чайник, держа его полотенцем. Сели чаевничать. Неторопливо прихлебывали из маленьких пиалушек и тихо беседовали. Потом гостя спросила:

— А где дети-то твои?

— Старшего в район вызвали. Там у них какое-то совещание мирабов. А за Анваром только что дружок прибежал, Энвер. Пошли вместе уроки учить...

— А Гульнара? Я к Гульнаре все с той же просьбой...

— Она в клуб пошла. Там молодежь выступление готовит к Восьмому марта. Кто песню разучивает, кто танец... А как профессор твой поживает? Это он письмо-то прислал?

— Он. Сегодня получила письмо и деньги.

— Скоро ли приедет?

— Что ты, подруга! Как ему скоро приехать? Он теперь не мы с тобой. Государственный человек! Когда отпустят, тогда и вернется.

— Тебя не зовет в Ташкент-то?

— Зовет. Еще как зовет! Приезжай, говорит, погляди, какой красивый город! Да разве я поеду... Отец мой и мать из родного кишлака ни шагу никуда не ступили. И мои корни, видать, в эту землю накрепко вросли, не могу из родных мест даже на денечек куда-нибудь уехать...

Мехри-хола хотела подлить гостье еще чаю, та отказалась. Пожелала, чтобы дастархан в этом доме всегда был полон яств, и заторопилась идти.

— Пойду-ка в клуб, найду Гульнару. Хочется поскорее узнать, что Борон-бобо пишет мне.

— Посидела бы. Она скоро и сама придет.

— Спасибо, подруга. Насиделась.

Хозяйка проводила Анорхон-буви до калитки. Уж ночь на дворе — темным-темно. Хорошо, хоть кое-где на столбах горят лампочки. Снег на дороге, размолотый колесами арб и машин, снова подмерз, хрустит под ногами словно сахар. Где-то на окраине заливаются сиплым лаем собаки — отпугивают недобрых людей. А с той стороны, где колхозный клуб, доносятся звуки бубна и рубака.

Около клуба тетушка повстречала Бозора-ака, бригадира.

— Извините, тетушка, не узнал вас, — смутился бригадир и растянул толстые губы в приветливой улыбке. — Знаю, знаю, о чем опять просить станете. Так и быть, завтра привезу вам целую арбу гузапай.

— Уже месяц кормишь меня завтраками, сынок. А у меня сандал выстыл. Чаю не на чем вскипятить. Ветер в очаге гудит... Был бы Борон-бобо дома, не просила бы тебя. А он же теперь на государственной работе, и государство должно о его доме заботиться...

— Завтра привезу, — сказал бригадир, отводя взгляд. — К севу начали готовиться. Хлопот столько, что обо всем и не упомнишь. Извините, тетушка... Как Борон-бобо поживает? Скоро приедет?..

Разговаривая с бригадиром, старушка не заметила, что музыка в клубе смолкла. Из раскрытых настежь дверей выходила молодежь. С шутками, весело смеясь, расходилась по домам.

Анорхон-буви, распрощавшись с бригадиром, стала в сторонке. Напрягая подслеповатые глаза, оглядывала людей. Гульнару среди них не заметила. Наверно, проглядела. Потопталась еще с минуту на месте, все не решаясь уйти, надеясь, что увидит еще Гульнару. Но в клубе погасили свет. Потом вышел завклубом и повесил на дверь большущий замок.

Анорхон-буви тихонечко пошла домой. Боясь в темноте поскользнуться, придерживалась за дувал. Из-за туч выглянула круглая белая луна, и Анорхон-буви увидела впереди два силуэта. Парень и девушка медленно шли, взявшись за руки и вполголоса переговариваясь. Вот они громко рассмеялись, и старушка узнала Гульнару. А с ней, кажется, Раджаб. Ну конечно, он! Ускорила шаги, чтобы догнать их. Но вскоре

приостановилась. Неловко сделалось, что может помешать им. А Гульнара вдруг оглянулась, узнала ее. Удивилась:

— Анорхон-буви? Так поздно гулять вышли?

Старушка приблизилась, посмеиваясь, заметила:

— В былые времена родители сердились, если дети поздно возвращались домой, а нынче дети дивятся, встретив вечером на улице старого человека.

— Гульнара была на репетиции. Я случайно встретил ее и решил проводить, — сказал смущенно Раджаб. — А вы тоже по делу куда-то ходили?

Старушка зашуршала в кармане письмом, зажатым в ладони, но не вынула его — раздумала и сказала, вздохнув:

— Ходила к бригадиру. Просила дров привезти. Ни полена да завтра, только завтраками и кормит. Опять обещал завтра привезти. Да только его словам я теперь не верю...

Несколько минут шли молча. Раджаб нарушил тишину:

— Знаете, тетушка, я бы сам вам привез дров, да у нас пора сейчас такая... Окот начался. От овец и на час нельзя отлучиться. С Саттаром-ота днюем и ночуем в овчарне.

— Спасибо, сынок, — сказала Анорхон-буви, останавливаясь возле своей калитки. — Пусть бог поможет тебе добиться в жизни всего, чего захочешь. Пусть пошлет тебе красивую и добрую невесту. Счастливой дороги вам, дети.

— Бабушка, наш Анварчик собирался привезти вам дров. До сих пор не привез, значит? Вот я ему задам... — сказала Гульнара.

По воскресеньям ертешарские ребятишки почти весь день проводят на канале. Вернее, это был теперь не канал, а самый настоящий каток. Высокие берега канала задерживают ветер. Пусть он сколько хочет злится вверху, гнет, ломает деревья, что густо растут вдоль берега, — внизу, в самом русле канала, спокойно и тихо. Анвар с Энвером сами смастерили себе деревянные коньки, которые скользят по шершавому льду нисколько не хуже фабричных. Можно кататься далеко-далеко, как по широкой прямой улице.

Анвар разбежался и помчался по катку. Только концы шарфа развевались позади, словно крылья. Энвер неся вторым, а за ними и все остальные ребята.

Вдруг Анвар резко остановился, из-под его коньков,

искрясь, разлетелась снежная пыль. Энвер с разгону налетел на него, и оба шлепнулись на лед. Через секунду на этом месте выросла куча мала. Визг и смех!..

Когда все разбежались, Энвер подал приятелю руку, помог подняться.

— Что же ты? — упрекнул его, отряхивая с себя снег.

— Вспомнил! — сказал Анвар, отплевываясь. Подобрал шапку, шлепнув ею о колено, напялил на голову. — Вспомнил и хотел тебе сказать. А у тебя тормозов нет?.. Коленку из-за тебя расшиб.

— Что ты вспомнил?

— Помнишь, Бозор-ака сказал, что должна прибыть комиссия?

— Ну и что же?

— Идем со мной!

Анвар уже отвязал коньки и стал карабкаться по откосу. Быстро зашагал к тропинке. Энвер еле поспевал за ним.

— Куда ты меня ведешь? — недоумевал он.

— В колхозный радиоузел! — бросил Анвар через плечо. — Там сейчас Шариф. Он каждый день, как только выпадет свободный час, бежит туда...

— Зачем он тебе?

— Пусть послужит доброму делу! Мы же кличку ему не приклеили...

— Он тогда нас здорово выручил, — напомнил Энвер.

— Дедушка говорит: «Если ты сломал деревце, посади два; если совершил дурной поступок, дважды сделай доброе дело». Так что Шариф еще у нас в долгу. Сейчас посмотрим, можно с ним дружить или нет.

— Ничего не понимаю! — всплеснул руками Энвер.

— Сейчас поймешь.

Шариф и в самом деле оказался в радиоузле. Один. Сидя у небольшого столика, приставленного к окну, копался в небольшом ящике, внутри которого поблескивали какие-то склянки и торчали во все стороны концы разноцветных проводов. Он был так увлечен своим занятием, что не слышал, как отворилась дверь.

— Здорово! — приветствовал его Анвар, хотя они и виделись сегодня в школе.

Шариф вздрогнул, уставился на ребят широко раскрытыми от удивления глазами.

— Что ты делаешь? — спросил Энвер, кивнув на стол, за-

громожденный инструментами, мотками проволоки, какими-то лампочками разных форм и размеров.

— Да так... Пустяк... Телевизор мастерю... — ответил Шариф.

— Са-ам?.. — удивился Анвар и, приблизившись к столу, заглянул внутрь ящика.

— Он еще не закончен, — пояснил Шариф. — Когда будет готов, я выпилю из фанеры орнамент и наклею на футляр, а потом отполирую. Будет очень красиво... Наш радист мне дает детали...

— И говорить будет? — с сомнением спросил Анвар.

— А как же!

— И свет будет видно? Как в настоящем?

— А это и будет настоящий. Может быть, даже чуть-чуть получше, — сказал Шариф. Потом, в упор поглядев на Анвара, перевел взгляд на Энвера и быстро спросил: — Зачем пришли?

В последнее время Шариф почти не показывался на улице. Только в школе его и видели. На каток и то не ходит. Да и в кино редко бывает... Оказывается, вот чем он занят.

— А зачем ты это делаешь? — поинтересовался Энвер.

— Хочу и делаю, вам-то что?

— Не ссориться же мы к тебе пришли. Что ты нервный такой! — сказал Анвар.

— Сами вы нервные! Не желаете со мной водиться — и не надо, обойдусь!

— Что ж, дело твое, — пожав плечами, сказал Анвар и повернулся к двери, чтобы уйти. — А мы к тебе было по делу...

— По какому делу? — быстро спросил Шариф. Было видно, что он совсем не хочет, чтобы ребята ушли.

Анвар возвратился к столу и начал что-то торопливо писать на клочке бумажки. Закончив, внимательно прочитал, зачеркнул строчку, что-то исправил. И протянул Шарифу:

— Надо передать по радио это объявление.

Прочитав записку, Шариф усмехнулся, отрицательно покачал головой.

— Липа, — сказал он, возвращая Анвару листок.

— Липа?! А в липовых передовиках в страду тебе приятно было ходить? — вспыхнул Анвар, вплотную подступая к Шарифу.

Энвер встал между ними, растолкал их в разные стороны.

Шариф потупился и покраснел, как помидор. Вдруг встряхнул головой и резко сказал:

— Сами же срамили меня, а теперь... Хотите, чтобы я опять?..

— «Сами, сами»! — передразнил его Анвар. — А ты знаешь, для чего это нужно? Для доброго дела!

И он рассказал о том, что старушка Анорхон-буви уже неделю сидит без топлива, а это объявление, по его мнению, окажет им хорошую услугу.

Шариф выслушал Анвара и еле приметно улыбнулся:

— Гм, надо же... странное совпадение... Очень странное... Я тоже свой телевизор собирался подарить Борону-бобо и Анорхон-буви... Летом, когда я был у них на бахче, они жаловались, что рядом с ними нет ни детей, ни внучат и что им скучно жить одним на белом свете... Когда закончу, — Шариф кивнул на замысловатый ящик, — они будут смотреть мой телевизор и им не будет скучно... Ладно, давайте записку. Попробую успеть до прихода радиста...

Анвар и Энвер шли по улице и гадали: сдержит Шариф свое слово или нет.

Вдруг в репродукторе, висящем на столбе, запищало, захрипело. Послышалось даже — или, может, почудилось? — как где-то кто-то откашливается. Затем зазвучал низкий и торжественный голос Шарифа:

«Внимание, внимание! Говорит колхозный радиоузел! Слушайте экстренное сообщение. Сегодня утром в наш колхоз прибыла комиссия из областного центра. Она уже побывала в ряде бригад. Комиссия проверила ход подготовки участков к весеннему севу и... интересовалась бытом колхозников. Оказалось, что в некоторых бригадах неблагоприятно обстоит дело с завозом в местные магазины керосина, мыла, хлеба, сахара и других товаров. Колхозники вынуждены затрачивать массу времени, отправляясь за этими покупками в райцентр. А семьи некоторых колхозников не обеспечены даже топливом... — Шариф кашлянул, шмыгнул носом. Видать, не легко ему было справиться с таким делом. — Бригадирам названных участков на заседании правления колхоза будет объявлен строгий выговор, и будет рассматриваться вопрос о целесообразности пребывания их на этой должности...»

— Я не могу уразуметь, откуда возьмется тепло в доме Анорхон-буви после нашей проделки? — задумчиво проговорил Энвер.

— А вот увидишь... — хитро прищурился Анвар. — Лишь бы Бозор-ака поверил сообщению. — Он слепил снежок и бросил в стайку воробьев, копошащихся в мусоре посреди дороги.

«Повторяю!.. Внимание, внимание!.. Говорит колхозный радиоузел...» — неслось из репродуктора.

Впереди за приземистой и длинной кирпичной постройкой, где помещались колхозные мастерские и кузница, послышался рокот и почихивание грузовика. Анвар схватил Энвера за руку и повлек к арыку. Они прыгнули на дно канавы и пригнулись.

Стремительно выскочив из-за мастерских, полуторка круто свернула на дорогу, ведущую на центральный участок. Из-под колес машины с истошным кудахтаньем разлетелись чьи-то куры. Машина пронеслась, подпрыгивая на колдобинах и обдавая ребят желтой кашей талого снега. За баранкой сидел Абдулла-юлдузча. Сменил он наконец свою арбу на полуторку. Хоть и ветхая, но все же машина! Абдулла-юлдузча любит ее, словно живую. Не меньше, чем свою лошадь любит. Каждый день моет, подкручивает гайки. А еще мальчишек любит катать, за это мальчишки тоже в нем души не чают.

Справа от водителя сидел Бозор-ока.

— Все-таки нашлось время поехать за дровами, — усмехнулся Энвер и запустил вслед полуторке снежок.

Вернувшись из школы, Анвар настороженно поглядывал на мать, гадая, знает ли она об их вчерашней проделке. Пока она разогревала шурпу, он нарубил дров и почистил стойло коровы. Он накладывал сор и навоз в плетеную одноколесную тачку и вывозил на огород, вываливал прямо на снег. Словом, сделал все, чтобы мать, узнав обо всем, не была с ним слишком строга.

Мать позвала Анвара обедать. Когда он вымыл руки, она подала ему чистое полотенце и ласково сказала:

— Молодец, сынок, с каждым днем ты взрослеешь, становишься хозяином в доме.

Она и себе налила шурпы и села напротив. Помешивая в каше деревянной ложкой, сказала:

— Ты слышал, что Шариф натворил вчера?

Анвар чуть не поперхнулся, отложил ложку.

— Всех одурачил, — продолжала мать. — Люди поверили, что комиссия едет — улицы подмели, дома побелили. Удobre-

ние, которое месяц бы возили на поле, за один день вывезли. Намучились, не знаю как. А оказалось, все — обман. Ну и попало же сегодня от отца Шарифу вашему. «Как ты посмел такое отчебучить?» — спрашивает у него отец. А он: «Захотелось по радио выступить. Радист мне никак не разрешал, все сам да сам. А тут остался один, не выдержал...» Ишь, диктор нашелся!..

Мать поела и ушла на работу. В маленькой кастрюле понесла обед Гульнаре. Гульнара уже второй день не уходит с фермы — дежурит около своей любимицы Пеструшки, которая вот-вот должна отелиться.

Анвар сел делать уроки.

Во дворе скрипнула калитка. Послышались неторопливые шаркающие шаги. В дверь постучали, и в комнату вошла Анорхон-буви.

— Проходите, бабушка,— пригласил Анвар радушно.— Мамы дома нет, но она скоро придет.

— Я Гульнару повидать хотела,— сказала Анорхон-буви, снимая с головы платок.— Хотела попросить, чтобы она письмецо черкнула моему старику...

— Давайте я напишу, бабушка,— предложил Анвар.— Пока чай закипит, я напишу...

Анвар выбежал в летнюю кухню, развел в очаге огонь, поставил чайдуш¹ и вернулся. Старушка сидела за сандалом и, полузакрыв глаза, еле заметно шевелила губами. Видно, сочиняла письмо. Анвар, стараясь не шуметь, осторожно сел напротив нее и, положив на столик лист бумаги, взял ручку. Старушка ласково улыбнулась, будто представила себе того, кому адресовала письмо.

— «Здравствуй, мой дорогой Борон...» — произнесла она тихо.

Анвар заскрипел пером.

— «Обо мне не беспокойся. Береги себя. Я живу хорошо. Вчера бригадир Бозор-ака, спасибо ему, привез мне целую машину саксаула. Горит, как уголь. Виновата я перед ним, ругала понапрасну. Все дрова сам перетаскал с машины и сложил. Упарился, бедняга... Теперь у меня в комнате тепло...»

Голос тетушки Анорхон звучит тихо, таинственно — будто теплый ветер шуршит по крыше. Теплый и ласковый, потому что в кишлак пожаловала весна. Сегодня Анвар сам видел, как она своим теплым дыханием отогревает землю. С берега арыка, где сошел снег, поднимался пар. И прямо на глазах из-под земли пробивались тоненькие стрелки травы. Это по полям, будто в зеленых кавушах, бесшумно ступала весна.

РОСА НА РОЗАХ

Еще неделя не минула, как вернулся домой Борон-бобо, а уже хлопот полон рот. Весна. Солнце щедро дарит тепло земле — торопит дехкан. На полях хлопок сеют, с раннего утра до позднего вечера не смолкает рокот тракторов. Соседи на своих огородах уже посадили и помидоры, и огурцы, а Борон-бобо только собирается. Вскопанная им земля ждет семян и саженцев. Хотел сегодня встать чуть свет, а жена все же опередила, встала, за цветами весь день ухаживает.

¹ Чайдуш — чугунный чайник.

Вечером к старикам зашли соседи. К ним каждый день приходят гости — поздравляют Борона-бобо с возвращением. Сидели, взобравшись на сури, в виноградной беседке и пили чай — душистый кокчай. Хозяин рассказывал о Ташкенте, о том, какие авторитетные люди относились к нему там с почтением. А студенты так и называли его: «муалим» — «учитель». Вдруг к старику тихо, на цыпочках, подобралась приходшая из сада Анорхон-буви и что-то тревожно зашептала на ухо.

— Хм... — недовольно хмыкнул Борон-бобо. — Что ж, придется пойти... — И, слезая с сури, развел руками перед гостями: дескать, ничего не поделаешь, хлопотам конца не бывает.

Старуха многозначительно закивала головой и присела рядом с соседкой, чтобы объяснить, в чем дело.

Старик потихоньку пробрался в сад. Сонные деревья облиты голубоватым лунным светом. Ветерка-то вовсе нет, а в углу сада, в самой гуще, там, где потемнее, подозрительно шелестит и вздрагивает гранатовый кустарник. Хотя нет, гранаты еще даже не зацвели. Ишаку и тому сведет челюсти, если он вкусит хоть листочек. То беспокойно шелестят потревоженные кем-то розы. Прячась в тени, старик осторожно, стараясь, чтобы не хрустнул под ногой сучок, стал подкрадываться, хоронясь за деревянной изгородью. И заранее предвкушал, как сейчас отдерет чьи-то несчастные уши... В просвете между кустами промелькнула чья-то тень. Старик притаился.

Вдруг на тротуаре послышался торопливый перестук каблучков. Борон-бобо увидел по ту сторону изгороди быстро идущую девушку. Тень, словно ветер, перемахнула через изгородь и как ни в чем не бывало зашагала навстречу девушке. Дед, конечно, сразу узнал эту тень, как только она вышла на лунный свет и перестала быть тенью. Хотел было закричать: «Ах ты, Раджаб! Такой-сякой!..» Но сейчас ему показался таким неуместным его скрипучий, как точильный станок, голос, который всколыхнет тишину и стряхнет росу с деревьев. И он сомкнул раскрывшийся было рот и был несказанно рад этому, потому что приглушенный разговор за изгородью воскресил в нем давно увядшие воспоминания.

— Здравствуй, Гульнара.

— Здравствуй... Я так торопилась...

— Мы на рассвете уходим из кишлака. Снег сошел с горных пастбищ, и мы завтра погоним туда свои отары.

— И мы за все лето ни разу не увидимся?

— Я иногда буду приезжать на велосипеде.

Парень робко протянул девушке мокрые от росы темные розы.

— Спасибо. Ой, как они пахнут! И красивые какие! Я никогда таких не видала. Мне в первый-первый раз дарят цветы...

Борон-бобо, боясь шелохнуться, притаился в тени. Такое бывает, когда, не заметив тебя, на низко свесившуюся над тобой ветвь садятся птицы, беспечно щебеча. Протяни руку — и достанешь. Но ты боишься шевельнуться, чтобы не спугнуть их... Однако, как назло, у Борона-бобо запершило в горле и его разобрал кашель. Из засады пришлось выйти. Раджаб растерянно смотрел на него полуоткрыв рот, а девушка смутилась и опустила голову.

— Дедушка... — умоляюще начал было парень.

— Ладно уж, знаю, — перебил его старик. — Сам молодым был. У-ух, старухе своей я, бывало, охапками носил! Забыла, беззубая...

Гульнара не улавливала сути разговора, переводила недоуменный взгляд то на Раджаба, то на старика.

— Это ты здесь нарвал? — с разочарованием спросила она. — Значит... значит...

— Что ты, что ты, дочка! — остановил ее дед. — Мы вместе только что рвали. Видишь, руки в росе...

У парня вырвался вздох облегчения.

— Спасибо вам, Борон-бобо, — еле слышно сказал он, пряча глаза.

— Спасибо, дедушка, за такие цветы, — снова оживилась Гульнара.

Парень неловко взял ее под руку, и они медленно зашагали по притихшей улице. Было светло как днем. Только кое-где черные тени от домов пересекали дорогу. А старик все еще стоял у изгороди и долго смотрел им вслед.

— Приходите, сами рвите, коль цветов захочется! — издалека донесся до них его голос.

В ГОРАХ

Летние ночи в горах — темные и теплые. Фиолетовая тьма на дне ложины подобна чернилам. Небо низко — будто синий шелковый лоскут навис, зацепившись краями за зубцы гор. В черной извилистой полоске ручья отражаются звезды. На берегу горит, потрескивая, костер. Золотисто-багровый отсвет

от него скользит по склонам и, тогда кажется, что крутые бока гор приподнялись и опустились — будто горы вздохнули.

Анвар смотрит в темноту, туда, где у основания огромного утеса отдыхают овцы. Непривычно ему быть в горах ночью.

Дед короткой палкой ворошит под котлом кизяк, который, тлея и дымясь, светится рубиновым жаром. Костер разгорается жарче. Золотистое облако искр всплывает в небо. Розовые блики вспыхивают на влажных, будто лаковых, листьях кустов, склоненных к ручью, на поникшей от росы траве, среди которой сверкают гладкие валуны.

Дед рассказывает сказку, негромко рассказывает, чтобы слышать малейший шорох в ложине, хотя и доверяет своим свирепым волкодавам, неподвижно лежащим неподалеку. Псы, прислушиваясь, шевелят ушами, помахивают хвостами, обрубленными, чтобы в единоборстве с волками быть ловчее. Красноватые глаза псов тревожно косятся на колышущуюся траву, когда пробегает ветер.

Рядом с Саттаром-ота на овечьей шкуре лежит Раджаб. Внимательно слушая старого чабана, он не забывает между делом нетерпеливо поглядывать в котел, в котором варится чабанская шурпа. Он вдыхает запах вареного мяса с острыми приправами и смешно раздувает ноздри, шумно втягивая в себя аппетитный запах.

Анвар лег на живот. Глядя на пламя, подпер подбородок ладонями.

Дед заметил, что внук его не слушает, а думает о чем-то совсем другом, и умолк. Он не рассердился — потому что всегда хорошо, когда человек думает, и худо, когда ни о чем не задумывается.

А Анвар попросту вспомнил своего друга. Хотел угадать, чем он занят сейчас. Энвер с матерью уехал в конце мая в Крым. Он целый месяц будет жить на берегу моря. В том городе, где родились его мать и отец. Уезжая, он обещал на большом листе нарисовать море акварелью и, когда вернется, подарить Анвару. А еще сказал, что привезет красивых камешков и крупных окаменелых раковин, в которых, если приложить к уху, постоянно слышен шум прибоя.

Теперь-то уже ясно, почему Энвер пообещал ему эти подарки. Он не хотел, чтобы друг сердился на него за то, что он оставляет его одного на все лето. А Анвар и не сердится. Он ведь знает, как Энвер ожидал того дня, когда они с матерью наконец поедут к морю.

Анвар попытался вообразить себе южное ночное море, огоньки плывущих вдалеке пароходов, портовый город, залитый электрическим светом,— и не смог. Потому что ни разу не видел моря...

Анвар прежде даже не представлял себе, как ему станет тоскливо без Энвера. Он бы, наверно, умер от скуки, если бы на лето остался в Ертешаре. Дедушка ему посоветовал провести каникулы в горах, и он с радостью согласился.

А как потом Анвар станет жить без друга? С этого года Энвер будет учиться в городской школе. Он признался, что ни за что не поехал бы в Самарканд, если бы не мечтал записать какую-то музыку, которая постоянно звучит в его голове. А для этого ему надо обязательно учиться в музыкальной школе. У Энвера есть мечта. Он, наверно, когда-нибудь станет композитором...

А кем станет Анвар? Он еще не знает. Дедушка всегда говорит: «Главное — быть человеком...» Наверно, он прав. Вон Саттар-бобо, мираб, не был ни композитором, ни писателем, а его по сей день все помнят. Значит, что-то оставил он людям такое, что греет их, живых. И тут не важно, кем был человек — композитором ли, мирабом ли, чабаном ли...

Дед налил шурпы в большую и глубокую деревянную чашку. Придвинулись. Взяли деревянные ложки. Вкуснее Анвар не пробовал...

Костер тлел. Его отсвет струился, будто стекая с чекменя Саттара-ота, румянил его впалые щеки с борозками морщин, подкрашивал бороду розовым. Дед слегка приподнял лохматую бровь и, внимательно посмотрев на внука, не проронившего за весь вечер ни слова, спросил, обтирая губы платком:

— Вы с Раджабом не поссорились ли?..

Анвар не сразу понял, почему дед так подумал. А Раджаб засмеялся и, вытирая ложку о дастархан, сказал:

— Что вы, мы с ним давнишние друзья.

— Это хорошо,— одобрил дед.— Дружба — главная помощница, особенно в горах. Без нее пропасть недолго.

СУЛЛОН

Чтобы избежать ссор с местными псами, он обогнул несколько стоящих на отшибе дворов и, убедившись, что ни одна дворняга не оскорбила его своим лаем, затрусил по кишлач-

ной пыльной улице. Остановился у колодца с каменным желобом, наполненным водой. К желобу приковылял осел. Суллон, глядя на него исподлобья, прорычал негодующе. Осел потянулся было к воде, но, послушно вскинув морду, виновато косясь фиолетовым глазом на седого чабанского пса, подождал, пока тот утолит жажду.

Наконец, отдышавшись, Суллон хлебнул несколько глотков воды длинным малиновым языком и рысцей побежал к почте. Он привычно толкнул дверь лапой и бесшумно вошел. Положив на прилавок передние лапы, просунул в оконце морду, на которой все еще поблескивали светлые капли. Видя, что работницы, занятые своим делом, его не замечают, гавкнул. Женщины вздрогнули и, узнав Суллона, рассмеялись.

— Минута в минуту прибегает, будто по часам сверяется, — сказала одна из них и подошла к полке, на которой пестрели сложенные стопками журналы, газеты, письма, и стала перебирать бумаги, отыскивая что-то.

Наклонив голову набок, Суллон с любопытством следил за ее движениями. Потом женщина подала ему сложенную газету. Суллон осторожно взял ее зубами и выбежал на улицу.

За кишлаком начиналась степь. Она казалась ровной, но тот, противоположный ее край постепенно поднимался, переходил в холмы и заканчивался крутыми горами. В траве, уже подросшей после того, как здесь прошли овцы, стрекотали кузнечики, кое-где лохматыми кучками серела душистая полынь. В ее тени, Суллон знал, часто прячутся перепелки. Но не до них ему сейчас, надо спешить. Ветер временами задувал со стороны гор, приносил кислотовато-теплый запах овечьих отар. Там, у подножия, паслись овцы.

Суллон не помнит, с каких пор стал нести службу у чабанов. Во всяком случае, деревья, разросшиеся теперь у арыков, в то время были чуть повыше его. А малыши, которые, словно щенята, ползали на четвереньках, давным-давно уже стали жигитами.

Суллон остановился и посмотрел на горы. Вон они стоят, вершинами уткнулись в небо, такие же, как были, не стареют горы. А Суллон уже стар. Ему не под силу теперь с легкостью, как прежде, перескочить через широкую расщелину. Или схватиться с волками один против троих...

Суллон задержался у лисьей норы. Выгреб из нее лапой землю, обнюхал. Передернув испачканным в земле носом, чихнул и побежал дальше.

Вдалеке, на небольшом пригорке, опершись на длинный посох, маячит чабан. А вокруг пасутся овцы. Издали они неподвижны, похожи на разбросанные по склону разноцветные валуны. Суллону надо убедиться, не отбилась ли какая-нибудь резвушка от стада. Бывает такое, а серый ворюга тут как тут. Удобней взяв газету, Суллон свернул в сторону и побежал, раздвигая грудью чертополох и бурьян, обвитый повиликой. Но не успел сделать и нескольких шагов, как бурьян зашевелился, послышалась какая-то возня и непонятное взвизгивание. Суллон замер и насторожился. Из зарослей травы, обгоняя друг дружку, кубарем выкатились три пушистых щенка. Суллон удивился, даже газету выронил. А щенки, не спуская с него глазенок, виновато завилили хвостиками. Потом опрокинулись на спины и, задрав лапки, стали с ним играть. Суллон наклонился, пытаясь поймать старшего за ухо и задать ему трепку. Но щенки вскочили и опрометью разбежались в разные стороны. И в ту же секунду Суллон услышал сухой шелест бумаги.

Щенки схватили газету зубами и рвали ее на куски — играли, отнимая друг у друга. Суллон расшвырял их лапой и выхватил оставшийся клочок газеты. С негодованием ощерил зубы на малышей, удивленных, что у них отобрали игрушку, и теперь уже с испорченным настроением побежал к чабанской палатке.

Невидимая рука отстранила изнутри полог, и из палатки вышел Раджаб, нетерпеливо дожидавшийся последних новостей. Третьего дня весь мир облетело известие: в космос запустили пилотируемый транспортный космический корабль «Союз-15». Теперь Раджабу хотелось знать, вернулся ли экипаж благополучно на землю или все еще там, в космосе?.. Интересно, как себя чувствуют космонавты Сарафанов и Демин? Об этом сейчас все люди земли беспокоятся. Сидят у приемников и ловят позывные космического корабля. А тут, как нарочно, в спидоле сели батареи...

Пес, чувствуя вину, подполз к Раджабу на брюхе и положил у его ног куски газеты.

— Ну, что же это ты? — укоризненно сказал Раджаб. — Уже и с этим справиться не можешь? В таком случае сам будешь ездить на почту на велосипеде! А ты лежи себе на солнышке, отлеживай бока!..

Услышав недовольное ворчание Раджаба, из палатки высунулся Анвар. Раджаб с таким усердием честил пса, что маль-

чик рассмеялся, сверкая зубами, побелевшими, как мрамор, от кислых и сочных корней риваджа, что растет у скал.

— Зря его ругаешь, Раджаб-ака,— сказал он сквозь смех.— Можно подумать, вы научили его человеческому языку!

— Он все понимает, дьявол этакий! Ты глянь, как уши поджал — обиделся...

Суллон, искося поглядывая на Раджаба, поплелся к палатке, лег у входа, положив голову на лапы.

Раджаб взглянул из-под ладони в сторону пасущихся овец. Потом, обращаясь к псу, сказал:

— Вон идет Саттар-ота, сейчас начнет расспрашивать, какие дела в мире творятся. Что я ему скажу?.. Клочки и те не все принес, ай-яй-яй...

Анвар натянул сапоги и вышел из палатки. Посмотрел в ту сторону, куда глядел, приложив ладони к бровям, Раджаб. Дед торопился — полы его чапана развевались от быстрой ходьбы. Старый чабан что-то крикнул издали и помахал рукой. Откуда-то налетел ветер и унес его голос в долину. Раджаб с Анваром ничего не расслышали. Следующий порыв понесся вдогонку за первым, непочтительно затеребил бороду Саттар-ота, стал трепать одежду. Старик плотнее запахнулся и, подавшись вперед, зашагал еще быстрее.

— Надо скорее загнать овец в овчарню! Дождь будет! — крикнул Саттар-ота, подходя. Обернувшись, он пристально поглядел на горизонт. — Дождь будет, — повторил он. — Скоро стрижка. Если овцы намокнут, шерсть потеряет шелковистость...

Анвар напряженно вглядывался в ту сторону, куда смотрел дед, но ничего не увидел.

— Откуда быть дождю, дедушка? — спросил он удивленно.

— А во-он тучка, словно дымок, видишь? Она только издали кажется маленькой. Ветром ее сюда гонит... Дождливая в этом году весна, пастбища тучные будут... Ну пошли, джигит, коль чабаном решил стать, — сказал дед и, подмигнув, хлопнул Анвара по плечу. — Давай скорее загоним овец, помоги-ка...

Они заспешили в сторону разбредшихся по склону овец. Суллон бежал впереди. Ветер раздувал то справа, то слева, взъерошивая на нем шерсть. Раджаб и Анвар стали обходить отару, сгоняя ее в кучу. Потом Раджаб сунул в рот два пальца и несколько раз пронзительно свистнул, сзывая остальных чабанских собак.

Донесся приглушенный ветром голос Саттара-ота:

— Суллон, такку! Такку! Суллон!..

Суллон тут же понял, чего от него хотят, метнулся в середину отары и стал выгонять оттуда старого козла-вожака с закрученными, как бивни мамонта, рогами. Козел с необыкновенной легкостью носил такую тяжесть на маленькой красивой голове. И умел ими ловко действовать, если была необходимость. Но к повелениям Суллона за годы своей службы вожаком он привык и знал, что бессмысленно проявлять в подобных случаях излишнее упрямство. Поэтому послушно, но горделиво, не теряя достоинства, вышел из стада и, погромыхивая колокольцем на шее, направился к кошаре. Овцы заспешили за ним. Суллон ступал рядом с вожаком. Ветер подгонял их и дыбил на спинах шерсть: на белой спине вожака — длинную и волнистую, а на спине Суллона — темно-серую, будто стриженую.

ГРОЗА

С помощью хорошо знающих свое дело псов чабаны загнали стадо в кошару. Овцы всегда здесь прятались от непогоды. Вход прикрыли деревянной решеткой и привалили бревном. Убедившись, что овцы не выйдут, чабаны направились в палатку.

Тем временем солнце обволокла густая черная туча. Упали первые крупные капли дождя, и земля покрылась коричневыми рябинками, а потом и совсем потемнела. По степи мчались, обгоняя друг друга, похожие на зайцев, шары перекасти-поля. Ветер порой подхватывал их и с разбойничьим присвистом поднимал к небу вместе с разным мусором. Темный столб пыли напоминал огромный кошачий хвост. О каменные вершины гор ударились огненные стрелы и, изломавшись на куски, упали в ущелье. Небо сердито заворчал.

В овчарне металась перепуганные овцы. Жалобно блеяли ягнята. Саттар-ота вышел из палатки, чтобы подать голос. Заслышав знакомый окрик, овцы успокоились и, уткнув головы под бок друг другу, замерли.

Дождь полил напористыми струями. Туча застлала полнеба. Казалось, среди дня наступила ночь. Саттар-ота, неторопливо ступая, вернулся в палатку. Анвар, обхватив колени, сидел на посланной поверх сухой травы кошме. А Раджаб

полулежал, опершись локтем на скатанный овчинный полушубок, и, задумавшись, кусал стебелек ромашки, которую держал в руке. Оба молчали.

— Эх-хе-хе, опять небо прорвало,— сказал Саттар-ота, стряхивая с шапки брызги.

— Надоело уже в этом году,— заметил Раджаб и полез в карман за сигаретами.

— Зато не каждому такую грозу видеть доводится,— сказал дед и, покряхтивая, уселся подле Анвара.— Интересно, а, внучек?.. Придешь в школу, будет о чем порассказать. Там, в долине, таких гроз не бывает. Это не просто дождик, а божья благодать. Твои друзья еще не видели такого...

Анвар заметил:

— Пионерские лагеря тоже в горах, дедушка.

— В лагере-то оно, конечно, хорошо — все удобства. И поел вовремя, и поспал... А здесь, Анвар-джан, учишься природе в глаза смотреть, не отводя взгляда. Природа, она, брат, совсем не милостива к тем, кто с нею не дружит. А характеры, как говорится, в дружбе познаются.— Дед вынул из кармана трубку, подаренную ему прошлой осенью председателем колхоза, подул в нее и, доставая кiset с крепким табаком, продолжал: — Правильно ты поступил, я тебе скажу, что не поехал в лагерь. У нас с Раджабом есть чему поучиться. Хе-хе... Может, когда и знатным чабаном станешь. Эта наука премудрая, не сразу и не каждому дается...

Анвар засмеялся:

— Какая тут наука, дедушка? Смотри, чтобы волк овцу не зацапал — и все!..

Саттар-ота насупил брови, чиркнув спичкой, зажег трубку. Помолчал, пуская сизые клубочки дыма, потом приподнял веки, сморщенные, похожие на ореховые скорлупки.

— Прежде и Раджаб так думал...— Дед посмотрел на Раджаба.— Может, ты расскажешь ему, как красную чалму заслужил? Ведь такую награду по завещанному издревле обычая жителя кишлака не всякому дают. А только искусным чабанам. Если наградили тебя красной чалмой — по нынешнему считай, «Знак почета» получил.

— Ему все лето с нами быть, сам увидит,— сказал Раджаб.

— Э-э, брат, тут дело тонкое,— протянул дед, загадочно прищуриваясь.— Все надо знать: в какое время где пасти овец, при каком ветре в какую сторону их гнать — вниз ли по

склону или немного вбок. А стрижка сколько хлопот доставляет!..

— А я получу чалму, дедушка?

— Поглядим на тебя... — уклонился дед от прямого ответа. И задумчиво добавил: — Ее нелегко заслужить, чалму-то красную...

— Если признаешь свою работу настоящей наукой, — встал Раджаб, и все трое рассмеялись.

— Бытует поговорка в народе: «Дехканин отдыхает зимой, а чабан — если только больной». Верная это поговорка, — сказал Саттар-ота, разгоня ладонью запутавшиеся в бороде колечки дыма.

Раджаб вдруг заерзал и, отогнув угол кошмы, стал ворошить солому.

— Подтекает под брезент. Штаны мне замочило, — пробурчал он.

Палатка колыхалась и хлопала от ветра, словно ее стегали снаружи тугими плетками. Намокнув, она отяжелела и вогнулась внутрь.

— Видно, края вкопали неглубоко, — заметил дед, выбивая трубку о конец посоха, и, крикнув, поднялся с места. — Видишь, внучек, даже палатку поставить как следует — дело мудреное.

Саттар-ота и Раджаб надели брезентовые плащи с островерхими башлыками и выбрались наружу. У Анвара не было плаща, поэтому он остался в палатке. Но чтобы не сидеть без дела, он решил отделить взмокшую солому от сухой. Слышно было, как снаружи возьется дед и Раджаб, накладывают на края палатки глину и дерн.

Над самой головой что-то оглушительно треснуло — будто переломилось толстое бревно. Анвар вздрогнул и посмотрел вверх. Но палатка была цела. На мгновение степь озарилась так ярко, что глазам стало больно. И снова сделалось темно. Темнее прежнего. За палаткой послышался топот ног. Анвар отдернул полог и выглянул наружу. Крыша овчарни была окутана паром и белесым дымом, будто на нее спустилось с неба целое облако. По перекладинам навеса, на которых лежал камыш, присыпанный землей, бегали юркие язычки пламени.

Овцы лезли друг на друга, истошно блеяли, метаясь от одной стены к другой. Раджаб и Саттар-ота руками и коленями толкали их к выходу, что-то кричали. Но все стадо кружилось по двору, словно чай в стакане, размешиваемый ложкой, и ни

одна овца не отваживалась ринуться в открытый проем. Животные боялись темноты, наступившей среди дня, и хлещущего розгами ливня.

Анвар побежал на помощь. Он что есть духу закричал:

— Суллон! Суллон! Такку! Такку-у!

Откуда-то прибежал Суллон, мокрый и запыхавшийся. С разбегу перемахнул через изгородь. Чуть ли не по спинам ошалелых овец добрался до вожака, вцепился когтями в его косматый хребет. Козел взревел. Сильно оттолкнувшись ногами, перелетел через несколько овец, упал... и, сильной грудью расталкивая обезумевших овец, протиснулся к выходу. Стадо, будто горный поток, устремилось за ним.

Суллон, не больно кусая за курдюки, стал торопить остальных овец. Когда все овцы были выдворены наружу, он снова вернулся в овчарню, проверить, не остался ли там какой-нибудь обезумевший с перепугу ягненок. Вдруг перекладки треснули... крыша плавно поползла вниз и рухнула. В воздух взметнулся оранжевый столб искр, и его тотчас слизнуло ветром.

— Сулло-о-он! — закричал Анвар и побежал к овчарне.

Тут же подоспели Раджаб и Саттар-ота. Обжигая ладони, они стали хватать тлеющие бревна и швырять в лужу. Оранжевые огоньки сердито шипели и, окутываясь паром, гасли.

Суллон выполз с противоположной стороны. Он волок задние лапы и тихо жалобно повизгивал. Увидев людей, уткнулся мордой в мокрую землю и глухо застонал, совсем по-человечьи. Шерсть на его загривке тлела. Саттар-ота наклонился, приложил руку к обожженным местам и погладил пса по голове.

— Эх, Суллон, Суллон... Что же ты, а!.. — вздохнул он.

Раджаб присел, ощупал собаку.

— Мучается, — проговорил он еле слышно.

Саттар-ота промолчал, насупил брови.

— Мучается пес-то, пристрелить надо, — повторил Раджаб, не решаясь взглянуть на старого чабана.

Тот отвернулся и, не сказав ни слова, сутуля спину, будто под тяжелой ношей, быстро зашагал в поле, в сторону сбившихся в кучу овец. Он не хотел, чтобы это произошло на его глазах.

Раджаб, сидя на корточках, смотрел на лежащего пластом пса. Щеки парня были мокры. То ли капли дождя блестели на них, то ли слезы. Анвар стоял рядом, не зная, что

делать, только растерянно моргал и шмыгал носом. Суллон иногда приоткрывал глаза и тихо скулил. А дождь все хлестал и хлестал землю тугими прутьями. И казалось странным, что при таком ливне могла заняться пламенем крыша от угодившей в нее молнии.

Суллон жалобно застонал... Раджаб вдруг вскочил и по раскисшей земле, поскальзываясь, побежал к палатке.

ДРУГ В БЕДЕ...

Анвар опустился на колени, ощутив ими холод мокрой земли. Просунул руки под тело собаки; взяв ее в охапку, с трудом поднялся на ноги и осторожно направился к палатке. Ему навстречу с двустволкой вышел Раджаб. Увидев Анвара, остановился в замешательстве. Затем прислонил ружье к палатке и заспешил к Анвару, чтобы помочь ему. Они вдвоем внесли Суллона в укрытие. Положили на сухое сено.

— Я его буду лечить, — сказал Анвар, еле сдерживая слезы. — Вот увидите, вылечу...

Тучи, цепляясь подолами за скалистые гребни, постепенно перевалили через горы. Дождь уходил за ними. Небо посветлело, и по нему теперь металась лишь лоскутки облаков. А в той стороне, откуда гроза пришла, облака уже были пронизаны золотыми копьями солнечных лучей.

Раджаб потоптался, с недоумением глядя, как Анвар обеими руками разинул Суллона пасть и изо всех сил дует в нее, махнул безнадежно рукой и вышел.

Стадо разбилось по лугу, щипля вымытую траву. Издалека доносился медный перезвон колокольца. Псы с хриплым лаем понеслись по джайляу в сторону зарослей, — видно, почуяли лису, а может, волка. Саттар-ота неподвижно стоял на возвышенности. К нему быстро, перескакивая с бугра на бугор и разливаясь вширь, приближался ярко-желтый свет, — наступало солнце, отгесняя тучу за горы. Раджаб скинул на плечи ярлыгу — длинный посох с крюком на конце и, взявшись за его концы руками, зашагал к овцам — навстречу теплу и вечерней заре.

Анвар действовал умело. Ему, пожалуй, впервые подумалось, что он не даром ходил на кружок МПВО, где учили оказывать первую помощь пострадавшим. Учитель говорил, что если это умение понадобится хотя бы один раз в жизни, зна-

чит, время потрачено не зря. Анвар смазал ожоги Суллона бараньим салом, потом посыпал солью, чтобы мухи не садились. Состриг шерсть вокруг ран и, достав из аптечки бинт, плотно перевязал их. Теперь Суллон был весь в бинтах, как запеленатый ребенок. Он дрожал, будто озяб. Анвар укрыл его мешковиной и вышел из палатки.

Раджаб подошел к Саттару-ота.

— Ну, как там? — спросил у него старый чабан.

Раджаб пожал плечами. Саттар-ота, будто чем-то недоволен, сердито буркнул:

— Я, кажется, трубку забыл. Схожу за ней. Ты погляди, чтобы овцы не ложились на мокрую землю. А то простудятся и начнут кашлять. Сегодня всю ночь их придется перегонять с места на место.

Старик степенно зашагал к палатке. Чабаны и радость и горе приемлют одинаково спокойно. Саттар-ота не хотел, чтобы его волнение было замечено, и делал вид, будто не особенно обеспокоен случаем, происшедшим с их любимым псом. Но чем ближе он подходил к палатке, тем быстрее становились его шаги. У входа он остановился, чтобы перевести дух. Нетерпеливо вынул из кармана трубку, жадно закурил. Прислушался, желая узнать, что там происходит внутри палатки. Но было тихо. Он нервным движением откинул полог.

Анвара в палатке не было. Саттар-ота присел на кошму рядом с Суллоном и провел рукой по бинтам, стянувшим спину пса.

— Ну как, дружище, выдюжишь?

Суллон лизнул ему руку.

— Лежи спокойно, не шевелись... Посижу возле тебя, трубку выкурю...

Саттар-ота потянулся к сумке, вынул брынзу, завернутую в белую тряпицу. Отщипнув кусок, подал на ладони Суллону. Тот наморщил ноздри и неохотно лизнул угощение.

— Ешь, братец, ешь... — бормотал дед, потчuya Суллона, но тот больше не брал, брезгливо отворачивался. — Лежи себе, а я пойду, — сказал дед, вздохнув, и поднялся. — Куда Анвар запропастился? Не знаешь? Ничего, придет... — Покинув палатку, старик направился к стаду, пригретому багровым отсветом заката.

Всю ночь Саттар-ота и Раджаб провели на ногах. Чтобы

уберечь овец от простуды, пришлось их постоянно тормошить, не давая лежать на сырой земле.

Едва начало рассветать и в небе исчезли звезды, будто утонув в парном молоке, Саттар-ота заметил приближающегося человека.

— Раджаб, глянь-ка, кто там идет, у тебя глаза острее.

Раджаб долго вглядывался и наконец удивленно воскликнул:

— Это же Анвар! Куда же он смахал в такую рань? А я думал, он спит все еще.

— И я так думал. Однако, видать, он эту ночь провел не в палатке. С вечера сбежал в кишлак...

— На ночь глядя? — удивился Раджаб и, приглядевшись, засмеялся. — А-а, он и ружье прихватил с собой. Догадлив парень.

Анвар шел не разбирая дороги, прыгал через низкорослый кустарник джангала — ярко цветущей в эту пору колючки, пинком сбивал попадавшиеся на пути конусообразные кочки земли у кротовых нор.

Анвар заметил, что дедушка и Раджаб смотрят в его сторону. Он издаലെка помахал им рукой и крикнул:

— В амбулаторию бегал! Вот! Для Суллона! — поднял левую руку, показывая какие-то склянки, тускло блеснувшие в неярком свете утра. И, придерживая свободной рукой приклад ружья, чтобы он не бил больно по бедру, побежал к палатке.

Солнце золотистым веером выхлестнуло из-за гор, обещая жаркий день.

КОР

Саттар-ота и Раджаб каждое утро угоняли отару на джайлау, туда, где овец не пасли уже более двух недель. Трава на этих склонах за это время успевала подрасти и налиться соком. После выпаса проходит всего три-четыре дня и, глядишь, трава, которая казалась подстриженной под самый корень, буйно идет в рост, расправляет зеленые стебелечки — словно бы сюда еще не забредала ни одна овца.

Матки, которые недавно окотились, были еще слабы, и чабаны их не брали с собой. Оставляли под присмотром Анвара. На рассвете, ежась от прохлады, Анвар гнал свое стадо на покатуку гору с широкой и плоской спиной. Здесь росло много

повилики и дикого клевера, ими любили лакомиться ягнята. А у маток от этой травы прибавлялось молоко, и оно становилось густым. Да и самому Анвару очень нравились розовые, похожие на маленькие граммофончики, цветы повилики. По утрам, когда солнышко только начинает пригревать и еще не успело выпить всю росу, собравшуюся в граммофончиках, эти цветы очень приятно пахнут. Пчелы тоже в эту пору особенно усердны: наверно, мед, взятый с цветка, когда он сильно пахнет, бывает душистее.

А еще Анвару эта гора нравится потому, что солнышко ее начинает пригревать раньше, чем долину, лежащую внизу, у подножия. Здесь уже тепло, все покрыто позолотой, а там еще прычутся синие сумерки и низко стелется туман.

Анвар вначале думал, что за ягнятами присматривать легче, чем за взрослыми овцами. Но как бы не так. Иной раз они так озоруют, что и не уговонишь. Носятся вприпрыжку по склону, того и гляди, какой-нибудь из шалунов покатится кубарем вниз. Ну точь-в-точь как ребятишки в школе! И даже у каждого ягненка свой характерец проявляется. Один такой резвый, что, растолкав ровесников, ухитряется и к чужой матке подобраться да все молоко у нее высосать. А другой тихий, жмется только к собственной матери, боится от нее на шаг отступить, и все его обижают. Третий отыщет где-нибудь траву повкуснее да так и норовит сбежать туда, чтобы одному полакомиться. Вот и приходится Анвару не спускать с овечьего детского сада глаз и вмешиваться всякий раз в их дела, чтобы во всем стаде соблюдались порядок и справедливость. А чтоб не путать ягнят, он наделил каждого из них именем. Вон тот, кучерявый плут на крепеньких коротких ножках, чем-то напоминает Шарифа. Для него не пришлось слишком долго придумывать имя... А вот этот беленький, с коричневой головой и в таких же носочках, похож на рыжего Мавлона. Тот же вон, лобастый задира, что чешет пробивающиеся рожки о камень,— ну копия Самата!.. Словом, сколько в кишлаке живет мальчишек, столько и имен нашлось для ягнят.

Пока стадо спокойно пасется, Анвар пристраивается на каком-нибудь теплом камне и мастерит свирель.

В полдень Анвар гонит стадо к речке напиться, и, пока овцы отдыхают в тени, идет проводить Суллона. Пес, кажется, начал выздоравливать. Стал лучше есть и больше не скулит.

Сегодня вечером дед велел Анвару лечь пораньше, чтобы хорошенько отдохнуть. Потом сказал, что завтра они пойдут

проведать приятеля Саттара-ота, который по ту сторону перевала пасет колхозный табун. Анвар знает Курбана-ота, ровесника своего деда. В округе идет о нем слава как о табунщике, который, как никто, знает толк в лошадях. Люди говорят, будто особая порода лошадей, выведенная Курбаном-ота, самая лучшая в целом свете. Кто знает, может, это и правда. Во всяком случае на всех игрищах — на скачках или купкари¹ — непременно выигрывает тот джигит, который взял лошадь из табуна Курбана-ота.

— Давно Курбан не подавал о себе вестей. Не заболел ли? — обеспокоенно проговорил дед, набивая трубку махоркой.

Анвар улегся, радуясь, что завтра, может, представится возможность проехаться на лошади...

Анвару снились кони с огненными гривами, подкованные серебряными волшебными подковами. Ударами копыт они высекали искры из земли, взвивались на дыбы. Анвару было боязно подойти к ним близко. Но дедушка посадил его в седло, и, едва успел Анвар ухватиться за золотистую гриву, конь взмыл над горами, над лесами, над реками, и они помчались к солнцу...

Утром Саттар-ота растолкал внука, не дав ему доглядеть сон. Едва начинало светать, Раджаб угнал овец. А Саттар-ота и Анвар отправились по круто взбирающейся вверх каменистой тропке. Дед шел впереди, опираясь на посох, а внук следовал за ним. Анвар хотел было рассказать деду свой сон, но Саттар-ота ему велел молчать и объяснил, что если на большой высоте много разговаривать, то захватит дух и трудно станет дышать. Анвар оглянулся и с удивлением заметил, что они действительно уже успели взобраться довольно высоко. Далеко внизу, в ложине, похожей на продолговатое малахитовое блюдо, маковыми зернышками рассыпались овцы. Вскоре Анвар свободно мог достать до облаков рукой. А когда над ним низко проплывал белый клочок, похожий на вату, Анвар машинально нагнулся, испугавшись, что облако может, зацепив, снести с его головы тибетейку.

Тропа обегала скалы, протискивалась между расщелинами, скакала по острым каменистым уступам, спускалась с одного склона и поднималась на другой. Шли они не более двух часов, а Анвар уже порядком устал. Дед ступал тем же нето-

¹ Купкари — конно-спортивное состязание, на котором участники состязания вырывают друг у друга козлиную тушу.

ропливым, но уверенным шагом, постукивал посохом. Анвар все чаще стал поглядывать на его широкую прямую спину — хотел окликнуть деда, чтобы попросить присесть и передохнуть. Но едва раскрывал рот, как тут же подавлял в себе это желание. Тотчас вспоминались слова деда, однажды произнесенные им невзначай: «Слабым в горы путь закрыт. В горы идут настоящие джигиты...»

Вдруг дед резко остановился и, положив руку на плечо Анвару, сказал, показывая вдаль:

— Смотри! Я специально поднял тебя раньше, чтобы ты увидел.

Из-за гор восходило солнце. Отсюда, с этой подоблачной выси, казалось, что его рождают сами горы. Из-за далеких синеватых зазубрин все рос, ширился багровый краешек земного светила, окрашивая облака, вершины гор в розовый цвет. Казалось, в лощины, в речки медленно вливается пенка с инжирного варенья, которое часто варят мать с Гульнаркой.

А дед задумчиво сказал:

— Солнце каждый день всходит, чтобы раздаривать свои лучи небу, земле, людям. На небе исчезают тучи, и оно, радуя взгляд лазурью, посылает нам воздух, которым мы дышим. Земля дает нам пищу. А человек должен творить вокруг себя добро... А тот, кто привык причинять зло, не может вот так прямо и открыто смотреть на солнце — как и в глаза человеку, перед которым виноват...

Они стояли долго, дед и внук, любясь восходом. Потом дед снова зашагал впереди. Тропинка круто поползла вниз. Справа вздымалась заросшая можжевельником гора. Из ее боков торчали острые, отшлифованные ветром и дождями, скалы. А слева неожиданно открылась широкая долина, по дну которой среди буйных трав серебристой змейкой извивалась речка. На ее берегу Анвар увидел несколько еле приметных войлочных юрт и подумал, что, наверно, это и есть стойбище Курбана-ота.

Анвар взглянул на отвесный склон ближайшей горы и остановился, пораженный. На самом краю обрыва стоял белый конь. Он слегка приподнялся на дыбы, приготовясь к прыжку, и вдруг замер. Видимо, увидел людей и остановился как вкопанный. Даже волнистая грива и хвост перестали трепетать на ветру — словно застыли. Ну в точности тот самый конь, какого Анвар видел во сне!..

Анвар смотрел как завороченный. Ждал, что через мгно-

вень над горами разнесется громкое ржание, конь ударит копытами, подкованными серебром, и из-под них во все стороны брызнут искры, обращаясь на лету в драгоценные камни, а потом он понесется прочь, развеивая гриву и хвост по ветру, и сгинет с глаз. И станет Анвар ломать себе голову, в самом ли деле увидел волшебного коня Дуль-дуля, о котором в сказках говорится, или ему только пригрезилось. Но конь стоял неподвижно. Анвар стал медленно подходить к нему, а он и ухом не повел. И тогда Анвар догадался, что это вовсе не Дуль-дуль, и даже не настоящий конь. А каменный. Розовые блики солнца золотили его волнистую гриву, и казалось, она колеблется от ветра. Кто же мог поставить такое прекрасное изваяние в этом диком месте, там, где почти никто не бывает? Для чего оно понадобилось? Анвар хотел об этом спросить у деда, но сейчас только заметил, что дед ушел далеко вперед. Тропинка шла под уклон, дед шагал не оглядываясь и, кажется, даже не видел, что внук отстал. Анвар с трудом догнал его.

— Дедушка, зачем здесь поставили этот памятник? — спросил он, хватая Саттара-ота за руку и еле переводя дух. — Лучше бы его установили возле нашего клуба. А еще лучше около школы!

— А-а, сам увидел, значит, — улыбнулся дед и, остановившись, пристально посмотрел из-под руки на изваяние. — Я хотел тебе показать его, да запамятовал... Свой вопрос, сынок, ты лучше задай самому Курбану-ота. Он сам тебе все и расскажет...

Курбан-ота застали в юрте в полном здравии. Он очень обрадовался приходу гостей. Старики обнялись, похлопывая друг друга ладонями по спине. Потом стали справляться о здоровье друг друга и о житье-бытье. Курбан-ота поинтересовался, как идет окот в колхозной отаре. А Саттар-ота в свою очередь спросил, много ли в этом году жеребят родилось. Оба они были сухошавые, высокие, оба — косая сажень в плечах. Не будь у них седых бород, и не сказать бы, что возраст обоих равен почти полутора векам.

Усадив гостей на кошке, посланной подле юрты с тенистой стороны, Курбан-ота приступил к приготовлению угощения. Он знал, что его друг обожает более всего кекликов — горных куропаток, запеченных в земле. А сегодня ему повезло на охоте.

Курбан-ота обмазал каждую куропатку глиной и закопал

в землю. Затем развел на этом месте костер. А через каких-нибудь полчаса гости и хозяин счищали с птиц, обжигая пальцы, спекшуюся глину вместе с перьями и кожей, и лакомились несравненным чабанским кушаньем.

Улучив момент, Анвар задал Курбану-ота вопрос, который так и вертелся на кончике его языка, мешая спокойно есть.

Вдали пасся табун. Помощник табунщика, сидя верхом на коне, перегонял косяк на другой берег речки. Видно было, как он резво взмахивает рукой, и после этого, лишь спустя целую минуту, доносилось шелканье кнута, похожее на выстрел. Солнце уже наполнило долину ярким светом и теплом. Из-под ног лошадей разлетались серебристые брызги, пронизанные лучами.

— В народе бытует много славных легенд, похожих на правду. А я поведаю тебе правду, похожую на легенду... — начал свой рассказ Курбан-ота. Он сидел поджав под себя ноги и держал в руках пиалушку с кумысом. Веки, похожие на скорлупу ореха, полуопущены. Видно было, что он думает. — А расскажу я тебе о моем любимце Коре. Не знал я в округе равных моему коню. И был он весь белый, словно снег, что лежит круглый год на вершинах наших гор. Потому и назвал я его Кором, что означает «снег» по-нашему. Хотя он и был белым, как снег, но сердце в нем билось горячее, как солнце. Не одно самое знатное состязание я выиграл на нем... И самые красивые женщины вплетали в его гриву пестрые ленты. А однажды — поди, уже лет двадцать прошло с тех пор — меня с Кором даже послали в Москву на сельскохозяйственную выставку. Оказывается, слава о моем Коре и до самой Москвы долетела. Несколько дней везли нас в поезде. А когда приехали, уже там на станции я сел на него верхом и проехался по улицам столицы до того места, где находилась выставка. Прохожие останавливались и любовались моим Кором. А я любовался огромными домами, каких сроду не видывал. Дивился маленьким красным домикам, которые пробегали мимо по рельсам да еще и позванивали. Уже потом узнал, что это были трамваи. Словом, благодаря моему Кору и мне повидать Москву привелось...

Курбан-ота рассказывал, медленно попивая кумыс, и голос его звучал, как шелест ветерка, пробегающего над волнующимися травами джайляу. И Анвар представил, будто наяву, то, что слышал.

Кор в табуне был вожаком. И почетной своей должности

никому не собирался уступать. А если находились охотники сместить его, то Кор, в жаркой схватке потрепав таким холку, доказывал неизбежность своего положения. В его табуне всегда царил полный порядок. Стоит какому-нибудь молодому жеребцу затеять драку, Кор тут как тут. Выгонит, бывало, виновника из середины косяка и выплет ему как следует...

Случалось, к табуну подбирался волк. Кор сразу же его чувствовал. Заливистым ржанием подает, бывало, сигнал и передним копытом землю бьет. Весь табун сбивается в кучу, согнав в середину жеребят. Кобылы, что оказались на самом краю круга, задними копытами так взбрыкивают, что ни один волк не сунется. А Кор фыркает да носится вокруг табуна, словно проверяет, надежно ли укрыты жеребята, не проскользнет ли тенью между кобылами серый хищник. И как только табунщик, Курбан-ота, выбегает из юрты с ружьем, Кор устремляется в ту сторону, где затаился волк,— показывает, куда стрелять надо...

Однажды к Курбану-ота приехал погостить из города племянник, Сабирджан. Было ему тогда лет девять, не больше. Жили они в юрте. А в свободное время Курбан-ота учил племянника ездить верхом.

Как-то они сидели за дастарханом и пили кумыс. Вдруг послышалось протяжное и тревожное ржание Кора. И сразу же они услышали дробный топот его копыт. Конь птицей мчался по джайляу и сгонял в кучу кобылиц. Порой останавливался как вкопанный и, наострив уши, глядел в сторону во-он тех скал, что похожи отсюда на развалины древней крепости, храпел и, выгнув шею, бил копытом о землю... И снова мчался к табуну.

Курбан-ота почуял неладное. Зашел в юрту и вынес ружье. А табун уже сбился в кучу. Только Кор тревожно мечется вокруг него. То мчит к тем скалам и, сильно ударяя передними копытами о землю, словно грозит кому-то, но в последний момент, резко повернувшись, несется обратно, высоко подняв голову и развевая хвост по ветру.

Курбан-ота взвел курок и направился к тому месту, на которое указал ему Кор. Сабирджан увязался за ним. Ему не доводилось ни разу увидеть волка на свободе, вот и обрадовался, что случай представился.

Обычно стоит человеку появиться с ружьем, волки тут же пускаются наутек. Остается только пальнуть им вслед для

острастки, чтоб в другой раз неповадно было, и можно идти спокойно допивать свой чай. А на этот раз табунщик не увидел ни одного волка. Ну, думает, успели удрать. Вдруг со скалы посыпался песок. Не успел взглянуть вверх, над ним промелькнула тень. Уши резанул пронзительный крик Сабирджана. Сильный удар в грудь бросил Курбана-ота наземь. И перед самыми глазами он увидел разинутую клыкастую пасть барса. Зверь придавил его огромными лапами и приготовился вонзить в горло зубы. «Потом он набросится на Сабирджана», — успел подумать табунщик. «Сабирджан, беги!» — хотелось ему крикнуть, но только хрип вырвался из горла. Вонючее дыхание зверя ударило в лицо. И в этот миг что-то отвлекло внимание барса. Он вскинул голову и посмотрел в сторону. А табунщик услышал глухие удары и сразу даже не понял, земля то гудит или так сильно бьется сердце. Над ним вдруг, распластавшись, промелькнул Кор. Он грудью сбил с него страшного зверя. Барс, злобно зарывав, дважды перевернулся через голову, но тут же, пружинисто вскочив, взлетел на круп коня. Курбан-ота не мог пошевелиться. Лишь чуть-чуть приподняв голову, увидел удаляющегося Кора. Барс вцепился в его спину зубами... Он жаждал крови. А Кору нужна была победа. Только победа! Теперь спасти табун мог только он. Впервые увидел он на земле поверженного хозяина. На этот раз почему-то не взметнулась молния из рук табунщика и не раздался гром, неизменно обращавший в бегство волков. И Кор сам вступил в борьбу. Если Кор не победит, то несдобровать ни хозяину, ни мальчишке, ни табуну. Кор не чувствовал боли. Но его силы быстро иссякали. Он мчался из последних сил — лишь бы подальше унести врага от табуна. Победа была там, куда он мчался быстрее птицы. Глаза его уже застилал туман. Он не видел, что уже почти у цели... Земля внезапно исчезла под ногами, и Кор, заржав в последний раз, взмыл на мгновение в воздух и рухнул вниз, в пропасть, на острые камни, вместе с барсом...

Кор победил.

— Да-а, Кор тогда победил... — вздохнул Курбан-ота. — Поэтому я сижу сейчас с вами и рассказываю эту историю. И мой племянник Сабирджан тоже жив-здоров. В областном городе он стал известным человеком. Он может слепить из глины хоть тебя, хоть меня. Точь-в-точь. Такая у него работа. А главное, хоть и стал знатным, и теперь не забывает меня, навещает время от времени.

Часто я прихожу к тому обрыву, с которого Кор спрыгнул вниз. Стою над пропастью и думаю...

А однажды взгляделся я в одну скалу и просто поразился. Уж очень она была похожа на коня. Белого, каким был наш Кор. Надо же, за эти годы столько раз бывал здесь, а не замечал этой схожести. Недаром говорят, что ветер и дождь — великие мастера. Эти мастера и придали камню причудливую форму.

Когда ко мне приехал Сабирджан, я показал ему эту скалу. «Гляди-ка,— сказал я ему.— Душа нашего Кора, видать, вошла в эту скалу...» Сабирджан обошел вокруг скалы, потрогал ее руками, внимательно разглядывал, вроде бы прикидывал что-то, но не сказал ни слова.

А через неделю Сабирджан привез в небольшом чемоданчике целый набор каких-то инструментов. «Для чего это?» — спрашиваю у него. Ухмыляется, а не говорит. Я табун чуть свет выгоняю на джайляу, а он со своим чемоданчиком уходит куда-то. И пропадает где-то целый день. Так весь отпуск и провел у меня. А перед самым-то отъездом и говорит: «Идемте-ка, дядя, я покажу вам кое-что...» Привел меня к обрыву и показал свое творенье. Отсек он от скалы все лишнее и этим камень оживил...

Вот и стоит с того времени на краю обрыва наш Кор. Каменный. А я люблю его, как живого. Поэтому, когда наш председатель собирался его перевезти в кишлак, я не позволил ему это сделать. «Здесь Кору привольнее», — сказал я ему.

В нашем табуне много внуков и правнуков Кора. Пусть глядят на своего предка да на ус мотают, что памятники ставят не только людям, но и им тоже, если они этого заслуживают.

Курбан-ота умолк.

Анвар подумал: «Не напрасно, значит, люди говорят, что порода лошадей, выращенная Курбаном-ота, лучшая в целом свете. Наверно, это правда».

ИСПЫТАНИЕ

Суллон выздоровел. И тут же убежал в степь. Вернулся к вечеру. Плелся усталый, старательно избегая колючих зарослей, чтобы не расцарапать еще не совсем зажившие раны. В зубах он держал несколько номеров газет. Накопилось их на почте, пока Суллон хворал.

Утром, еще потемну, Саттар-ота и Раджаб погнали отару в горы, рассчитывая к вечеру вернуться. На попечении Анвара остались матки с ягнятами, Суллон тоже остался. Анвар его не просил. И дед не наказывал. Он сам остался. Сам начал сгонять в кучу овец, чтобы далеко не разбредались, а то недолго какому-нибудь ягненку приотстать и затеряться в бурьяне да среди валунов.

Когда из-за края земли поднялось солнце и высушило росу с трав, Анвар погнал свое немногочисленное стадо повыше в горы. За матками вприпрыжку бежали кудрявые ягнята, на ходу норовили ухватиться за вымя. Анвар, как бравый чабан, крутил над головой длинную палку, окриками подгоняя отстающих ягнят. Суллон бежал сторонкой. Между делом оставался у нор, принюхивался, стараясь отгадать, лиса здесь живет или барсук. Или, может, дикобраз.

Справа и слева горбились невысокие горы. Их покатые бока укрыты зеленым бархатом. А темнеющий наверху низкорослый можжевельник кажется щетинистой гривой. А дальше и выше взгромоздились серые и розовые скалы. С северной стороны, куда не заглядывает солнце, они покрыты мхом и лишайниками. Их обдувает ветер, веющий со снежных вершин. Анвар посмотрел назад. Далеко-далеко внизу чуть приметен неправильный круг загона — будто кто-то обронил погнутое колечко. А рядом еле видно белое пятнышко палатки. Анвар присел на пригретый солнцем камень и вынул из-за пазухи камышовую свирель, которую сам смастерил. Подул в нее, перебирая пальцами, и переливчатые звуки полились по склону. Овцы прислушались, постояли, замерев, а потом снова наклонили головы и стали щипать траву с аппетитом, успокоенные, что чабан поблизости и им не грозит опасность. Отыскивая своих маток, блеяли ягнята. Овцы с неохотой поднимали головы и, не переставая жевать, откликались на зов. А насытившись материнским молоком, ягнята начинали резвиться.

Нежная песня свирели разносилась повсюду, стремилась вверх. Вон как резко очерчивают воздух ласточки, проносясь низко над головой, и весело попискивают, словно благодарят музыканта за чудесную мелодию.

А в самом поднебесье между белых, похожих на распушенный хлопок, облаков, распластав сильные крылья, выписывает медленные круги орел. Знать, прилетел взглянуть, кто пожаловал в его владения. Анвар засмеялся. Ему захотелось крикнуть орлу: «Не вейся так долго, голова закружится!..»

С цветка на цветок, жужжа, перелетали шмели. Земляные осы в лапках тащили что-то к норкам. Анвар потихоньку приблизился к норке и стал следить за их работой: оса втащила в тайничок добычу, а потом искусно замаскировала вход, закрыв его землей, и улетела на поиски новой добычи.

Совсем рядом, за гранитным валуном, раздалось громкое хлопанье. Анвар вздрогнул от неожиданности. Так хлочет курица, когда радуется снесенному яичку. Но откуда здесь быть курице? И Анвар догадался, что это кеклик зазывает подружек.

Он сунул свирель за пазуху и, пригнувшись, стал подкрадываться к валуну. Нет, он вовсе не собирался бросить в кеклика камень. Только взглянуть на него хотел. Но не успел проделать и половины пути, как чуткая птица взмыла в воздух и, мельтеша крыльями, резко метнулась за скалу. Анвар только и успел заметить полосатую, словно матросская тельняшка, грудку и красные лапки, поджатые к брюшку. Кеклик опустился среди камней на соседней горе. Заприметив это место, Анвар начал спускаться по крутому склону на дно овражка, разделяющего две горы. Внизу между камней изгибался говорливый ручеек. Из-под ноги выскользнула галька и с разгону шлепнулась в воду. Со дна ручья поднялось облачко золотистых песчинок, его подхватил поток. Анвар спустился к ручью и отвязал бельбог, в который была завернута лепешка. Поудобнее уселся на берегу и, смачивая лепешку, начал есть. Потом вдоволь напился, черпая воду ладошкой. От холода рука сделалась словно деревянная. Анвар подышал на нее.

Чуть в сторонке вода внезапно вспыхнула оранжевым светом и погасла. Анвар вскинул голову и увидел промелькнувший между камней рыжий хвост лисицы. Она пришла, видно, напиться и, увидев чабана, метнулась через ручей. Анвар прыгнул на камень, едва высунувший из воды мокрое темя, балансируя руками, перебрался по валунам на другой берег. Лиса исчезла. Наверно, спряталась в кустах джиды, густо разросшихся по всему склону. Анвар стал пробираться через кусты. Ветви цеплялись за рукава, больно хлестали по лицу. Анваром овладел настоящий охотничий азарт. Выбравшись наверх, где беспорядочно громоздились камни, он с высоты внимательно оглядел кустарник. Где-то в зарослях истошно верещала какая-то пичуга. Может, неподалеку от ее гнезда как раз и притаилась лиса?.. Анвар столкнул со склона камень. Обломок гранита, подпрыгивая, как резиновый мяч, устремил-

ся вниз, ударился о валун, распался на множество кусков, которые с шумом посыпались на кустарник. Из зарослей поднялась стайка дроздов, перелетела на другое место. А лиса ведь хитрующая, ее так просто не вспугнешь. Сидит небось преспокойно в норе, только ее нос и торчит.

Анвар насобирав камней, сложил в кучу и начал «обстреливать» весь кустарник. Ему совсем не хотелось убивать лису, нет. Ему бы только увидеть ее, хотя бы издали. Он еще ни разу не видел лису. Покажись она ему хоть разочек, он тут же перестал бы кидать камни. А она сидит, дуреха, и не думает высовываться.

Анвар вспотел от усердия и решил передохнуть. Но едва сел на валун, как через минуту ему стало холодно. Рубаха прилипла к потному телу, и его начал жалить сырой ветер. Анвар огляделся и только сейчас заметил, что на гору напозла густая тень. Дымчатые тучи словно войлоком накрыли солнце. Внизу неприветливо и даже как-то враждебно лопотал ручей. Должно быть, сердился, что и на его долю перепало изрядно камней. Анвар окинул взглядом противоположный, почти отвесный скат овражка. За горбом той горы пасутся овцы с ягнятами. Анвар их оставил там утром, а сейчас скоро полдень. Смутное беспокойство закралось в сердце. Он сорвался с места и опрометью бросился вниз. С разгона перескочил через ручей и, цепляясь за красные корешки риваджа и ломкие желтоватые прутьики волчьих ягод, стал карабкаться в гору.

Томительную жару сменила резкая прохлада. Со стороны долины, выискивая проход между горами, опять стала заходить гроза. Небо потемнело. Лишь на какое-то мгновение освещалось голубоватым светом, и через минуту доносилось предупредительное рокотание грома.

Взбираться наверх было трудно. Анвар, задыхаясь, добрался наконец до горба горы и остановился, хватая пересохшим ртом воздух. Дождь беспорядочно застучал о камни, зашуршал по траве. Между тучами еще оставались узкие синие просветы, но их ломаными линиями наскоро сшивала молния.

Анвар озибался и никак не мог понять, где находится. Горы, скалы, трава сменили свой цвет, будто переоделись в другую одежду. Но вот же тот камень, на котором Анвар сидел и играл на свирели! А вон та скала, за которой квохтал кеклик... А где же овцы? Анвар закричал срывающимся голосом:

— Суллон!.. Суллон!.. Суллон!..

И даже не заметил, как, обжигая щеки, потекли слезы.

Никто не отзывался. Анвар решил, что слезы делу не помогут. Он вытер рукавом щеки и стал отыскивать овечьи следы. Но дождь уже успел их смыть. Анвар побрел вдоль ущелья, всматриваясь себе под ноги, уходя все дальше и дальше в горы. Порой он, прячась от дождя, останавливался под нависающей широкой козырьком скалой и, приставив ко рту ладони, звал Суллона. Но шум дождя заглушал голос. С гор стремительно бежали мутные потоки. По дну ущелья и в ясную-то погоду всегда гулял сквозняк. А теперь ветер проносился по нему с такой силой, что мог сбить с ног, сбросить вниз, в бурлящий поток, который уже катил огромные камни и вырванные с корнем деревья. Ветер то угрожающе кричал: «А-а-га-а!», то протяжно и уныло завывал, будто кто-то дул в громадную трубу. Черные тучи прилипали к зазубринам скал, обволакивали их темной пеленой. Из-под ног срывались камни и, разбрасывая желтые брызги, устремлялись на дно ущелья, где бесновался поток.

Анвар зачерпнул полные сапоги воды. С трудом волоча ноги, он плелся по едва заметной тропинке, когда-то вытоптанной овцами. Миновал знакомую рощицу орешин и снова позвал Суллона. Но собственный голос ему показался таким слабым по сравнению с шумом ветра и дождя, что сделалось и вовсе страшно. Слева, за сплошной завесой дождя, он увидел между двумя скалами расплывчатое темное пятно, похожее на широкую трещину, смыкавшуюся где-то вверх. Это был вход в пещеру. Обрадовавшись убежищу, где можно укрыться от дождя и пронизывающего ветра, Анвар побежал к пещере. Едва войдя в тесный и холодный грот, в отчаянии бросился ничком на песок. Мускулы ныли от усталости, по телу разлилась слабость. С одежды Анвара стекала вода и темными змейками бежала в разные стороны. Несколько долгих минут Анвар боролся с тошнотой и душившими его слезами. Но как ни крепился, а заплакал громко, навзрыд. Ему вдруг показалось, что вся природа ополчилась против него, что его маленькое стадо унес поток, что теперь и самому ему не выбраться из этой западни.

Он долго лежал, выбросив руки вперед, вцепившись в камни. Ему почудилось, что кто-то щекочет его чуть повыше запястья. Боясь пошевелить рукой, Анвар поднял голову и всмотрелся. Через руку перебежали черные точки. Он чуть не закричал с испугу. Но вот глаза привыкли к темноте, и он уви-

дел, что это всего-навсего муравьи. Анвар сел и отряхнул руку. Он сдвинул на муравьиную дорожку камень и стал наблюдать. К неожиданному препятствию подполз крупный муравей. Остановился, в недоумении пошевелил усиками и, долго не раздумывая, полез на камень. За ним последовали остальные. Прошла всего минута, и вот по другую сторону камня снова ожила дорожка. Анвар сидел пораженный: «Какие маленькие, а сколько у них упорства, настойчивости...»

Из темной глубины пещеры доносился переливчатый звон. Видно, где-то сверху сочилась вода и тяжелые капли падали в выдолбленную ими в камне чашу. Вдруг Анвар уловил в их ритме знакомую мелодию. На мгновение ему почудилось, что это Энвер ударяет деревянными молоточками по своим бутылкам. Вспомнилось ему, что, когда одолевает страх, нужно петь. И он запел, тихо, почти шепотом. Слова слетали с дрожащих губ:

На малахитовом склоне цветут эдельвейсы,
Возле самого солнца вьется беркут.
Люблю я здесь играть на свирели,
Орел не послушать меня прилетел ли?

Анвар вскочил и очертя голову выбежал из пещеры. В лицо хлестнули холодные струи.

— Суллон!.. Суллон!.. Суллон!.. — закричал Анвар, и его голос прозвучал теперь четко и властно.

Издали, то нарастая, то вновь затихая, донеслось протяжное и призывное: «Оу-у-у... о-о-о...»

Наверно, точно так же завывало Поющее ущелье, мимо которого гнал своих овец к партизанам Абдулла-юлдузча. И ему тоже небось было страшно. Но он пересилил в себе страх. Если бы не сумел это сделать, пропал бы... Анвар тоже должен взять себя в руки.

— Суллон!.. Суллон! — снова позвал он.

«У-у-у...» — послышалось опять с противоположной стороны ущелья.

Внизу пенился поток. Волны с размаху шлепались о гранитные выступы. А ветер проворно подхватывал брызги и превращал их в промозглый туман.

И вдруг Анвар вспомнил! Хлопнул себя по лбу... Раджаб говорил, что на той стороне ущелья есть просторная пещера, где они всегда пережидали с дедом непогоду. Она должна быть очень просторная, потому что там укрывались даже овцы!..

«У-у-у...» — слышалось уже совсем близко.

— Суллон! Суллон! — позвал Анвар и начал спускаться к воде, чтобы перебраться на тот берег.

За спиной слышался шорох и посыпался гравий. Пришлось сделать большое усилие, чтобы, уцепившись за камень, не соскользнуть вниз. Удержавшись на склоне, Анвар обернулся.

— Суллон! — вырвалось у него радостно, и он, поскальзываясь, стал на четвереньках карабкаться вверх.

Суллон кинулся к другу, лизнул его в щеку.

— Суллон... милый Суллон... а где же овцы?..

Пес вскарабкался вверх, подождал, пока Анвар тоже взберется, и побежал по одному ему заметной тропинке. Анвар то и дело падал, едва поспевая за ним. Тропинка скользнула вниз, перевалила через каменистый бугор, и Анвар увидел лежащее поперек ручья старое тутовое дерево. Суллон перебежал по нему на другой берег. Анвар ступил на дерево и стал осторожно передвигаться. Кора размокла и выскальзывалась из-под ног. Анвар дотянулся до ближайшей ветки дерева и, ухватившись за нее, прыгнул на землю.

Суллон напряженно следил за неловкими движениями Анвара, готовый в любую секунду прийти ему на помощь. Когда Анвар оказался вне опасности, пес подпрыгнул и опять лизнул его в лицо. И, поминутно оглядываясь, побежал дальше.

Когда подошли к пещере, совсем стемнело. Суллон юркнул в черную дыру. Анвар, пригнувшись, последовал за ним. Коробка со спичками в кармане раскисла, и нечем был осветить. Анвар двигался, держась рукой за шершавую стену. Осторожно ставил ногу и, ощупав ею впереди себя землю, делал следующий шаг. У ног слышалась странная возня. Анвар коленями наткнулся на что-то мягкое и теплое. Заблеял испуганный ягненок. Анвар почувствовал теплое дыхание маток, услышал аппетитное причмокивание ягнят.

Когда наконец отлегла от сердца тревога, Анвар почувствовал, как сильно устал. Ему никак не удавалось согреться, зубы выбивали дробь. Он протиснулся между овцами и опустился на согретую их телами землю. Неожиданно обнаружил под собой сухую траву и обрадовался. Видать, постарались в свое время дед и Раджаб. Вот и пригодилась эта подстилка Анвару.

Гром теперь рокотал где-то в отдалении. Снаружи под склоном, вздыхая, ворочался в тесном каменистом ложе поток.

Анвар, пригретый боками овец, вскоре уснул. Ему снился сон, будто сам он ветер и носится над горами и разрывает в клочья злые тучи. А в распахнутое им в небе голубое оконце выглянуло солнышко и весело смеется, благодарно кивает Анвару...

АЛАЯ ЧАЛМА

Анвара разбудила тишина. Он уже не спал, но все еще лежал с закрытыми глазами и гадал, куда это вдруг девались шум дождя, завывание ветра, раскаты грома. Вспомнив, что грозы приходят, а потом уходят, он обрадовался и подумал, что напрасно вчера так испугался.

Ветер, влетающий в пещеру, приносил запах мокрых трав, подсыхающей земли и овец. Тело успело отдохнуть, но все еще болело, словно вчера Анвару намяли бока. Он не шевелился. Как хорошо чувствовать себя отдохнувшим. Анвару и раньше случалось намаяться. Но разве то была настоящая усталость? А вчера он в первый раз в жизни устал по-настоящему. Сейчас слушал, как у входа в пещеру расчирикались, озуруя, воробьи, и ему казалось, что во всем мире нет приятнее песен. Каким же многоцветным и ярким покажется день после устрашающей мглы, которую он видел вчера. Слышался шелест кустов, на которых разыгрались птицы, с веток звучно падали дождевые капли. Анвар чуть было снова не погрузился в сон, но кто-то легонько тронул его за плечо и хрипловатым голосом сказал:

— Проснись, сынок. Отдохнул, теперь вставай.

Анвар с трудом разомкнул склеившиеся веки. Сел и начал тереть руками глаза.

— Ты здоров, сынок? — спросил дед.

Анвар кивнул. Он ждал вопроса — каким образом ему удалось уберечь стадо... Ждал похвалы. И уже приготовился пересказать все коротко и сухо, словно ничего особенного и не произошло — как подобает настоящим чабанам. Но Саттарота только сказал:

— Торопись, сынок. Солнце уже высоко. Овцы проголодались, — и вышел из пещеры. Почмокав губами, отозвал в сторону Суллона, который лежал у входа и не позволял овцам выходить, пока Анвар не встанет.

Анвар вышел из пещеры и зажмурился от света, хотя он и не был столь ярко. Занималось серое утро. Вокруг был такой

густой туман, что невольно хотелось его раздвинуть руками. А в вышине, сквозь него светилось белесое пятно. И Анвар понял, что туман стелется только понижу, заполняя до краев лощины. А вершины гор уже нежатся под солнцем. Поодаль постепенно таял силуэт деда.

Саттар-ота спустился к речке, которая немножко утихомирилась, но все еще была мутной. У сваленной шелковицы он обернулся и крикнул:

— Мы там, где всегда, на южном склоне! Раджаб на углях жарит чабанский кебаб. Торопись, а то жир застынет...

Анвар немножко обиделся на деда: мог бы и расспросить его о вчерашнем! Но тут же подумал: разве следует удивляться если сборщик хлопка чисто оберет все грядки, если сапожник сошьет прочные сапоги, если мама скроит ему рубашку точно по размеру, если... А ведь и он вчера никакого подвига не совершил. Эта история — суший пустяк, обычное дело в нелегкой работе чабана, которому не стоит удивляться, а надо принимать как должное. Когда подобные

трудности для Анвара станут обычным делом, тогда, наверно, и повяжут ему на голову алую чабанскую чалму.

Анвар сунул под язык два пальца и пронзительно свистнул. Суллон бросился в пещеру и выгнал оттуда всех маток и ягнят. Овцы знали брод. Они прямехонько направились к тому месту, где речка разливалась вширь и едва покрывала песчаное дно. Течение в этом месте было слабое, еле приметное. Выбравшись на противоположный берег, животные по привычке побрели друг за дружкой по узенькой тропке, что тянулась по краю обрыва и постепенно уходила вверх сквозь туман. Суллон степенно вышагивал впереди. Временами он сходил с тропинки, чтобы не мешать овцам следовать дальше, и оглядывался на чабана. Анвар, вскинув на плечо посох, неторопливо шел позади отары. Под сапогами хрустела галька, сквозь которую после обильного дождя сразу же пробились зеленые иглы травы. Овцы перевалили через поросший можжевельником раздвоенный горб горы и, выйдя на солнечную сторону, разбрелись по зеленому склону. Поодаль, около большого розового камня, похожего на девочку, присевшую у ключа, дед и Раджаб возились с костром, сизый дымок расстилался по джайлау. У Анвара сразу засосало под ложечкой. Только теперь он почувствовал голод и ускорил шаги.

— А, brave чабан, торопись! — крикнул ему Раджаб издалека и помахал рукой.

Анвар насторожился: нет ли в интонации Раджаба насмешки.

Когда Анвар подошел, Раджаб, потирая заслезившиеся от дыма глаза, сказал с улыбкой:

— Сейчас кебаб будет готов. Присаживайся. Кто славно потрудился, тот хорошо ест. Твой дед говорит, что ты молодец. А заслужить похвалу твоего деда потруднее, чем вот эту скалу сдвинуть с места. Это уж я точно говорю. Сам испытал.

Анвар понял, что в словах Раджаба нет иронии. Он был очень доволен похвалой, но не подал виду.

— Мне Суллон помог, — признался он.

— Славный пес. Вначале и я без него обойтись не мог, — заметил Раджаб. — Но Суллон не станет помогать кому попало. И это мной лично проверено.

— Раджаб прав. Суллон многим подпаскам помог стать настоящими чабанами, — подтвердил Саттар-ота.

Псы с хриплым лаем кинулись за выступ горы. За ними,

чуть приотстав, мчались подросшие щенки. Волка почуяли или отгоняют овец от отвесного обрыва. Чабаны не обратили на это внимания. Они были уверены в своих помощниках. Саг-тар-ота и Раджаб спокойно беседовали. Только время от времени прислушивались к лаю собак и к побрякиванию колокольца, по которому легко определить, где пребывает в это время отара.

А заря все разгоралась. Она все больше становилась похожей на шелковую, развернутую вдоль всего горизонта алую чалму, которую дарят в награду подпаскам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИРАБЫ	3
ПОДАРОК	17
ОБИДА	21
СТРАДА	33
ОХОТНИКИ	43
ВЕРА АҚСАКАЛОВ	50
АБДУЛЛА-ЮЛДУЗЧА	60
СЕДОЙ ВОЛК	72
ДОБРОЕ ДЕЛО	81
РОСА НА РОЗАХ	94
В ГОРАХ	96
СУЛЛОН	98
ГРОЗА	102
ДРУГ В БЕДЕ...	106
КОР	108
ИСПЫТАНИЕ	116
АЛАЯ ЧАЛМА	123

Для среднего возраста

Эмиль Османович Амитов

АЛАЯ ЧАЛМА

Повесть

Ответственный редактор

Г. И. Московская

Художественный редактор

В. А. Горячева

Технический редактор

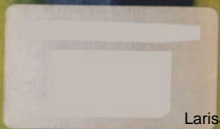
Н. Г. Мохова

Корректоры

Н. А. Сафронова и Е. Н. Щербакова

Сдано в набор 5/VIII 1975 г. Подписано к печати 8/XII 1975 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 7,31. Тираж 100 000 экз. А14224. Заказ № 1340. Цена 38 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Larisa_F